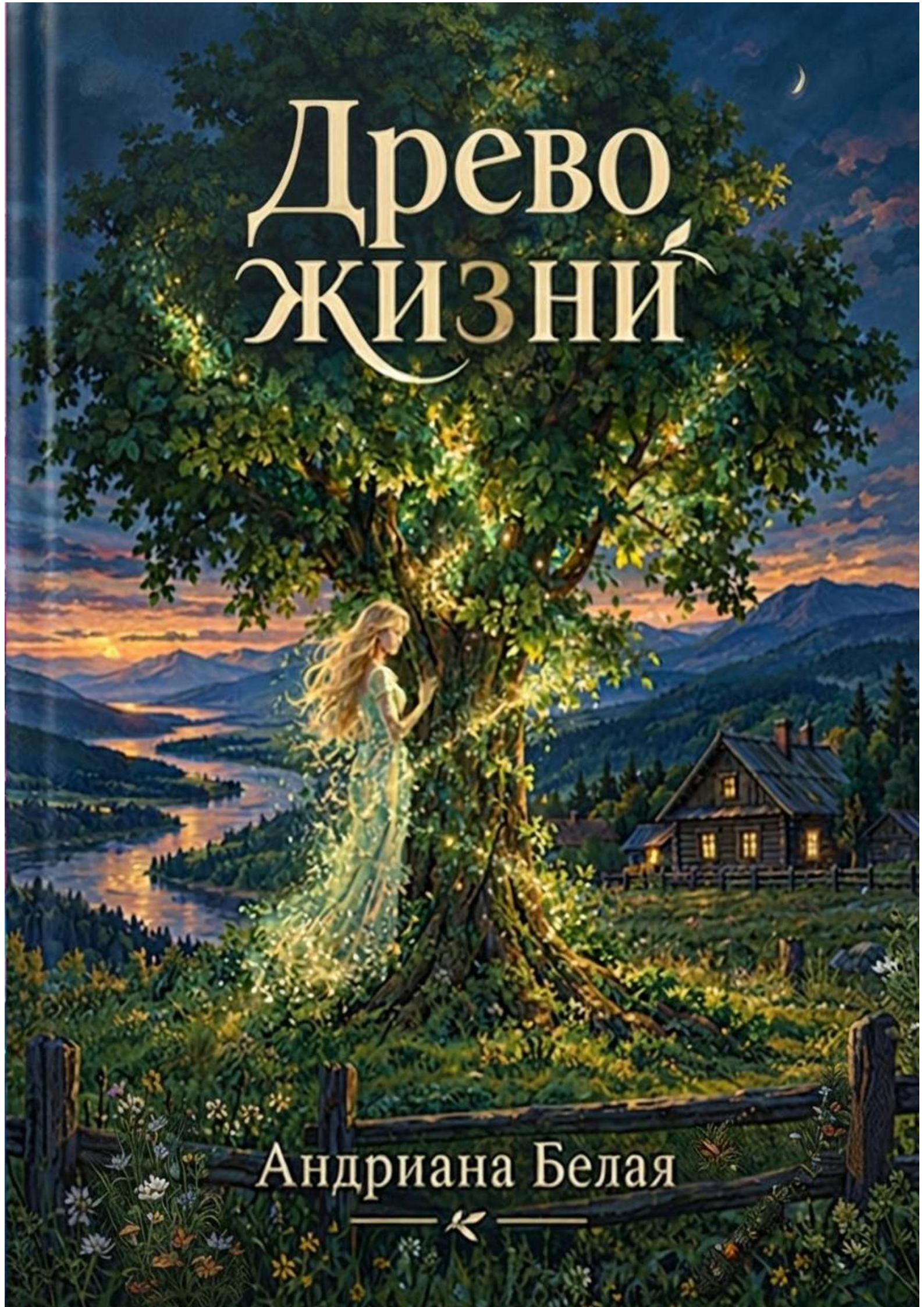

Древо жизни
Андриана Белая

Андриана Белая

Древо жизни

«Автор»
2026

Белая А.

Древо жизни / А. Белая — «Автор», 2026

Эта книга о путешествии длиною в жизнь, о истории любви, что раскрывается только после смерти, о сомнениях и параллельных мирах, существующих в ветках древа жизни главной героини - Мишель. Любовь и боль неотделимо сопровождают ее на страницах романа, тонкой нитью переплетая реальность и параллельный мир. Преодолевая смерть, Мишель и Матвей создают новый мир, но он открывается для Мишель не сразу.

© Белая А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Древо жизни 6
Предисловие 7
Часть I 10
Глава 1. Там где зарождаются тени 11
Глава 2. Пункт «А» Начало 14
Глава 3. Первая ветка Древа жизни 21
Глава 4. Путь из одиночества 23
Глава 5. Качели школьных лет 31
Глава 6. Вторая ветка Древа Жизни 52
Глава 7. Горизонт судьбы уже виден 66
Глава 8. Выпускной 74
Глава 9. Третья ветка Древа жизни 86
Глава 10. Ускользающее детство 96
Глава 11. Волчок фортуны или насмешка судьбы 100
Глава 12. Четвертая ветка Древа жизни 103
Конец ознакомительного фрагмента. 122

Древо жизни

Древо жизни

Посвящается другу

Предисловие

Нулевой уровень

Все мы знаем, что память человека ограничена. Она не вмещает на свою «флешку» все ощущения, события и переживания каждого дня, не говоря уже о снах. Только лишь самые прекрасные и печальные моменты жизни перелетают в хранилище «избранного», что существует в подкорке нашего мозга. У кого-то воспоминаний больше, у кого-то меньше, но всем нам хочется увеличить это хранилище. Мы чувствуем что-то забытое, очень важное, и желание вспомнить, открыть, увеличить это пространство воспоминаний подталкивает нас на действие. Наскальные рисунки, книги, а сейчас и бескрайние гигабайты облачного мира хранят то, что уже известно, что уже доказано и пережито. Однако и этого нам мало. Кроме сохранения знаний и ощущений прожитого дня, мы стремимся заглянуть в будущее.

Сложные загадки Вселенной всегда вызывали любопытство, и поэтому наш пытливый ум остановить невозможно. Притормозить, временно заточить в рамки, в общепризнанные традиции, но не искоренить. Стремление искать что-то новое и неизведанное движет человечество вперед.

Здесь, на страницах этой книги, мы попробуем приоткрыть одну из завес неизведанного, на примере одной жизни. Однако помните, заглянуть за пределы привычного мира можно лишь сбросив оковы со стиснутого сознания. Сделаем это вместе, и начнем с определения нашего привычного восприятия мира и жизни.

Когда мы спим, дышим, любим, чувствуем, осязаем, мы не задумываемся о том, что это может быть лишь часть жизни. Нам не приходит в голову, что ощущений жизни гораздо больше, чем мы привыкли замечать. Как правило, привычная жизнь в рамках логики и научных открытий, не дает нам заглянуть в себя, в самые глубины нашей души, нашего «Я». Конечно, каждый из нас испытывал порывистые чувства, возникающие непонятно откуда: гормональные перепады, «дежавю», переутомление - оправдываемся мы. Нам удобно считать себя нормальными, четко следуя традициям или законам жизни, написанным самим человеком. Лишь религия дает право нам задумываться о потустороннем, о неведомом, не привлекая внимание, и не выходя за четко предписанные нам рамки нормы.

Но что если все наши рамки слишком малы и ограничены, что, если жизнь имеет более ветвистую структуру, нежели путь от точки А до точки Б? Именно такой мы и увидим жизнь в этой книге. Жизнь в ином представлении.

Посмотрите внимательно на эту картину. Вы согласны, что в этом простом движении, где чья-то рука сажает в землю семечко, есть нечто притягивающее?

Но что это по-вашему? Просто посадка в огороде или забота и любовь? Если смотреть скептически, то первый вариант привычней, он обоснован реальным миром. Но ведь можно взглянуть на картину не только глазами, опираясь на разум, а подключить душу и чувства. Возможно, в этой картине есть более глубокий смысл.

И он действительно есть, для тех, кто его ищет. Приглядитесь, само таинство зарождение жизни просматривается в ней. Момент, как из божьих рук в землю попадает семя, которое уже содержит в себе и душу и клетку плоти. Мать-земля, раскрыв свои объятья, с заботой принимает его и, окутав любовью, вынашивает, выкармливает его, даруя не только питательные элементы, но и энергию, силу и мощь, которая до конца дней будет наполнять его жизненной силой. Отдав свое тепло и влагу этому маленькому беззащитному семечку, в ответ она получает в сто крат больше. Вы скажете: «… что она может получить? Разве что перегной». Отчасти вы правы. Перегной с опавших листьев и плодов будет питать и согревать землю, как подарки сына, подаренные матери на восьмое марта, но это ведь не главное, главное заключается, в том, что земля, выносив это семечко, получит любовь этого создания, которое скоро выпустит свой первый корешок, в ее плодородную землю, и эта взаимная любовь навеки свяжет их. Семечко – это жизнь, жизнь человека, дарованная свыше и подкрепляемая нашим домом, нашей землей, нашей родиной. Она - опора для роста каждого из нас.

И вот, окрепнув в земле, создав первые корешки, наша жизнь выпускает к Богу свой росточек, хрупкий, нежный стебелек, с жаждой жить и тянуться к божественному свету. Без Бога – Отца и Матери - земли, ему не выжить. Только благодаря их заботе и любви он растёт и крепнет, вытягиваясь все выше и выше.

Но жизнь состоит не из единственно ровного стебля, жизнь — это древо, которое то и дело ставит нас перед выбором. Без сучка и задоринки деревьев не бывает, таким может быть лишь часть его, ровная полоса, период спокойной безмятежной жизни. Однако, рано или поздно, все равно встает выбор, который и является тем самым сучком, той будущей веткой, желающей расти в другую сторону от основного ствола, выбирая иной путь.

Когда мы стоим на перепутье, мы начинаем судорожно взвешивать все за и против в поисках единственно верного решения. И нам кажется, мы вершим свою судьбу, мы творцы своей жизни, а порой и ее палачи. Но это не так. Некий код нашего “древа жизни” заложен в нас еще на стадии творения самого семени. Если в землю вложено семечко сосны, то и вырасти должна сосна, а не береза. Поэтому сколько бы мы не стояли и не думали, мы все равно выберем тот вариант, который продолжит рост ствола, чтобы наше дерево тянулось ввысь.

Обрастая ветками, мы обрастаем сомнениями. Мысли: «А что было бы, поступи я по-другому?» часто возвращают нас в то время, когда формировалась та самая ветка, тот момент перепутья судьбы. Мы видим на нашем стволе это место, и даже чувствуем, как оно пульсирует и живет. Если внимательно прислушаться к звукам иной частоты, то можно услышать, как по жилам ствола течет живительная энергия, питающая что-то, не поддающееся нашему зрению. А это та самая ветка, пушистая и красивая, растущая под тем углом, который ты мог бы тогда выбрать, но по ряду причин не сделал этого. А она действительно живет и растет, как и мы, но в другой плоскости, в другой реальности, на иной частоте. Ее путь не подвластен заложенным правилам – тянуться вверх, как ствол дерева, что является жизнью земной, у каждой ветки свой, отличный от него путь.

Скажите, хочется вам видеть лишь ствол дерева, лишь реальность, без раскидистых веток с пышной кроной Древа жизни? Если да, то Вам, мой читатель, я даю права выбора: прочесть эту книгу без красот вымысла и возможности человека на параллельную реальность. Для этого достаточно лишь, пролистывать главы под названием «Ветка», начав свое чтение с главы под названием: «пункт «А» до главы «пункт «Б».

Но тем, кто привык видеть полную картину, предлагаю не пропускать ни строчки. Пытливые и любознательные, смогут прожить здесь не одну, а целых десять разных жизней. Ведь только пережив и проанализировав их, можно увидеть это самое Древо жизни, со всеми ее сучками и задоринками.

Этим мы с вами и займемся в этой книге. Итак, наше путешествие начинается.

Часть I

От корней до звезд

Глава 1. Там где зарождаются тени

- Дефибриллятор, быстро!

- Разряд. Пульса нет. Еще раз…

Она стояла рядом, наблюдая, как ее худое безжизненное тело подскакивало под электрическим разрядом. Длинный пищащий сигнал и ровная полоска на мониторе контроля свидетельствовали об остановке сердца.

- Ну вот и все, Мишель…, - пронеслась ее последняя мысль, выданная человеческим мозгом, в котором повсюду змейками бежал необратимый процесс рвущихся нейронов.

И тут же она увидела, как летит вверх, однако ощущение было совершенно противоположное, казалось, она камнем падает вниз. Мишель просачивалась свозь прозрачную, еле заметную воронку времени, что пульсировала и текла в обратном направлении от ее полета, стремительно унося ее душу высоко в небо. В это время она не видела ни земных строений, ни суеты той жизни, которую покидала. Перед ней открывались совершенно другие картины. За этот миг полета, как при быстрой перемотке, перед ней пронеслась вся жизнь. Выкинув ее высоко в небо, воронка стала рассеиваться, превращаясь в медленно плывущие облака, похожие на растянутую сахарную вату.

В этой невесомости голубого неба Мишель осторожно балансировала, пытаясь поймать привычное равновесие. Наконец, ее прозрачное тело выровнилось, и она опустилась на что-то твердое, но в тоже время незримое. Поверхности под ней все также не было. Сделав шаг, она принялась осматриваться вокруг. Бескрайнее небо и теплое солнце ласкали ее, обволакивая ноги облачной поземкой, но волнение не стихало. Здесь было столько простора и свободы, а ее душа, как птица в клетке, рвалась от одиночества. Устремив свой взгляд вниз на землю, Мишель вдруг увидела не тот привычный вид из самолета, на высоте полутора километров, а совершенно другое. Это была, скорее, планета «Маленького принца» с его розой, только вместо розы росло дерево. Ветвистое, высокое оно завораживало. Ветки разной длины начинали пушить дерево чуть ли не от основания длинного ствола. Мишель попыталась сосчитать их, но с той высоты, с которой она смотрела, точно разглядеть никак не удавалось.

Непреодолимое желание приблизиться, рассмотреть, охватило ее всю. Но волнение и отсутствие понимания не позволяло это сделать. «Как устроен этот мир, за границей человеческой земной жизни?» - думала она, охваченная чувством беспомощности. От этих мыслей со всех сторон к ней начали притягиваться серые грозовые тучи. Она хотела их разогнать, но не знала, как. И, не найдя ничего другого сквозь ползущие тучи, она искала просвет, чтобы еще раз посмотреть на манящее дерево, к которому так хотелось приблизиться. И тут вдруг она услышала:

- Теперь у тебя нет тела, нет силы притяжения, законы физики здесь не применимы, - подсказывал ей знакомый Голос, тот что всегда жил в ней. Тот, с которым она всегда вела свои беседы при жизни, анализируя и рассуждая о том или ином событии.

- Что же мне делать? Как разогнать тучи и спуститься? Меня так манит это дерево, я хочу туда, – привычно вступила она в диалог с Голосом.

- Все, что здесь совершается, происходит только по твоему желанию из памяти ощущений, что багажом переносятся из всех твоих земных жизней. Здесь нет внешнего воздействия, здесь ты хозяйка всему. Ты вездесуща.

- Как ты?

- Как я, как он… - и ее взор коснулся родного силуэта, не спеша шагающего к ней навстречу, - и как многие, вошедшие в мое царствие, – продолжил Голос.

- Матвей! – кинулась она навстречу к приближающемуся человеку.

- Подожди! – остановил ее голос, - Всему свое время. Желания имеют свою очередность. Хаос, он только внешне беспорядочен, на самом деле, и здесь свои правила.

И тут она заметила, что шаги, которые делает Матвей к ней навстречу, не уменьшают расстояния. Тогда она попыталась сама добежать до него, но и это не удалось. Они видели друг друга, они шли, бежали, но расстояние не менялось. Эти двое все также были далеки. Мишель остановилась.

- Что я делаю не так? – вспылила она, крича в никуда.

Она крутилась на одном месте, желая увидеть подсказку, но вокруг были одни лишь грозовые тучи. Среди них она уже не видела ни Матвея, ни солнца, тучи затянули все. И тут, во мраке темноты, тучи с грохотом столкнулись, выпустив ослепительный разряд молнии. Небо озарилось ярким белым светом, на один миг ослепив ее. Раскат грома и стрелы молний проходили совсем рядом и с грохотом падали вниз, туда, где росло ее дерево. Земля возле дерева полыхала, а на нем от жаркого пламени сворачивались обуглевшие листья. Не в силах это видеть, Мишель закрыла руками лицо. Силы ее покинули, и она в слезах упала на колени.

- Нет, не надо, пожалуйста, Господи! Пожалей его! – взмолилась она, перепугавшись за дерево, с которого посыпались в один миг пожелтевшие листья.

- Ты должна научиться смотреть не вокруг, а через себя. Это главное правило здесь, – спокойно ответил Голос.

- Через себя? – задумалась Мишель и убрала с лица руки.

Она постаралась успокоиться и посмотрела вниз. Капли слез, что выливались из ее глаз, уже превратились в дождь и пролились на землю, затушив горевшую траву. Ветер раздул опавшие листья и легким снежным одеяльцем укрыл дерево. На душе у Мишель стало тихо и спокойно, и от этого вновь выглянуло теплое солнышко, обласкав и согрев деревце после сна. И вновь появились почки, еще миг, и они выпустили свежую зелень, распушив ее дерево.

- На Земле прошел год, – пояснил Голос.

- Целый год? Но ведь я здесь только появилась… и так ничего и не поняла, - грустно продолжила она.

- Ты поняла, но не осознала! Мир здесь устроен иначе. Если в земной жизни ты питаешься от внешних эмоций, то тут, наоборот, твои эмоции питают этот мир.

Мишель решила применить это правило и, выдохнув, начала успокаиваться. Она встала с колен и оглянулась по сторонам. Чем спокойней ей было, тем прекрасней становился мир вокруг нее. Небо приняло умиротворенный голубой окрас, вокруг стали появляться зеленые полянки, реки, горы, цветы, красивые сады с цветущими деревьями и кустарниками, на которых щебетали птицы. Она посмотрела в ту сторону, где до грозы был Матвей. И да, он снова стоит на том же месте. Мишель вновь устремилась к нему, но и сейчас она не смогла преодолеть это расстояние.

- Но почему я до сих пор не могу приблизиться? – обратилась она к Голосу.

- Я уже говорил тебе. У хаоса тоже есть своя очередность.

- Очередность желаний?

- Правильно, – подтвердил Голос.

- Но зачем? У нас же много времени. Можно все успеть, и неважно, какое желание исполнить первым.

- Ты права, но есть зависимые желания. Исполнение одного может изменить само пожелание второго.

- То есть, первое мое желание – увидеть вблизи это дерево - превыше желания встретиться с любимым другом? Не понимаю, как может помешать дерево чувствам?

- Спустись и ты поймешь, – предложил Голос.

Мишель снова присмотрелась к манящему дереву. И тут она обнаружила, что чем больше она думала о дереве и успокаивалась, тем ниже спускалась. Приблизившись, она поняла: это не

просто дерево, это Древо Жизни, ее жизни. Ствол – реальная земная жизнь, которую она прожила и которая совсем недавно эпизодами пронеслась перед ней в момент смерти, а ветки… их она видела впервые. Каждая ветвь прорастала в том самом месте, где она когда-то давно, после долгих метаний и сомнений, делала свой выбор. Эти места сомнений и при жизни притягивали Мишель. Временами, в моменты уединения, она мысленно возвращалась туда, представляя себе, как повернулась бы ее жизнь, поступи она иначе… Но реальное течение времени не давало ей возможности останавливаться. И только сейчас, после смерти ей открылась полная картина, и не с одной жизнью, как она предполагала. Ей открылись девять новых, совершенно нереальных жизней, в параллельном, незримом при жизни мире.

Закончив свой неторопливый спуск, Мишель шагнула на землю. Она была дома. Деревянный дом, банька, огород, река, горы, все любимое и родное. Только это огромное дерево посреди большого огорода она видела впервые. Оно выросло из недр родной, по материнski ласковой земли. Разглядывая мощный ствол, Мишель начинала понимать причину ее тяги к этому месту. Корни жизни глубоко вросли в родную землю, питаясь ею, как дитя от матери. Река, что омывала землю-мать, не давала ей иссякнуть и засохнуть. Подпитывая Древо живительной влагой, река не раз спасала Мишель от гибели, в те тяжелые, по-адски жаркие годы ее жизни, когда, казалось, ей уже не выкарабкаться, не подняться с колен. Именно поэтому ее всегда так тянуло домой, здесь ее корни, здесь ее Древо жизни.

Окрыленная этим местом, душа Мишель вновь захотела окунуться в свою прожитую жизнь с самого начала. Тем более, перед ней впервые открывались ветки параллельной реальности, о которых она и не подозревала раньше. Сейчас ей предстояло прожить не только земную, но и все свои параллельные жизни. Мишель подошла к стволу и буквально обвила его, прислонившись всем своим невесомым призрачным телом. Закрыв глаза, она тут же разлетелась на мельчайшие частички, что, словно бабочки, облепили все дерево и вдруг исчезли в нем. В этот момент Мишель и начала свое путешествие по Древу жизни.

Глава 2. Пункт «А» Начало

Первый вдох младенца и пронзительный крик озарили лицо матери счастьем. В этот солнечный февральский полдень, наперекор зиме, таял снег, а за окном с свисающих сосулек летели искрящиеся, кристально чистые капли воды. После долгих родовых мук первый крик ребенка и этот божественный свет из окна были для матери настоящей благодатью. Словно живая вода, слезы радости омывали ее лицо. В этот миг она не чувствовала ни боли, ни усталости. Умиротворение заполняло всю ее душу. А на белых стенах родовой от ярких лучей света играли блики и тени, что суетились вслед за медсестрой и акушеркой, перебирающей сверкающие медицинские инструменты.

Никто и не заметил, как в этот момент неестественно длинная Тень проползла откуда-то и прикрепилась к младенцу. С этой минуты и начался земной путь этого нового Божьего создания. Крохотный пухлый ребенок в белой пеленке отбрасывал тень, напоминающую маленького неуклюжего медвежонка.

- Смотри, Тань, точь-в-точь медвежонок, - заметила медсестра и показала матери на смешную тень.

- Дайте мне скорее моего медвежонка, моего Мишку, - тянула мама руки к младенцу.

- У тебя девочка, - улыбнулась медсестра, протягивая матери ее кричащий сверточек.

- Как девочка? - удивилась мама.

- Девочка! Упитанная, здоровая девчушка, - подтвердила акушерка.

- Но по всем признакам должен был быть мальчик, - рассматривала мама свою кроху.

- У тебя уже есть мальчик, так что теперь полный комплект, радуйся! - шутила медсестра, которая была еще и подругой роженицы.

- Я рада, очень рада, - целовала мать свою малютку.

- Небось и имя уже для мальчика выбрала? - спрашивала акушерка.

- Да. Хотела назвать Михаилом, Мишкой. Всю беременность с ней говорила и звала Мишей, и смотрите - вылитый медвежонок родился! - улыбалась мама, разглядывая свою кроху.

- Ничего, придумаешь какое-нибудь созвучное имя и продолжишь звать Мишей, - зная свою подругу, с уверенностью заявила медсестра.

- Обязательно, - подтвердила Татьяна.

***

Как день сменялся ночью, так и зима плавно перетекала в лето, быстро перелистывая весну, а за летом и осень. Милые, ласковые дни этих волшебных лет летели стремительно. Наш маленький медвежонок рос и креп, каждый день радуя своими достижениями не только близких, но и собственную Тень. Никто этого не замечал, но Тень не просто копировала малютку, она буквально купалась в этом младенческом счастье. Порой вытягиваясь и как бы отстраняясь, она в умилении со стороны просматривала самые трогательные эпизоды начинающейся жизни. На одной из этих картин неуклюжий медвежонок встает на крепенькие ножки и делает первые шаги. На другой слышны первые слова, а на третьей и вовсе малышка залепетала на двух языках, что звучали повсюду с самого ее рождения. В эти первые годы радость в жизни нашей крохи била ключом и Тень все чаще растворялась в ней, мало-помалу привыкая к своей естественной роли, что отведена для всех теней земного мира. А малышка продолжала расти. Днями она резвилась с детьми в садике, а вечерами со своим первым другом - соседским мальчишкой - затевались различные игры во дворах.

- Миша, Мишель, «сыфып кит»! - кричал ее друг, сидя на столбике ворот, перед окнами дома.

- «Йугерем»! - выглядывая в окно, махала она ему и стремглав мчалась на улицу, на лету влезая в обувь и верхнюю одежду.

Дома этот ребенок тоже не скучал. Главной мишенью ее увеселений в кругу семьи был старший брат - Павел. Бескрайняя любовь Мишель к брату оборачивалась порой для него настоящим испытанием. Как маленький котенок, она провоцировала его то на догонялки, то на прятки, требуя к себе максимума внимания. Но стоило Павлу отвлечься, отмахнувшись от ее требований, как на следующий день ему приходилось краснеть за яркий и живой абстракционизм на своих учебниках и тетрадках, создаваемый ею в минуты затишья.

Обласканная семейной любовью и дружеским вниманием, она, безмятежная и веселая, бумерангом возвращала все приумноженное тепло своим родным и близким. Идиллия, царящая в эти первые четыре годы ее жизни, навсегда осталась в сердце Мишель умением открыто, без остатка и без оглядки любить. Жизнь тогда казалась ей сказкой, в которой нет места печали. Но пришло время увидеть и другую сторону жизни. Так, спустя четыре года с ее рождения, в один весенний день, первая белая полоска ее жизни неожиданно подошла к своему завершению. Закончились эти ласковые дни безропотного счастья.

В шатер ее счастливого мира детства заглянула сама смерть. Первая встреча с этой черной костлявой старухой, забравшей у нее любимую бабушку, пришлась на очень ранимый детский возраст.

Весна, со всеми своими яркими красками, в один миг облачилась в траурный наряд. Потухшие глаза мамы скорбили, передавая ей тоску и уныние. Похороны. Переезд. Новый дом, новый поселок, новая жизнь. А тут еще и поступление брата в институт, и его отъезд в далекий город. Все разом перевернулось. Маленькая Мишель, выдернутая из своего уютного гнездышка, потерянная и испуганная, вдали от всего того, что так любила, нерешительно делала первые шаги по дороге новой непонятной жизни, внимательно прислушиваясь и озираясь. Пробуя ее на вкус.

Раньше она знала лишь сладкий вкус наслаждения беззаботностью. Сейчас же появившейся в ее горле ком показал и другую сторону жизни, с горьким солоноватым привкусом слез. Почему-то ей уже не хотелось смеяться и говорить глупости, от которых в семье становилось так весело и тепло. Теперь появилось новое желание – желание бежать, скрыться, спрятаться ото всех и затихнуть, как мышонок, который ждет нападения кошки.

Временами комок слез начинал расти, превращаясь в груду скомканного железа, перекрывая ей кислород. Эти новые ощущения пугали, но и заставляли мыслить, благодаря чему вскоре она научилась владеть собой, подавляя и растворяя этот жуткий комок слез без остатка. С этого момента она начала строить свой мир - мир ощущений. Сны привносили в этот мир сказку, реальность давала ей силы и строительные материалы. Внутренний мир разрастался, переполняя своей красотой всю ее душу и выливаясь через край ее зеленых глаз. Да, искристый взгляд нашей девочки был поистине магическим. Быть может, родись она в другом веке, ее бы сожгли только за один взгляд этих чарующих глаз.

При всем этом Мишель не была красивым ребенком. Белоснежные прямые волосы всегда вылезали из косичек и превращали ее в лохматого домовенка. Оттопыренные ушки были слишком большими по сравнению с ее худосочным бледным лицом с вечно синими впадинами под глазами. Куча веснушек разрисовывали ее нос и щеки, а тело уже пыталось вырваться из младенческих оков припухлости. В свои четыре года она тосковала по своим уходящим пухленьким пальчикам, расстраиваясь и не понимая, почему они становятся тонкими и костлявыми. И все эти изменения пришлись на тот самый период познания себя и мира. Мира, где кроме родителей и бабушкиного дома, все остальное было чужим и пугающим.

Но время не стоит на месте. Закончилась весна, пролетело лето, и наступил мокрый сентябрь. Родители повели Мишель в новый детский сад. Настал момент переступить новую границу. Мишель было страшно. Животик сжимался и крутил. Снова появился железный

ком. Ладошки покрылись потом. Хотелось спрятаться за маму и заплакать. Однако маленькая Мишель нашла в себе силы проглотить этот ком и держаться достойно, как учили ее родители. Уважение и полное доверие родителям было главным стержнем, за который она держалась, а точнее сказать, хваталась.

Войдя в группу, Мишель увидела детей, не похожих на тех, с кем играла в своей «первой прошлой жизни». Они показались ей скучными, надутыми индюками. Она смотрела в их глаза и не чувствовала тепла. Холод и безразличие окутывали ее маленькое сердце. Девчонки равнодушно проходили мимо, играя своими компаниями, мальчишки подсмеивались над ней и дергали за косички. Маленькая Мишель старалась сидеть одна в сторонке и играть в общих кукол, но кто-то из девчонок обязательно прибегал и вырывал их из ее рук, оставляя Мишель с полными слез глазами. Она не вопила, как другие дети, а смиренно проглатывала свой соленый комок. Тогда-то Мишель впервые начала брать в руки книжки. «Они точно никому не нужны» - думала она. И действительно, одна лишь воспитательница тревожила эти полки, зачитывая, то одну, то другую сказку в сон-час. Мишель запоминала эти сказки, а потом, перелистывая страницы, разглядывала картинки и представляла себя там - в мире чудес и волшебства.

Так пролетали дни и недели, в этом детском холоде. Никому и неведомо было, что именно тогда внутри нее происходило самое главное и самое важное – становление характера. То, что закладывается в нас однажды и на всю жизнь, наше внешнее проявления «Я». В ее же основу легли недоверие и скромность, часто перетекающая в неуверенность. А веселый нрав и вера в чудеса были заточены в самые глубины души.

Временами, конечно, ее детская непосредственность и тяга поделиться своим теплом с окружающими растапливали холод детей, и мало-помалу Мишель выползала из своей скорлупы, принимая условия игры новой жизни. Она постепенно начинала дружить с девчонками, потом и с мальчишками, но проросшее внутри нее недоверие никогда не покидало ее сердца, хотя так хотелось снова стать безрассудной, как когда-то в «прошлой жизни».

Детские игры, а особенно всеобщие детские заговоры против сон-часа (который обязательно должен был быть притворным и хорошо замаскированным от нянечек) плели свои сети дружбы, объединяя детей в одно целое. Правда, к концу сон-часа большая часть «партизан» сдавалась и спокойно посапывала.

Так, однажды в сон-час, услышав, что нянечка ушла, Мишель привстала и, свесив ножки, стала разглядывать детей в ожидании того же самого и от других. Но, к ее удивлению, все спали. И уже отчаявшись, собираясь лечь обратно, она увидела, что была не одна. Мальчик на соседней кровати тоже поднялся и стал оглядываться. Это был Матвей. Голубоглазый мальчишка-сорванец, которого Мишель немного побаивалась. Он всегда дергал ее за косички и был одним из самых веселых и задиристых детей их группы. Мишель хотела быстро лечь, чтобы он ее не заметил и притвориться спящей, но было поздно. Матвей ее увидел.

- Как…, все спят? – пролепетал, удивившись, Матвей.

- Да, мы одни, – произнесла Мишель.

- Тише, кто-то идет, – сказал он, и они оба попытались быстро юркнуть под одеяло, но было поздно. Проказники были замечены.

- Почему не спим? – спросила вошедшая воспитательница, явно недовольная, что ей не удастся подремать.

- Мы хотим в туалет, – выпалил, недолго думая, Матвей.

- Так, идите и не болтайте. Горшки за собой смойте и не разбудите остальных, иначе оба будете стоять в углу! – грозно прошептала воспитательница и вышла из спальни.

- Пошли! – махнув рукой, позвал Матвей.

Мишель тихонько спустилась на носочки и, пробираясь между кроватей спящих детей, пошла следом за смелым мальчишкой.

В то время в детских садах младших групп не было разделения по половому признаку, и все дети сидели на своих поименованных, а точнее, наделенных разными рисунками горшках вместе. Так и наши бессонные дети не раздеваясь сели рядом на перевернутые горшки и стали общаться на своем картавом языке о чем-то очень важном и жутко интересном.

К огромному удивлению Мишель, ей очень понравились такие посиделки, тем более, что спать в сон-час она жуть как не любила, как и ее новоиспеченный друг. Наверное поэтому такие ухищрения стали частыми, и со временем дети были выведены воспитателем на чистую воду. А впоследствии и наказаны. Правда, наказания оказались еще веселее, чем сам проступок, так как углы, в которые их ставили, были расположены близко друг от друга, и наши герои вдоволь насмеялись, нашутились и наболтались. Так у маленькой Мишель появился друг. Настоящий, тот, с которым она могла говорить обо всем на свете, тот, кто не надсмехался над ней, а вместе смеялся, искренне и задорно, над каждой их шуткой. Абсолютное доверие и детская дружеская любовь царили между этими детьми.

Два года пролетели незаметно. Вся их группа из садика перекочевала в нулевой класс и детский сад сменился школой. Дети подрастали. Меняясь не только внешне, но и внутренне, они начинали обрастать первыми комплексами. Мишель стремительно тянулась ввысь, вытягиваясь в длинную «шпалу» и становясь с каждым годом все неказистей и от этого застенчивей. Матвей же, наоборот, не поспевал за ее ростом, а рос наравне со всеми мальчишками их класса, превращаясь в крепенького, хорошенького и всеми любимого мальчишку. Их дружба все больше и больше казалась нелепой, а детские дразнилки «тили-тили тесто» задевали детские сердца так, что у нее наливались слезы, а он, смущенный, уходил на переменках играть к мальчишкам в их мальчишеские игры. Временами они встречались глазами, улыбались по привычке друг другу, а потом, боясь быть замеченными, быстро отводили взгляд, как будто стыдясь чего-то. Но стыдно им было лишь за то, что они не нашли в себе силы быть друзьями и дальше.

Незаметно отдаляясь, пути их расходились. В душе обоих жила обида на себя и досада от собственного бессилия, но вернуть все невозможно, ведь это детство, и оно прошло, считали они. «Девочки дружат с девочками, мальчики с мальчиками, так заведено, так делают все, кто старше нас, а значит это правильно» - думали они, считая себя взрослыми. Но совесть не принимала ни одну из этих отговорок, выгрызая в их сердцах свистящие дыры.

К счастью, на помощь к ним приходили новые эмоции и новые открытия жизни. С их приходом память не особо избирательно стирала вчерашний день, заполняя следующим, и угрызения совести притуплялись, а со временем и вовсе исчезли. Они были рады этому, ведь в 7-8 лет так быстро высыхают слезы и так хочется снова смеяться. Это возраст противоречий, он и чуткий, и ранимый, но в то же время беспечный и легкий. В нем мы разглядываем безграничное количество чувств и эмоций, как многогранный бриллиант, где каждая грань светит по-своему, и мы хотим увидеть все, каждое отражение, каждый блик, впитывая в себя все то, что дает нам внешний мир.

Но, несмотря на все блики нового дня, Мишель не допустила полного исчезновения тех волшебных моментов детства, что она так тщательно хранила в своем сказочном мире. Как воспоминания ее детской дружбы с Матвеем, так и воспоминания из «прошлой жизни» о ее тех друзьях и их играх - все они были неподвластны этому безжалостному ластику памяти.

Ее старый дом, где она провела свои первые годы жизни. Большая конура во дворе напротив, служившая местом для пряток. Столб у ворот, перед кухонным окном, на который взбирался ее первый друг, тот самый соседский мальчишка, с кем она играла в прятки и прыгала по лужам. Его детский крик, что доносился с этого самого столба, где он сидел и кричал ее имя, вызывая ее на улицу играть. А она в ответ забиралась на подоконник окна и из дома кричала ему в форточку на его родном языке: «Бегу!» … Сны помогали вспомнить мелочи, которые ускользали из памяти, и она собирала их по крупинке, вставляя в свою сказку прошлого.

В них были и разноцветные камушки, собранные в дорожку, идущую со склона горы в реку, скатывающиеся воедино при сходе снега; низенькая и редкая травка цвета яркого лучистого изумруда на небольшой полянке с качелями. Частые сны, с точным и реальным описанием той далекой жизни, не давали права памяти стирать их, ставя на всем этом большую печать под грифом «Моя жизнь».

Здесь жили не только сны и воспоминания. Мишель украшала свой мир еще и чувствами, рожденными в ее душе. Теплым лучиком солнца или первым подснежником, аромат которого был нежнее всего на свете. Летним дождиком и шелестом волн, что таскали песок и мелкие камушки. Выброшенное на берег дерево, с огромными ветвистыми корнями, что зарождало в ее фантазии разные образы, превращаясь то в огромный дом, то в целый город с ветвистыми многоуровневыми дорогами. Качели на ветке старой черемухи, которая своим скрипом аккомпанировала песенкам маленькой Мишель, что она распевала при раскачивании. Все эти чувства жизни, свободы и любви были способны озарить светом целый мир. В те моменты, когда она была охвачена этими чувствами, неважно, были они в настоящем, прошлом или будущем, ее мир наполнялся счастьем, а глаза начинали свой рассказ, желая описать людям все чудеса того мира, заворожить и увести за собой. Там она могла парить птицей, плавать дельфином, внося фантазии в свой мир чудес, а главное, там она была собой, маленьким ребенком, любящим всех и все вокруг. Как же хотелось ей поделиться этой необъятной переполняющей ее любовью со всеми, но… мир снаружи был черств. Подавляемая реальностью, она замыкалась, застенчиво пряча свои большие зеленые глаза от окружающих.

Когда-то она могла делиться этим миром со своим Матвеем, рассказывая и фантазируя вместе с ним. Но эти моменты ее жизни уходили все дальше и дальше в прошлое, и жуткая тоска по другу накатывала на нее с каждым днем все сильнее. «Вот бы у меня был ровесник - брат или сестренка», - думала Мишель, - «Ну, или старший брат приезжал бы почаще… я ведь так скучаю по нему, мне так одиноко…» - порой тосковала она, сидя на берегу и бросая камушки в реку, что заглатывала их и весело разводила круги, как бы играя с ней. Она долго вглядывалась в них, а потом в даль, и перед ней почти такими же кругами, пульсируя, раскрывалось пространство. Воздух становился густым, образуя воронку с манящим водоворотом времени. Она видела это часто, но никогда не задумывалась: «Что это и откуда?». Для нее это явление было одним из тех, что создавала сама природа. Солнечные лучи, дождь, ветер, радуга, портал времени, как она его называла, все это было естественным, понятным и не требующим объяснений. Это то, что было до нее, и будет после. А вот друга… уже не будет никогда, грустила она, вспоминая их детскую дружбу с Матвеем. Одна лишь тень разделяла с ней эти печальные мысли. Порой Мишель даже казалось, что ее тень живет отдельно. Она, как пламя огня, маячит и хочет что-то сказать, “… но это всего лишь тень”, - думала Мишель, разглядывая темное отражение себя.

***

Однажды, в теплый весенний день все поменялось. В ее жизнь постучалось чудо… Папа принес в дом маленький черный пушистый комочек, с милой мордочкой и резвыми, игривыми, живыми глазками. Это была ее Джемка. Щенок, о котором она не могла и мечтать. Жизнь сразу заиграла всеми цветами радуги, переливаясь раскатистым смехом детской радости. Заливистый веселый лай и счастливый смех девочки целыми днями слышались у них во дворе. От тоски не осталось и следа. Они играли, гуляли, купались; все, что только можно, они проделывали вместе. Мишель готова была жить и спать вместе с ней в конуре, лишь бы быть со своей подругой, верной, преданной, и такой веселой. Это была любовь, самая настоящая, самая безграничная и взаимная любовь двух друзей.

Время бежит незаметно, когда ты счастлив. Вот и Мишель не успела оглянуться, как ее любимый чёрный комочек превратился в красивейшую, большую, умную собаку «Дворцовой» породы с нотками Ненецкой лайки.

Сказать, что она была счастлива - ничего не сказать. За это время Мишель снова поверила в чудо, ведь она обрела друга. И на этот раз ничто и никто не сможет разлучить их, считала она. Верность и преданность Джемки были настолько велики, что, казалось, она понимает ее лучше любого человека. В свои восемь лет Мишель решила для себя, что лишь собаки способны быть так преданы. Искренняя любовь, читаемая в глазах ее мохнатого друга, переполняла сердце счастьем и ответной любовью.

Отбросив все опасения, Мишель дурачилась и играла со своей Джемкой повсюду, не опасаясь, что ее верный друг может кого-то покусать. Она, конечно, была права. Джемка слушалась Мишель и выполняла беспрекословно все ее команды, однако свое чутье собака обуздать не могла, и каждый раз, почуяв вражду, алкоголь или опасность, Джемка грозно лаяла, готовая защитить свою маленькую хозяйку от любого, в ком видела врага. Одним из таких врагов, к удивлению Мишель, была их соседка, бабулечка лет семидесяти пяти. Джемка, по неведомой всем причине, облаивала ее при каждой встрече. Убегающая в страхе старушка кричала на всю деревню: «Уберите собаку! Я буду жаловаться!».

Во избежание проблем родители запретили этим двоим совместные прогулки на улице. Мишель была недовольна, но с этим готова была смириться, ведь в их распоряжении оставался огород, речка и совместные поездки за реку, на покос, за ягодами или за грибами. Казалось бы, проблема решена, однако Джемка умудрялась раздражать соседку и через высокий забор. Она чувствовала ее каждый раз, когда та проходила мимо. Откровенная агрессия вырывалась лаем при каждом приближении этой старушки, и как оказалось позже, не напрасно.

Лай собаки, рвущейся на цепи, еще больше раздувал пламя ненависти в этой старушке. Быстрыми шажками она каждый раз пробегала мимо их дома, опасаясь, что цепь не выдержит этого натиска чувств. Угрозы отравить постоянно сыпались из старушки, как при извержении вулкана, но бдительность родителей не раз спасала жизнь собаки. В конце концов старушка пошла другим путем. Она написала на отца Мишель жалобу в сельсовет, с какими-то неведомыми требованиями. Что было в этой жалобе, Мишель не знала, но понурый вид родителей сразу дал понять, что дело плохо.

- Доченька, нам придется отдать Джемку… Мы не можем ее оставить.

- Нет, нет, вы не можете так поступить с ней! Она член семьи, это предательство! Так нельзя! – кричала Мишель, рыдая навзрыд.

- Мы будем ее навещать. Отец договорился с дядей Лешей, она будет жить у наших родственников. Там большой конный двор. Представь только, сколько там для нее простора, это как на воле! Ты сама увидишь: огромное пространство, Джемке понравится. Да и хозяева - заботливые, добрые… - уговаривала ее мама.

- Но там нет меня! – не успокаивалась Мишель.

- Пойми, для нее так лучше, просто поверь нам! – тоже чуть не плача, говорила мама, протягивая к ней руки, чтобы укутать своего ребенка в нежных объятиях.

- Нет, я не понимаю, не понимаю… - соскочила она и умчалась на улицу к своему верному другу.

Обхватив теплую мягкую шею Джемки, Мишель зарылась в ее шерсть и рыдала. Израненное сердце маленькой девочки кровоточило. Ее не успокаивали уговоры отца, не грели ласковые слова матери. Попытки родителей вернуть дочку домой и уложить спать были тщетны. Она не кричала, не требовала, она медленно угасала в своем мире, где горе, как пожар, пожирало ее. Все что у нее оставалось - одна ночь, несколько часов перед неминуемой разлукой. Отнять и это родители не посмели. Добавив лишь капельку уюта в виде матраса и одеяла, они оставили этих двоих под звездами теплой летней ночи.

Слезы не иссякали, а стук сердца перехватывал дыхание. И тут перед Мишель появился портал… тот самый, что всегда виднелся на берегу, но сейчас он был с ней повсюду, куда бы она не отводила свой взгляд. Он становился то багровым, то небесно-голубым, как само

небо при красивейшем закате солнца. Но Мишель ничего этого не замечала, она видела, но не хотела видеть, в ее голове стоял лишь внутренний вопль, дикий и нереально громкий… Ей хотелось кричать, пока не погаснет солнце и эта планета не сойдет с орбиты… как и ее жизнь, что медленно скатывается со своей. Ее снова лишают друга… снова и снова… сначала уехал брат, потом переезд в чужой мир, там она обрела друга, но и он ушел, а теперь и Джемка… и снова она одна, с ноющем сердцем, в пульсирующем портале времени…

А может, сбежать? Забрать Джемку и бежать, прямиком в портал. Сделать шаг и уйти в него… Туда, где время течет иначе. Где жизнь не подвластна чьим-то предписаниям. Туда, где только твои мысли и мечты способны творить новый день и раскрашивать его в те краски, на которые способна твоя фантазия, твои чувства и багаж знаний. Она не понимала, она ощущала эти мысли.

В этот момент от нахлынувших чувств и сомнений Мишель вдруг почувствовала, что ее жизнь начала раздваиваться, как что-то незримое начинает свою жизнь, не похожую на здесь и сейчас… Она отчетливо ощущала это, но, кроме стремительно бегущего времени, что заглатывал в себя портал, ничего другого она не видела. Мишель сделала шаг, пытаясь зайти в этот круговорот времени, но портал отдалился, она сделала еще один, и снова он стал дальше. Как она не пыталась, проникнуть в него, у нее ничего не получалось и она прекратила свои попытки, сконцентрировав свое внимание на том, что было действительно важным – на реальном убегающем времени, с реальной Джемкой. Мишель села, обняла своего мохнатого друга и посмотрела в небо. Темное, бескрайнее, оно было усыпано таким количеством звезд, что, казалось, им было тесно друг с другом, и они все время толкались, отчего то и дело падали со своего места, проносясь по небу яркой дугой и затухая навеки. От этого ей стало еще грустнее и тяжелые опухшие от слез веки, медленно начали смыкаться. Она сама не заметила, как вместе с теплым черным комочком тоже свернулась рядом и заснула.

***

Глаза плотно сомкнуты, слух притупился, мысли успокоились. Мишель стало хорошо. Она почувствовала покой и гармонию. Что-то приятное разлилось по телу Мишель, и она открыла глаза. Перед ней был тот самый радужный портал, что еще пару минут назад она отчетливо видела перед собой по ту сторону сна. Мишель захотелось снова попытаться проникнуть в это пульсирующее время. Она поднялась и сделала шаг. Один миг, и вот она уже внутри. Ноги, руки, а потом и все тело, стало разлетаться на мелкие мерцающие пылинки. Мишель стала невесомой и невидимой, но сознание при этом ее не покидало. Страха не было. Она не спеша плыла через длинный коридор времени, и это было не впервые. Душа помнила этот путь времени. Он был ей давно знаком. Мишель не задумывалась о том, откуда все знает, она просто делала то, что делала всегда. И вот уже конец портала - там виднелся солнечный свет. Это рассвет. В миг выхода ее тело обрело свой привычный земной облик, и она ступила на землю. Перед ней все было точно так же, как до сна, единственное, она не отбрасывала тени, но этого Мишель не заметила. В конуре свернувшись спала Джемка, а на востоке за горой уже показалось солнце. Мишель поспешила в дом. В ее голове уже зрел детский план.

Глава 3. Первая ветка Древа жизни

В то утро Мишель встала рано. Родители еще спали, и она на цыпочках зашла домой, прошла по коридору и завернула на кухню. Там она открыла холодильник и набрала провизии в свой детский рюкзачок. Затем села за стол и неровным почерком быстро написала записку. “Мама, папа, не ищите меня. Я остаюсь с Джемкой. Раз нельзя ей жить здесь, то и мне тоже.” Смахнув бегущие слезы, она все так же на цыпочках вышла из дома.

Во дворе, крутясь всем телом, ее радостно встречала Джемка. Мишель нацепила ей поводок и вдвоем они отправились в путь. Куда вел этот путь, не знал ни один из них, но они шли, не оглядываясь, все дальше и дальше. Вот уже поселок позади, а впереди длинная петляющая дорога через лес и горы.

Страх перед темнотой горы, что уже поглощала их, закрался в сердце Мишель. Джемка тоже шла неуверенно, прячась за маленькую хозяйку. И тут она вдруг рванула назад, вырвав из рук Мишель поводок. Оскалившись, она принялась лаять в темноту леса, откуда слышался треск веток. Мишель медленно попятилась назад, предчувствуя страшное. Джемка, схватив ее за платье, тянула назад, пытаясь втолковать, что пора бежать. Мишель же от страха онемела и не могла пошевелиться. Треск слышался все ближе и ближе.

Из веток, склонившихся с горы, показался медвежонок. Он неуклюже слез по одной из веток вниз на дорогу и мило зарычал на встречающих его попутчиков.

- Ух ты! «Какой милый!» —произнесла Мишель, полностью избавившаяся от страха перед косолапым созданием и направилась погладить мохнатика. Но Джемка, продолжала тянуть ее назад, все так же отчаянно лая и скалясь.

Тут снова послышался хруст веток, и на этот раз он приближался очень быстро. Мишель догадалась, что за детенышем неслась его мама.

- Мамаааааа, - закричала она во всю мощь и побежала назад в сторону поселка. Джемка бежала рядом, то и дело облаивая уже появившуюся медведицу, которая на четвереньках бежала вслед за ними, рыча и скалясь всеми своими острыми зубами…

Тут Мишель споткнулась и растянулась на дороге. Обернувшись, она увидела, как дорога осветилась фарами, и медведица на мгновение переключила свой взор на машину, чуть не наехавшую на медвежонка. Визг колес и рев клаксона развернули косолапую мать, и она бросилась в сторону машины.

- Беги, девочка, беги со всех ног, я ее отвлеку, - крикнул водитель и начал сдавать назад, планируя развернуться, но медведица настигла его быстро, набросившись на капот, царапая и тряся машину.

Вдруг Джемка рванула вперед, облаивая медведицу, пытаясь помочь водителю. Он, быстро сориентировавшись, прошмыгнул мимо медведицы и, машина поравнялась с Мишель. Водитель выбежал и силой запихнул ее в машину. Он догадался, что девчонка остолбенела от страха.

- Нет, нет, отпустите меня! - кричала она. - Там моя Джемка, моя собака! Джемка, Джемка, ко мне! - кричала она из открытого окна уносящейся машины.

- Она убежит, убежит, не переживай… - успокаивал ее водитель.

Но из леса никто не выбегал. Слезы и крик заполнили машину. Рвущаяся девочка билась о закрытые дверцы, крича и умоляя ее выпустить, но водитель не останавливался, увозя ее все дальше и дальше от того места темной горы.

- Чья ты, девочка? – обратился он к ней, как только она, обессилев, затихла.

- Я ничья… Я - Джемкина! – вытирая слезы, тихо произнесла она.

- Мне нужно отвезти тебя домой, покажи дорогу, - ласково, с пониманием произнес он.

- Высадите меня здесь, – и она показала на первый дом на въезде в поселок, который, покривившись, еле стоял на земле.

- А разве там кто-то живет? – неуверенно спросил водитель, глядя на перекошенные ставни.

- Да, там живет моя семья. Спасибо, что подвезли, – пошла на хитрость Мишель, - откройте, я выйду.

- Хорошо, - неуверенно открыл он ей дверь, - давай я провожу тебя, расскажу, что произошло, твоим родителям.

- Не надо, я сама, - смахивая слезы со щек, произнесла она уже грубо.

- Ладно, прощай… Скажи хоть как тебя зовут, девочка?

- Алена, – соврала она и пошла в сторону калитки чужого дома.

Дождавшись, когда автомобиль скрылся, она тут же, срезая дорогу, бросилась через поле к тому месту, где остался ее верный друг. Подбегая к горе, вдали на обочине она увидела черное пятно.

- Джемка! – крикнула она и помчалась к ней.

Действительно, на обочине лежала ее израненная собака, истекая кровью. Раны были повсюду, но она еще дышала, часто и тяжело. Мишель склонилась над ней и, зарывшись в ее кровавую шерсть, рыдала, умоляя Господа - исцелить. Прокручивая в голове все, что произошло, она отчетливо понимала всю свою вину. Терзая и рвя душу, Мишель просила обменять ее на жизнь ее друга…, но Он ее не слышал.

И, как молоточек судьи, последнее биение сердца ее верного друга стало ее наказанием. Наказанием за преступление, что она совершила, примерив маску чужого человека, став тем, кем не была. Предав себя – покорную и тихую, она убила ее своим выдуманным бесстрашием и безрассудством. Вопреки этому «Я», заложенному в ней самим Богом.

Она не прожила длинной и счастливой жизни. Чувство вины, терзающее ее душу, быстро привели ее к финалу, и спустя пять лет сердце Мишель остановилось. Она покинула этот мир, так и не познав ни любви, ни счастья, ни прощения, но главное, она так и не нашла себя, оставшись безликим призраком параллельной реальности.

***

Да. Это была первая параллельная реальность Мишель, первая веточка на разветвлении ее дерева. Почему она стала такой грустной и короткой, спросите вы. Причина проста. Выбор, что она сделала, был неосознанным. Он не был продуман в силу возраста, это был порыв. Куда он должен был ее привести, она в момент сомнений, не понимала. Одно лишь сопротивление и желание бежать руководили этой маленькой девчонкой. Но этого мало для шанса на развитие жизни. Это - то же самое, что происходит с нами в реальной жизни, когда мы необдуманно что-то резко меняем и не прикладываем усилий к развитию новой цели… Это лишь попытка стать другим, вырваться из своей оболочки. Но разве может сочетаться маска со счастьем? Нет. И кем бы мы не родились, это мы… Да, не всегда сильные, не всегда смелые, со своими недостатками, а порой и причудами. Но это Мы. Это наше «Я». И только оно имеет право на жизнь, а не притворная маска идеальных качеств.

Все это поняла Мишель слишком поздно. К сожалению, осознание истины не всегда доступно нам при жизни. В этой ветке Мишель обрела ее лишь в последний миг, когда закрыв глаза, она спокойно выдохнула и через приоткрытые губы, с последним глотком воздуха вылетели те самые частички души, что однажды отделившись и создали этот мир.

В тот момент портал медленно начал растворяться, оставив в этом отрезке грустную жизнь маленькой девочки. Течение времени здесь закончилось, перенеся в реальность лишь сны с всплывающими эпизодами из этой короткой жизни. Только одна Тень, что была здесь невидимым зрителем, знала все. Облепленная частичками освободившейся души она шагнула в закрывающийся портал, назад в реальность. Туда, где все происходило иначе.

Глава 4. Путь из одиночества

Сколько слез было пролито в то утро! Мольбы, призывы, все было напрасно. Родителей было не переубедить. Казалось, даже тень Мишель, прикладывала усилия, маяча перед ними, темным пламенем горечи, вырывающемся из сердца маленькой девочки. Но ее не слышали.

Джемку отвезли родне, живущей на другом конце деревни. Разлука для Мишель была чудовищной. Они были не просто раскиданы на разных территориях, они были разделены ее бессилием, ее маленьким возрастом, родительским наказом и страшной соседкой, которая воплощала в себе все самое мерзкое и отвратительное, что только могла изобразить ее фантазия. Впервые Мишель почувствовала ненависть, страшное жуткое чувство тьмы, которое проникает в душу и пытается закрасить своей мглой все вокруг. Но что-то внутри боролось с этой тьмой, изгоняло, как демона, и в итоге, ненависть отступила. Мишель не смогла ненавидеть… это было не ее… В душе она сменилась на надежду, на редкие встречи со своим мохнатым другом.

В силу своего возраста, маленькая Мишель не могла самостоятельно навещать собаку и только нечастые поездки отца к родственникам, давали ей шанс увидеть верного друга. В эти моменты Мишель, обливаясь слезами, бежала к Джемке, а та, еще издали завидев и почуяв свою маленькую хозяйку, виляя и извиваясь в радостном предвкушении встречи, мчалась к Мишель. Запрыгнув передними лапами ей на плечи, Джемка слизывала все слезинки с детского личика, заставляя Мишель смеяться. Она быстро росла и порой в этих играх чуть не валила хрупкую Мишель с ног, прыгая от радости на нее со всей силы. Их любовь пережила годы частых расставаний, но память друг о друге осталась у каждого этого живого существа до последнего вздоха, воедино сплетясь с болью разлуки. Встречи были редкими, а каждый отъезд болезненным. Наверное, поэтому отец все реже и реже стал навещать этих родственников.

Мишель снова осталась одна. Одна в этом многолюдном мире. Но, как ни странно, в своих мыслях она никогда не представляла, то «Если бы…», в котором могла что-то изменить, сбежать, спасти свою Джемку. Ее сознание запрещало эти мысли, ограждая от чего-то страшного, выражаемого в еле уловимом ощущении неизбежного горя, что иногда она чувствовала по утрам, пробуждаясь от кошмарных снов. Память, как будто в назидание, оставляла в ее голове одну картину ускользающего сна. Там она всегда сидела на пыльной дороге, а в ее руках вздрагивала окровавленная Джемка. Холодный пот и мокрая, залитая слезами подушка не позволяли развивать эти мысли, и она училась радоваться настоящему.

***

Годы шли. Мишель росла. Она менялась внешне, но не внутренне. Застенчивость в ней только увеличивалась, подкрепляемая комплексами когда-то нескладной внешности. Однако на протяжении всего подросткового периода, она вела борьбу с этой самой внешностью, изгоняя из себя сутулость и распрямляя плечи. Со временем Мишель научилась не только исправлять, но и маскировать все недостатки, выделяя единственно красивое что у нее было – глаза. Незаметно она начинала привлекать к себе взоры окружающих, превращаясь из гадкого утенка в красивого лебедя. Тонкая талия, стройный стан и длинная шея, с красивыми глазами, обрамленные длинными ресницами и летящими бровями домиком, приковывали к себе взгляды. Но она в зеркале видела все ту же угловатую некрасивую девчонку. Любые проявления внимания со стороны противоположного пола казались ей насмешкой и издевательством. Прилетевший снежок снега, выпущенный когда-то лучшим другом, она не восприняла примирением и попыткой снова начать дружбу. Наоборот, он вставал все тем же соленым комом в ее горле, обидой, что и Матвей над ней смеется. А ведь это были, всего на всего, детские забавные игры.

Но потихоньку жажда общения начинала перебарывать застенчивость, и, закрывая глаза на свои комплексы, она летела, как мотылек на огонь, в общее веселье и дурачество. Порой

крылышки обжигало, но и одиночество уже не привлекало. Наставал тот период взросления, когда потребность в друзьях преодолевала любые преграды. Восьмой класс, это еще детство, но уже с замашками всезнающего подростка. Период, когда дети считают себя очень умными и взрослыми. Время, когда уже не хочется прятаться, а наоборот, потребность быть замеченным нарастает в каждом, даже в самом скромном и тихом ребенке.

***

- Мама, можно мне с девчонками на дискотеку?

- Доча, учиться нужно, а не по дискотекам шататься. Сколько четверок у тебя выходит в этой четверти?

- Три. – грустно ответила, Мишель.

- Я слышала, по географии кто-то тройку на прошлом уроке схлопотал? – пристально посмотрела на нее мама.

- Я исправлю… - еще более грустно сказала Мишель и побрела в свой уголочек учить уроки.

Раздался звонок телефона. Она пулей спрыгнула со стула и, подбежав, схватила трубку. Мама с недоумением смотрела на взъерошенную дочь.

- Да, - чуть затаив и переведя дыхание, ответила Мишель.

- Ну что, тебя отпустили? Тебя ждать? – прозвучал мелодичный голос Ксюши – ее соседки и одноклассницы.

- Нет, но я еще попробую… - искоса глядя на маму, полушепотом произнесла Мишель.

Мама, поняв, о чем речь, улыбнулась.

- Я перезвоню, позже. Ждите пока, - твердо сказала Мишель.

— Вот ведь упертая! – улыбаясь, произнесла мама, - Рассказывай давай, что это вдруг тебя понесло на дискотеки? Не рановато ли в тринадцать лет с пьяными отплясывать?

- Мам, наши все ходят, и Ксюша, и Лиза, и даже Танюху отпускают, я одна, как белая ворона.

- Странно. Таня такая скромная девочка, я думала после переезда она еще тише и стеснительнее станет. А она, как и ты, еще та стрекоза, оказывается, - усмехнулась мама, вспоминая одноклассницу Мишель, что недавно переехала из дома по соседству.

- Конечно, у нее ведь теперь новые соседи, куда интересней меня, - немного ревниво ответила Мишель.

- А тебя это, я вижу, задевает?

- Не то, чтобы задевает, просто я ждала, что она будет приходить ко мне и мы, как и раньше будем дружить. Но ей, похоже, с новыми соседскими мальчишками куда интереснее, чем со мной. Теперь мы общаемся только в школе, и то не на каждой перемене. Она от меня отстранилась. Вот, может, на дискотеках хоть будем общаться, - улыбнулась Мишель.

- Ну и хитра же ты! – рассмеялась мама.

- Честно! Все, кто на дискотеки ходит, они более сплоченные, а я одна в сторонке сижу, вечно не в теме происходящего.

- А как же уроки? – вспомнила мама свой аргумент.

- Сегодня суббота, уроки делать не надо. Завтра успею сделать. А сейчас все заслужили отдых. Ведь мы все переделали, дома чистота, порядок, в баньку сходили, посуду перемыли. Время отдыхать. Вы с папой спокойно одни дома отдохнете, а я на дискотеке! Обратно домой пойдем всей нашей бандой. Ну, пожалуйста, пожалуйста! – взмолилась Мишель, сложив ладошки.

- Девчонки говорят, наши мальчишки всегда всех девочек провожают. Ты же знаешь, они за нас горой. Ну, пожалуйста, отпусти, так хочется танцевать! - и Мишель закружила маму в танце…

- Ну-ну, хватит, я без сил, ты права, сегодня нам с отцом надо отдохнуть. Хорошо, я отпущу, только назови всех, кто из класса идет, - сказала мама.

Тут Мишель в спешке начала перечислять всех, параллельно прихорашиваясь и одеваясь.

- Я бегу, ждите! – перезванивая подруге, крикнула в трубку Мишель и, чмокнув маму, выбежала из дома.

На улице была кромешная тьма. Фонари на столбах не горели. Как это часто случалось в поселке, загорались они не каждый вечер, а когда загорались, то горели через один, а то и через два столба. Но Мишель не замечала ничего, в ее глазах взрывался целый арсенал фейерверков. Она готова была танцевать прямо на бегу. Стук сердца напоминал ритм музыки, и шаги очень здорово попадали в него.

Вот уже слышны голоса ребят.

- Миша, это ты? - крикнула Ксюша.

- Да, я, – отозвалась Мишель.

- Догоняй, мы уже опаздываем, – крикнул еще кто-то из толпы ребят.

- Бегу. И Мишель со всех ног пустилась к ребятам.

Веселье било ключом. Эмоции заполняли ее всю. Тело само находило движения, и ритм музыки 90-х поглотил Мишель полностью.

Вдоволь насмеявшись, наплясавшись, дети побрели по домам, правда, проводы оказались длиннее самих танцев. Так как все жили в разных частях поселка, толпа детей провожая каждую девочку из класса, проходила многокилометровые пути, но ни один из них не пытался увильнуть и уйти раньше, скорее наоборот, этот процесс забавлял всех еще больше. Никто никуда не спешил. Ведь здесь не было громкой музыки, и можно было рассказывать много смешных историй или создать их прямо на ходу. Смех и веселье лились через край.

Наутро все тело ломило, ноги были в мозолях, но улыбка все равно не сходила с лица Мишель.

- Как все прошло? – поинтересовалась мама, накрывая на стол.

- Все хорошо. – скрытно, но лукаво ответила дочь.

- Я же вижу, ты вся светишься, рассказывай! – подмигнула ей мама.

- Мама, ты не представляешь, я так танцевала, у меня получалось. Я почти все танцы танцевала, отдыхала только на медляках, а потом снова и снова, без остановки.

- Как же так, тебя что ни разу никто не пригласил на медленный танец? – удивилась мама.

- Нет…, а зачем? Я и так уставала. Надо же было перевести дух, к тому же подышать воздухом тоже хотелось, там немного душновато.

«Ну и ну, так значит, моя девочка боится парней! Это успокаивает» - подумала мама.

- Так значит, ты сияешь от усталости? - уже вслух сказала мама, - Надо тебя, похоже, побольше нагружать, веселее будешь! – с улыбкой добавила она.

- Нет, не надо… – надула губки Мишель.

- Хотя… можно! Если вы меня будете отпускать на дискотеку каждую субботу! – умоляла дочь.

- Не наглей, детка! – ухмыльнулась мама, - К тому же, ты так и не рассказала, в чем таится твое сияние?

- Да… вроде ни в чем… – растерянно ответила Мишель.

- Правда… ничего особенного не произошло. Просто было весело. Мы такой дружной компанией никогда не ходили. Мальчишки наши поднимали нас, как кукол, мы играли в догонялки, дурачились, да и все. Но это было волшебно! – вспоминая все, улыбалась Мишель.

«Девочка моя, какой же ты еще ребенок», с умилением смотрела мать на дочь и радовалась за нее - ее чистому счастью.

- Хорошо, я буду тебя отпускать по субботам, но с одним условием: ты должна учиться на одни пятерки. Как никак, уже старшие классы, пора браться за ум. Будет хватать времени

на танцы - хорошо! Нет – значит, ты должна осознавать, что нужно поработать над собой и отложить развлечение! – в меру строго произнесла мама.

- Я согласна, мама. Обещаю, я приложу все силы.

- Хорошо, договорились, а теперь пей чай, уже все блины остыли.

Радость переполняла Мишель. Она понимала, какое ответственное обещание дала, но ничуть не сомневалась, что сможет его выполнить, ведь упорства ей не занимать. Взрослые решения и ответственность начали входить в ее жизнь параллельно с веселым вкусом жизни. Наверное, поэтому никогда в жизни она не боялась брать на себя непосильный груз, так как знала точно, что награда будет сладкой. Умело выстраивая свой график, в большинстве случаев она срывала свой джекпот в виде дискотеки.

А если нет, то дискотеку она закатывала дома, ставя в свой двухкассетный магнитофон кассеты с «Якидой», а потом танцуя под «Касабланку». Хотя это был далеко не самый любимый перечень ее музыки, но настроение дискотечного веселья они передавали. Все эти песни переписывались с одной кассеты на другую и тем самым охватывали почти всю молодежь поселка. Музыку же для души Мишель искала на транзисторе, таская его из комнаты в комнату с вытянутой длинной антенной и настраивая шипящие волны. Иногда ей даже удавалось поймать Европу плюс, где она могла услышать песни своего любимого Бари Рекстона и других выдающихся певцов того времени.

Любовь к танцам и музыке смогла выточить в ней еще и вкус. Творчество во всех его проявлениях восхищало ее. И, как в детстве, она все яркое складывала в шкатулочку своего внутреннего мира, тем обогащая его еще больше. Музыка, картины, книги имели свое место в этом укромном уголке. Это ее преклонение перед прекрасным было воспринято окружающими, как чудачество, но она не придавала значения. Она четко разделяла внешний мир, и тот, что жил внутри нее. Мир, полный чудес, мир, куда не был допущен ни один человек… Разве что Матвей, но и он уже был мифом. “Вряд ли сейчас он помнит о моем детском лепете”, - считала Мишель.

Но он помнил… Те детские годы, с моментами душевной близости с маленькой девочкой, в сердце Матвея остались навсегда. Да и как он мог это забыть, ведь таких чувств в жизни он больше не испытывал. Полное доверие, понимание, гармония, веселье, умение говорить лишь одним взглядом, тайные рассказы о своих мирах, где они могли фантазировать и быть кем угодно, но всегда вместе, не стирались из памяти. Он их лелеял и берег, как сокровище. Матвей чувствовал, что обидел ее и виноват, поэтому в первые школьные годы неумело по-детски пытался приблизиться и извиниться, но выходило как-то глупо, и всегда с провалом. «Почему она не смеется, когда я ее дергаю за косички или закидываю снежками, ведь другие девчонки всегда с радостью принимают эту игру? А у нее вместо улыбки накатываются слезы» - думал маленький мальчик. «Не хочу видеть ее слез, не буду ей докучать» - решил тогда наш маленький герой. Все, что он мог сделать, это молча расти рядом, глядя на нее со стороны.

Сначала он наблюдал, но потом понял, что простое наблюдение превращается в любование. Она стала меняться. «Почему я раньше не замечал какая она красивая, как она танцует, а какие у нее огромные зеленые глаза и как они смеются, так искренне и так завораживающе» - думал он. Но, к его огорчению, это стали отмечать и другие мальчишки. Первые неосознанные порывы ревности стали терзать его, но, наблюдая за ней, Матвей понимал - волноваться не о чем, она ничего и никого не видит.

Но он ошибся… При всей его настороженной наблюдательности он упустил одного «старшака». Да и как ему его заметить, когда она маскировала свои чувства так сильно, что сама в них не верила. В этом возрасте девочек очень часто привлекают мальчики постарше. Своих же ровесников они воспринимают не более, как друзей. Этот временной провал переживают практически все в классе восьмом, девятом. Не обошел стороной он и Мишель.

А случилось это весной - в том же восьмом классе. Школьники проходили медосмотр в поликлинике. Весь ее класс уже был внутри, а Мишель опаздывала.

Поликлиника располагалась в большом деревянном бараке. Крылечко его было невысоким, но довольно-таки широким. Строили крыльцо изначально с задумкой полностью закрыть от осадков, по обе стороны должны были быть окна, а фасад крыльца с дверью. Но задумка реализовалась лишь наполовину. Дверь была установлена, а вот окна так и не вставлены. Вместо окон были лишь широкие проемы с подоконниками. На этих самых подоконниках в тот момент и сидели два «старшака» из десятого класса. С краю сидел Никита Сергеев, длинный светловолосый парень, весь подвижный и вечно ищущий приключений. Рядом, облокотившись о стену и опираясь на одну ногу, сидел его друг – Станислав Герасимов, который в поселке оброс всевозможными прозвищами. Друзья звали его и Гера, и Герыч, и даже Горыныч, учителя старались звать по имени, но прозвища были такие звучные, что за глаза и они порой допускали погрешности. Гера был красивый, хорошо сложенный, коренастый брюнет с живыми карими глазами.

Парочка эта славилась своей дерзостью и наглостью. В то утро два друга давно освободились. Их класс прошел медосмотр, и все разошлись по домам, но эти двое домой не спешили. Наслаждаясь весенним солнцем, они вынашивали новые идеи для школьных розыгрышей и приколов.

- Слушай, что придумал! Завтра у нас биология последним, давай вызовемся убраться за решеткой, биологичка ключ нам даст, а мы скелет оттуда вытащим и под лестницей спрячемся. Будем девок пугать! Во ржака будет! – смеялся Никита.

- О, смотри дочка классной идет. Давай и над ней подшутим! – предложил Стас.

- Не, ты что, нам классная потом башку оторвет.

- Да ну, не дрейфь, - подбивал его Стас.

- Тебе надо, ты и прикалывайся, - заключил Никита.

В это время Мишель, не обращая на них никакого внимания, запыхавшись от быстрого бега, поднялась на крыльцо.

- Девушка, вашей маме зять не нужен? – раздался, как гром среди ясного неба, голос Стаса.

Глупость этой шутки всегда бесила Мишель, а сейчас она еще и была выпущена в ее адрес. Мишель вскипела в один миг. Рассвирепев от этой наглости, она с неистовым гневом сверкнула колким презрительным взглядом на Стаса, что откровенно смеялся над ней, сидя на своем подоконнике. Но вместо злости она вдруг почувствовала, как земля уходит из-под ног, а ноги становятся ватными. Взгляд их длился не больше 5 секунд, но в душе каждого оставил глубокий след от стрелы купидона, метко выстрелившего в этот момент и пронзив одной стрелой оба сердца.

Мишель не понимала, как в один миг перевернулось ее сознание? “Как вообще такое возможно?” - думала она. Человек, которого она всегда считала развратным, глупым хамом, зацепил ее? Да так сильно, что Мишель не могла заставить себя не думать о нем. Мысли постоянно уносили ее на это крыльцо, а его глаза и голос будоражили память. Сама того не замечая, Мишель стала постоянно искать его в толпе. Боясь быть замеченной, затаившись в укромном месте, она при любом удобном случае, тайком смотрела на него. Ей было стыдно, она ругала и корила себя, но ничего с собой поделать не могла.

Мама Мишель – Татьяна Ивановна, как вы уже поняли, была той самой классной руководительницей десятого класса, где учился Станислав. Во время вечерних рассказов мамы о своих учениках слух Мишель резко обострялся, выцепляя из всего сказанного главное: рассказы о нем, а точнее о том, что он натворил в очередной раз. Этот неугомонный ученик пылал своей энергией везде, кроме учебы. Смазливый коренастый парнишка был еще тем школьным «Казановой», не пропускающим ни одного шанса закадрить новую девчонку. Оставлял след

в школьной жизни он не только этим. Он входил в «шайку хулиганов», слава о которой была нелестная. Шумные, пьяные сборища повес и шутников часто выходили за рамки дозволенного. На пару с Ником они постоянно привлекали к себе внимание в школе, то разукрашиваясь как попугаи, то придумывая изощренные приколы, срывая уроки.

Несмотря на всю свою распущенность, эти двое повес побаивались свою классную. Татьяна Ивановна была непростым человеком. Как и со своими детьми, так и со своими школьными "детками" она обращалась так, как они того заслуживали. Никогда не повышая голос, без единого ругательства и оскорбительного слова, она могла так раскатать провинившееся "дитя", что многим было бы легче получить подзатыльник, чем ее грозные нотации. В ней сочеталась грация и усталость, строгость и нежность, ее любили и боялись. Она была одним из немногих учителей, на чьих уроках царила тишина. При этом она никого не заставляла, ни принуждала, ей было достаточно посмотреть на того ученика, что опрометчиво решил пошуметь. Кроме всего этого, она была очень проницательна. Быстрый анализ всего происходящего моментально выдавал ей правильные ответы. Так произошло и с Мишель.

Последний звонок прозвенел, за ним сданы все экзамены. Еще один школьный год завершен. Грусть от того, что все лето теперь не будет долгожданных вечерних рассказов, незаметно просачивалась из Мишель. Ей хотелось еще и еще слышать о нем, хоть что-то незначительное, пусть даже старый рассказ, но о нем. И в какой-то момент своим любопытством и расспросами Мишель неосознанно выдала себя. Богатый педагогический опыт Татьяны Ивановны не подвел, она расколола дочь, как орех.

- Нам нужно поговорить, - строго сказала мама. -Ты уже большая девочка и довольнотаки неглупая, но временами меня пугаешь.

- И чем же это? - абсолютно искренне недоумевая, спросила Мишель.

- В твоем возрасте ко многим приходит первая любовь, но, к сожалению, не всем везет встретить в этот момент принца…

- Мама, я ни в кого не влюблена, ты что? – усмехнулась Мишель, пытаясь увильнуть от этого страшного разговора.

- Я все вижу, дочь, и мне жаль, что им оказался Станислав. Он недостоин тебя, ты же знаешь какой это человек. Вам не по пути. Он может вскружить твою голову и посмеяться над тобой, – с горечью произнесла мама. - Я не переживу этого… – еле сдерживая слезы, сказала Татьяна Ивановна.

- Мамочка, я обещаю тебе! Я никогда не буду с ним! Я, как и ты, понимаю, что нам с ним не по пути… я его люблю и не люблю одновременно, не знаю, как такое может быть… – растеряно сказала Мишель, - Мама, ты мне веришь?

- Верю, но будь осторожна…, очень надеюсь, что ты не принесешь в подоле, – как-то грубо сказала мама.

От этих слов у Мишель застучало в висках, и сильная головная боль мгновенно сразила ее. Она хотела ответить, но сил говорить не было, и Мишель с поникшей головой вышла из дома.

Она не задумывалась, куда идет, Мишель просто шла туда, кудо влекло ее сердце. Неспешно ступая по узеньким дорожкам огорода, проложенным деревянными досками, вдоль многочисленных грядок различных культур, Мишель дошла до разделяющего забора с невысокой калиткой. Этот забор делил пополам весь их участок, отделяя маленький огород от большого. Отворив калитку, Мишель вышла в большой огород, там, где росла картошка. Высокая ботва превращала эти огромные грядки в зеленое волнующееся поле. Здесь не было досок, и дорожки между грядками казались совсем узкими из-за склонившейся ботвы, что цеплялась за ноги. Но Мишель ее не замечала, переступая, она не спеша шла вперед. И вот большой огород позади. А впереди еще одна дверь. Она откинула крючок и распахнула ее.

Каждый раз выходя из этой калитки, Мишель как будто впервые видела эту картину, что создал сам Бог. Вроде та же река, те же горы, но каждый день в ней было что-то особенное, не похожее на то, что было вчера. Сейчас она наблюдала, как в трех метрах от нее мелкой рябью переливалась река, медленно выбрасывая еле заметные волны, которые создавали белую пенку, похожую на пушистые облака. Эта линия, плетясь вдоль всего побережья, четко разграничивала гладь воды от берега. Широкая, но нежная, как материнские ласки, река заряжала Мишель душевным теплом. За ней, на другом берегу, возвышались Уральские горы, не сильно высокие, но волевые. Их сила чувствовалась на расстоянии. Они, как надежное мужское плечо, придавали сил и смелости, отдавая свою энергию всем тем, кто в ней нуждался.

От калитки к реке тянулась короткая вытоптанная дорожка, переходящая в мостик. Справа от мостика, наполовину вытянутая из воды, покачивалась желтая деревянная лодка. Слева лежало то самое выброшенное рекой дерево, с ветвистыми корнями, что так нравилось маленькой Мишель. В детстве это было ее любимое место для игр, а сейчас оно стало чем-то большим. Это было особенное для нее место. Здесь сердце всегда находило свой спокойный ритм, а душа покой. Мишель знала, только здесь она сможет воскреснуть из пепла, как птица Феникс, в момент самых больших потрясений. И именно поэтому она сейчас сидит на сухом дереве, откинувшись в его ветви корней.

Здесь она спокойно может побыть одна, в своем мире, в реальности и в фантазии одновременно. Шум волн и ветра окрыляли ее и, мысленно превратившись в птицу, она взвивалась в синеву неба и парила над горами, полями, рекой, наслаждаясь всеми красотами родного края. Но тут чей-то визг и смех прервал ее полет, и она камнем обрушилась в реальность, а там Он - Стас…

Он был с незнакомой симпатичной девушкой, пел ей песни, они плескались в воде, целовались и играли. Рядом его друзья также резвились с какими-то девчонками. И тут Стас заметил ее. Взгляды их встретились, он усмехнулся и страстно поцеловал свою подругу, при этом неотрывно смотря смеющимися глазами в глаза Мишель. Боль стала невыносимой, она соскочила и молниеносно убежала домой, одарив при этом его взглядом, полным презрения…, и он это понял.

- Гера, ты куда? – опешила девушка, которая секунду назад, была обласкана и зацелована.

- Отстань, – грубо ответил расстроенный Стас, что в спешке выходил из воды.

- Что с тобой, брат? – кинулся за ним его друг.

- Я домой, на сегодня все… - оглянувшись на девушку, процедил Станислав.

- Какая муха тебя укусила? У нас были другие планы. Поехали на другой берег! Юлька к тебе приехала, ты что, забыл? – с недоумением шептал Никита.

- Девочки готовы, все срастается, а ты, черт тебя подери, решил взбрыкнуть? – шепотом произнес Никита.

- Мне все равно. Я поехал домой…, ничего уже не хочу, прости брат, без обид, – сказал грустно Стас, потрепав Никиту по плечу.

- Давай в другой раз, ок? – подмигнул он Нику и, одевшись, направился к своему мотоциклу, что привалившись, стоял у соседнего забора на полянке возле берега.

Но этой картины Мишель не застала, она была дома и тихо рыдала в подушку. Боль, стыд, страх, злость, гордыня… сколько еще чувств бурлило в эту минуту в ней, можно только догадываться. Душа разрывалась в клочья, она изо всех сил кричала про себя: «Я тебя ненавижу, ненавижу, ненавижу…». Только сердцу не прикажешь. И как она не старалась, в ее душе ненависть и любовь сейчас играли в салочки.

Взяв себя в железные тески, Мишель выиграла эту игру. Ненависть взяла верх, но как взяла…, скорее любовь надела маску. Конечно, она дала слово маме, дала слово себе, внушила себе неприязнь и считала, что все закончено. Но сердце не повинуется нашим здравомыслящим решениям, как ни крути. Каждый раз, случайно столкнувшись с ним взглядом, она обда-

вала его такой яростной злобой, что теперь он оставался без почвы, не зная, как реагировать, а она торжествовала, чувствуя себя победительницей. Это ей очень льстило и забавляло. Но, скрывшись с глаз, она снова и снова смотрела на него, вглядываясь в каждую черту его лица и тела, не в силах сопротивляться влечению, стыдясь и ругая себя за это.

Глава 5. Качели школьных лет

5.1. Тайный замысел

Новый учебный год для Мишель начался тихо и размеренно. Все та же школа и те же учителя. Все, как всегда, ничего нового. Днем уроки, вечером уставшая мама со стопками тетрадей и новой порцией рассказов о шалостях своих учеников. Мишель любила эту часть вечера, когда они за чашкой чая сидели с мамой вдвоем на кухне, пока папа проводил в спортзале вечерние секции.

- А твой Гера, похоже, за ум решил взяться напоследок, - смеялась мама.

- Во-первых, не мой, а во-вторых, мне нет до него никакого дела, - пыталась показать притворное безразличие Мишель.

Но рассказы мамы интересовали ее, и, как бы она не пыталась это скрыть, материнские глаза обмануть ей не удавалось. Со временем она уже перестала скрывать свое любопытство и слушала рассказы, как увлекательную книгу, ожидая каждый вечер продолжение. Но истории с его участием в этом году были куда скучнее предыдущих сезонов. Он и вправду взялся за ум и, кроме недоумения учителей, ничего в школьную жизнь не привносил. Его работа клоуна осталась в прошлом.

Стас вдруг перестал срывать уроки и, более того, начал готовиться и отвечать. Он даже метил в ударники к концу первой четверти. Разговоры в учительской не замолкали. Все наперебой диву давались упорству Станислава и гадали о причине его перемен, но безуспешно. Никому и на ум бы не пришло, что причиной тому – Она, неприметная девчонка с огромными, дерзкими зелеными глазами. Ради нее он готов был измениться, лишь бы она сменила свой приговор «казнить» на «помиловать». Пару раз на дискотеке он даже пытался её поймать, поговорить, пригласить на танец, но безуспешно. Мишель брезгливо отталкивала его руку и уходила, со словами «Я не танцую», добавляя про себя «с тобой», и эти слова он видел в ее взгляде отчетливо.

- Гер, что с тобой, дружище? – спросил в самом начале этих диких перемен Никита, сидя на спортивном бревне школьного стадиона.

- По ходу, я влюбился… - ответил Стас.

- И кто эта счастливица? Я ее знаю? Юлька? Такой страстной телочки у тебя еще не было, я прав?

– Нет, это не она…

- Ну, брат, заинтриговал, давай колись!

- Ты будешь ржать, а для меня это очень серьезно, понимаешь. Со мной никогда ничего подобного не было. От одного взгляда меня в пот бросает, а оторваться не могу, как будто меня привязали к ней. Мне самому было стремно сначала, а сейчас мне уже плевать, кто что скажет. Я хочу ее завоевать во что бы ни стало…, может, потом меня и отпустит… – ухмыльнулся Стас.

- А если серьезно, мне не хочется, чтобы отпускало. Знаешь, мне иногда кажется, она - та самая, с кем я готов дожить до старости.

- Ага, - засмеялся Никита, - И пропустить всех других девчонок? Не смеши меня! В шестнадцать лет, когда жизнь только начинается, ты готов зарыть себя из-за какой-то глазастой девчонки? Скажи хоть, кто это чудо природы? Что-то я не припомню ни одну такую в нашем поселке, или ты нашел в другом?

- Нет, в нашем – и он, нервничая, стал обкусывать сухую травинку, сорванную с полянки, зная, что Никита не отстанет и придется ему все рассказать.

— Это дочь нашей классной… - тихо произнес Стас.

- Да, ладно, ты издеваешься… а я ведь чуть не поверил! – разразился в диком смехе Никита.

- Я же говорил, ты будешь ржать…

- Ты что серьезно сейчас? Не верю! Вообще не в твоем вкусе! Не обижайся, но я вообще не понимаю, как на нее можно запасть. Она же уродина!

- Поаккуратнее, - вскочил и взял за грудки его Гера. - Не все то золото, что блестит. Надеюсь и ты когда-нибудь это поймешь…

- Тихо, тихо… - успокаивал его Никита.

- Ты со мной? Готов помочь, или так и будешь издеваться и ржать? – отпуская Никиту уже спокойно сказал Стас.

- А есть выбор?.. Мы ведь друзья, конечно, я поддержу тебя… надеюсь, утолишь голод и придешь в себя, – усмехаясь, ответил его друг.

- Не говори о ней плохо, иначе я буду жалеть, что рассказал тебе!

- Ок. Так что ты задумал, зачем тебе я?

- Она динамит меня, не подступиться. Надо придумать что-то, от чего ей не отвертеться, что-то организованное школой, а не нами, иначе она не согласиться даже рядом со мной стоять.

- А что ты успел ей сделать, что она на тебя так взъелась? Все-таки пытался залезть ей под юбку, я прав? - расплываясь в улыбке, произнес Никита.

- Нет, ничего не делал. Просто иногда встречаемся взглядами и – бац, как молнией, и так каждый раз. Мне кажется, у нее тоже самое, вот она и боится. Я ж для нее неподходящая партия, сам понимаешь, мамаша не допустит такого.

— Это точно… Ну, так какой план?

- Я слышал, уже начали думать о представлении на Новый год. А если нас выдвинут на роль Деда Мороза и Снегурочки? Как тебе идея? По-моему, не прикопаешься. Я старшеклассник, а Деды Морозы всегда «старшаки». А ее часто ставят Снегуркой на Новый год, вроде как традиция, – довольный собой сказал Стас.

- Слушай, точняк! Даже мама не догадается о подвохе.

— Вот только она может не согласиться, когда узнает, кто Дед Мороз, – грустно произнес Стас.

- Давай ты для всех до конца будешь Дедом Морозом, а в сам день представления сломаешь ногу? – сказал Стас.

- Ты что, сдурел? Не хочу я ногу ломать, еще и в Новый год! – крутя у виска, произнес Никита.

- Ну не ногу, придумай что-нибудь, чтоб мне пришлось тебя подменить, а я буду ходить на репетиции и в самый неподходящий для всех момент предложу свою кандидатуру. Типа, текст-то я все равно весь выучил, пока сидел на репетициях.

- И тогда точно ее уже никто не отпустит, если захочет сбежать. Будет поневоле играть со мной, — довольно произнес Станислав.

- Да, план что надо! – сказал Никита - Только ты не учел одного, хочу ли я учить этот дурацкий текст Деда Мороза?

- Ну, брат, это же всего на всего пара фраз, и к тому же ты их и так все знаешь, каждый год одно и то же представление.

- Ладно, выручу… самому даже интересно, чем все это закончится. Ставлю сто рублей на то, что после того, как заполучишь желаемое, оковы спадут и ты вернешься в братство!

- Согласен, спорим. - разрубил спор Гера.

- Начнем, не откладывая, ты в понедельник предлагаешь завучу свою кандидатуру на роль Дед Мороза… а кто предложит Мишель?.. Об этом я не подумал, ведь если мы начнём просить об этом, это будет подозрительно. - рассуждал Стас.

- Кто у нас активисты, девчонки, которые с завучем общаются постоянно? Ивлева, точно Ивлева, надо ее подговорить, тем более, они одноклассницы, – произнес Стас.

- Да, но с чего бы Ивлева станет рекомендовать Мишель? Она ведь ее терпеть не может, насколько я вижу со стороны, - сказал Никита.

- Кто у нас еще есть из ее одноклассниц? Может, Танюха? Ты с ней зажигал прошлым летом, – вспомнил Никита.

- Ничего мы не зажигали, просто бесились, дурачились, да песни под гитару горланили, ничего не было. Мы же соседи, все детство с ней играли. Она мне как сестра.

- Но она запала на тебя, это я точно знаю, так что, если ты ее попросишь, она для тебя все сделает.

- Тогда точно не ее нужно просить, думай, думай, кто еще?

- А может, все же Ивлеву, ты с ней хорошо общаешься, скажи ей, что хочешь обязательно с Мишель сыграть, типа больше всех подходит, коса у нее длиннее, голос тихий, ну придумай что-нибудь – умоляюще сказал Стас, жестикулируя при этом руками, показывая длинную косу.

И тут краем глаза Гера заметил, как рядом с его размахивающей тенью появилась другая тень - женская, чем-то напоминающую Мишель. Она как будто подсмеивалась над ним, показывая длинную косу, но в замедленной перемотке. Стас резко повернул голову в сторону теней, но женская тень тут же рассеялась.

- Герыч, что с тобой, ты весь побледнел? - испуганно спросил Ник, заметив отрешенный взгляд друга.

- Показалось, не обращай внимания… - отмахнулся Стас, но еще раз посмотрел на то место, где была Тень, - Ну так что, ты поговоришь? - вернулся в разговор Стас.

- Да поговорю, поговорю, - ответил Ник.

- Хорошо. Ну все тогда, брат, погнали! - потрепал по плечу Ника Стас, и они, вышли за территорию стадиона, где были брошены их мотоциклы.

5.2. Мыльный пузырь

После осенних каникул Мишель вызвали к завучу. Она с неохотой поплелась в кабинет, где, как обычно, ее ждала очередная просьба. Как это часто бывало перед праздниками, срочно кому-то нужно было рисовать от класса стенгазету, участвовать в конкурсах, спектаклях, сценках. При всем том, что активисткой она не была, ее постоянно куда-то выдвигали и этому она уже давно перестала удивляться, а безмолвно соглашалась, потому что – надо!

Так и в этот раз, завуч предложила ей роль Снегурочки, со словами: «Ты всегда у нас Снегурочка, никто лучше на эту роль не подходит».

- Почти каждый год играешь – с улыбкой произнесла Варвара Федоровна, - Но в этот раз тебе придется учить текст, так как мы поменяли сценарий.

- Будет похищение не Деда Мороза, а Снегурочки… ты визжать умеешь? – настороженно спросила завуч.

- Не знаю, я никогда не визжала, – робко произнесла наша Снегурочка.

- Держи текст сценария, учи. Через неделю начинаем репетиции.

- Варвара Федоровна, а кто еще участвует? Всех утвердили?

- Пока еще не всех, но Дед Мороз - Никита из одиннадцатого, медведь - Юрка из десятого, Баба Яга – Ивлева, там еще разбойник будет, думаю пока. Кого посоветуешь?

- Не знаю, разбойников у нас хватает в каждом классе, может, Толик или Ярик наш? Многие подходят, главное, чтоб слова смогли выучить. А Дед Мороз-то сможет текст выучить? Никита, кстати, тоже больше на разбойника смахивает, – засмеялась Мишель.

- Он, к моему удивлению, сам напросился, хочу, говорит, в последнем школьном году Дед Морозом побыть, ни разу не участвовал, хоть память останется. Не смогла на это ничего

возразить, если справляться не будет, сам виноват, тогда и заменим на разбойника! – улыбаясь, сказала Варвара Федоровна… - Ладно, беги, уже звонок.

Выучив все уроки, позевывая от усталости и желания спать, Мишель открыла сценарий.

«А он немалый!»- удивилась Мишель.

- Подумаю и почитаю его завтра – словами Скарлетт закончила этот день Мишель.

Настал первый день репетиции новогоднего спектакля. В актовом зале начинались приготовления к Новому году. Куча учеников наряжали зал, переставляли стулья, расчищали центр зала под елку, которую уже везли из леса. Суматоха и море посторонних отвлекали, и вдруг среди них, она встретила пристально смотрящий на нее взгляд. Это был Стас. Выброс адреналина разжег огонь в ее глазах, но, сдержавшись, она быстро сменила его на гнев. Обуздав свои чувства, Мишель “заморозила” сердце и приступила к репетиции. Все в этой постановке давалось ей легко, слова она выучила, Снегурочка была ее любимая роль, да и играла она ее с садика, но вот одна сцена новой постановки никак у нее не получалась – она не умела визжать. Голос никак не вырывался из ее груди, получалось тихо и не искренне, как она не старалась.

Но снимать ее с роли из-за одной только сцены никто не хотел, ведь в остальном все было идеально.

Наступил Новогодний концерт в школе. Стас, намеренный заменить Деда Мороза, уже вышел из дома и, обгоняя попутчиков, спешил занять свое место в этой постановке под названием «жизнь». Казалось, от скорости зависит все его будущее. Опоздай он хоть на минуту, все мечты лопнут как мыльный пузырь. И Стас бежал со всех ног.

Впереди тоже кто-то бежал, и вот, у самой школы, этот кто-то поскользнулся и с грохотом упал. Стас взглянул на часы и с отчаянием понял… пузырь лопнул. Предвкушение долгожданной победы рассеялось как дым. Еще минуту назад он был уверен, что их с Ником план сработает, и уже вечером Мишель будет в полной его власти. Но в эту минуту он отбросил все свои мечты и мчался на помощь стонущему парню, что никак не мог подняться. Добежав до пострадавшего, Стас протянул руку и тут обнаружил, что этим парнем был Ярик – одноклассник Мишель, который играл разбойника в новогодней постановке.

- Давай руку, друг, – нагнулся к нему Стас, – Ты как?

«Разбойник» постанывал и еле-еле протянул левую руку.

- Я, похоже, правую сломал, - показывая на нее, кивнул Ярослав.

- Держись за меня, я тебя подниму. Пойдем в учительскую, там помогут.

Стас приподнял его и помог дойти до места.

В это время суматоха за кулисами нарастала, все искали разбойника. Так как сцена с разбойником была во втором акте, представление уже началось. По сценарию первой выходила Снегурочка и вместе с ребятами искала Деда Мороза.

А за кулисами Дед Мороз - Никита уже начал свое представление с жалобами на боли в животе, но Гера никак не приходил, и он не стал усердствовать. А тут еще и разбойника на месте не было, все стояли “на ушах”. Завуч нашла таблетку и дала её Деду Морозу. На поиски разбойника отправила ребят.

- Никита, не подведи, - хмурясь, закручивала себе руки Варвара Федоровна, - Таблетка помогла? Тебе лучше?

Он кивнул ей в ответ, до этого тайком выплюнув таблетку в мусорку.

- Пора, твой выход, – и она вытолкнула Деда Мороза на сцену.

- Да где же этот разбойник? – нервничала она.

И тут за кулисы ворвался Стас.

- Варвара Федоровна, Ярик сломал руку, он не сможет играть. Я могу его подменить, слова почти знаю, если, что сымпровизирую… - с замиранием сердца, умоляющими глазами смотрел на нее Стас.

- Что вы со мной творите… Бегом переодеваться и на сцену, через три минуты уже твой выход!

- Спасибо! Я вас не подведу! – готовый расцеловать ее побежал в гримерку Стас.

Представление было в разгаре. Все шло как по маслу, ребята играли задорно и радостно. И вот наступил момент сцены с разбойником, в которой по сценарию разбойник похищал Снегурочку у елки. Перевязав Снегурочке рот и руки, он должен был перекинуть ее через плечо и унести в дремучий лес. При виде разбойника Снегурочка должна была взвизгнуть и закричать о помощи.

Ничего не подозревающая Мишель, про себя с волнением ждала момента позора… визжать при похищении Снегурочки у нее так и не получалось.

И тут она почувствовала, что сзади ее кто-то ущипнул за бок, от неожиданности она взвизгнула, резко повернулась и увидела перед собой Стаса. Сама не ожидая от себя, она с разворота влепила ему за это приличную пощечину, и только после этого заметила, что он в костюме разбойника. Он улыбнулся, подмигнул ей, отчего еще больше взбесил ее, но не забывая о роли, схватил за ту самую руку и скрутил ее так, что оказался позади Мишель, готовый ее связать… Только Снегурочка, напрочь забыв сценарий, строптиво вырвалась из его объятий и закричала:

- Не подходи ко мне, только тронь еще раз! - и тут она наткнулась на мешок Деда Мороза, в котором лежали снежки для игр с детьми. Вытащив целую горсть, она стала закидывать разбойника. Началось настоящее представление, в котором перед зрителями развернулась смешная разборка, с отличной актерской игрой, как считали зрители. На самом же деле чувства здесь “били” самые что ни на есть настоящие, без притворств.

Он подшучивал и подзывал к себе Снегурочку, говоря:

- Не бойся, моя красавица, подойди ко мне!

- Не вздумай приближаться! - и, целясь очень метко, она запускала со всей силы мягкие комочки.

Закончив свой запас, она была готова выбежать из зала, Стас понял это и быстрым рывком заключил ее в свои объятья и стал связывать.

- Отпусти! - кричала Снегурочка, и тут, вспомнив текст, завопила:

- На помощь, помогите… Дедушка Мороз, спаси!

- Дедууууу… - и тут разбойник попытался связать шарфом рот, но она так укусила его, что он сам взвизгнул от боли и чуть не выпустил вырывающуюся Снегурочку. При этом оба актера не удержали равновесия и рухнули на пол.

Снегурочка, будучи уже частично связанной, попыталась откатиться от него, но он взвалился на нее, подмигнул и со своей хитрой ухмылкой, произнес почти шепотом.

- Никуда не денешься, ты теперь моя!

Она вся вертелась и кричала, но ему все же удалось действовать по сценарию в этом месте и закинуть ее через плечо с завязанными руками и кляпом во рту.

Наконец, они оказались за кулисами, он посадил ее на скамейку и не спешил развязывать.

- Будь хорошей девочкой, Снегурочка! Не забывай, за шторкой все слышно, там продолжается представление.

И тут за кулисы вбежал Матвей. Он набросился на Стаса, и между ними завязалась драка.

Мишель, связанная, с кляпом во рту сидела, оторопев.

- Ты за это ответишь! - замахиваясь кулаком, стиснув зубы, шипел Матвей.

- А ты кто такой, чтобы мне указывать?

- НУУУУУ… ГММММ… - пыталась что-то прокричать Мишель.

Опомнившись, хватая друг друга за грудки, оба повернули голову в сторону связанной Снегурочки.

И оба ринулись развязывать Снегурочку, наперебой пытаясь вытолкнуть друг друга.

- Да, прекратите же вы, наконец! – прикрикнула на них Мишель, как только рот оказался свободным. - Что вообще происходит?

Тут к ним вошла завуч.

Все трое замерли, боясь даже подумать, что сейчас будет…

- А ты что тут делаешь? - обратилась к Матвею завуч.

- Зрителям не место за кулисами, возвращайся в зал. Или тоже хочешь кого-нибудь заменить? - улыбнувшись, сказала Варвара Федоровна, - Замены у нас сегодня проходят на ура!

- Ну, вы дали жару… Слова забыли? – повернулась она к Стасу и Мишель, расплываясь в улыбке, – Вы молодцы, такого шоу у нас никогда не было. Здорово, ребята! Импровизация была круче оригинала. Все в восторге. Вам даже многие поверили, решили, что Мишель реально отбивалась от разбойника! - смеялась она.

- Правда, Матвей! Ты поверил? Наверное, реально спасать прибежал, - расхохоталась Варвара Федоровна.

- А сейчас бегом в зал на свое место и больше не отвлекай актеров! – выпроводила Матвея завуч.

- Я очень довольна… Огорчает только сломанная рука Ярика. Но он тоже молодцом держится! Сейчас должна приехать скорая.

- Где он? – взволнованно проговорила Мишель. - Можно, я к нему сбегаю?

- Не успеешь, через пять минут твой выход. Если скорая до конца представления не приедет, сбегаешь потом. Не беспокойся, он сильный… Хорошо, что Стас ему помог добраться до школы.

Мишель в недоумении, с недоверием посмотрела на Стаса, но промолчала. «Неужели он ради этого сломал Ярику руку?» - думала она.

- Стас, ты до сих пор не развязал Мишель… Ей уже на сцену пора, быстро развязывай, – «закипишила» завуч.

- Только чур, больше не кусаться! – ухмыльнулся он и показал Мишель место укуса на руке.

Завуч вышла, и Мишель выдохнула.

- Хорошо, развязывай быстрее… и не смей больше ко мне прикасаться!

- А то что?

- Ничего хорошего… Мне пора, прощай.

- А нет, - и он, сидя на корточках, схватил ее уходящую, за руку.

- Теперь я тебя не отпущу, – и он хотел было поцеловать ее нежную ручку, но не успел. Она, быстро вырвавшись, ускользнула на сцену.

Представление было доиграно до конца по сценарию, пришло время выхода на поклон.

В последний момент Стас влез в ряд между Бабой Ягой и Снегурочкой и взял ее за руку очень нежно.

Сердце Мишель готово было выпрыгнуть из груди. Чувства били через край. Безумная нежность и дикая злость, все смешалось. В первый момент она вырвала свою руку, но он шепнул ей на ушко: «На нас все смотрят, не забывай об этом!».

И пришлось, взявшись за руки, идти на поклон. За эти минуты ее ладошки взмокли так, что, казалось, скоро это волнение заметит не только он, но и все зрители.

Наконец, можно расцепиться. Руки онемели, как и она сама, все в ней впало в стопор, она не понимала, что происходит, и с ней ли это все случилось. Рой мыслей налетел на нее и не давал сосредоточиться, и тут Мишель среди этого роя услышала голос завуча:

- Мишель, Ярика еще не забрали, но скорая уже здесь. Если поспешишь, то сможешь навестить его…

- Да, да, конечно. – «О, спасение, я могу прямо сейчас сбежать» - и она, сорвавшись, помчалась к своему доброму однокласснику.

Ярик сидел в учительской на втором этаже, в окружении двух медсестёр.

- Ты как? – запыхавшись, накинулась с расспросами Мишель.

- Уже нормально, жить буду!

- Как это случилось? Это Стас тебя так?

- С чего ты взяла? - удивился Ярик, - Я сам свалился, поскользнулся, когда опаздывал на представление, почти у школы. А Горыныч, видимо, тоже опаздывал. Он догнал меня и помог доплестись. Вообще, если бы не он, я, наверное, до сих пор лежал в снегу, забытый и никому не нужный, – усмехнулся Ярослав.

- Да брось, ты всем нужен! Варвара Федоровна отправила ребят на поиски, но начали без тебя, потому что ты вечно опаздываешь к началу, а приходишь точно к своему выходу, вот и не придали значения.

- Все, ребята, времени нет, пора ехать! – и медсестра помогла подняться Ярославу и повела его к выходу.

- Пока! И с наступающим! - помахал на прощание ей Ярик.

- Пока! Выздоравливай давай! – произнесла Мишель вслед уходящим.

«Как же быть? Нужно вернуться за кулисы, а там он… Боже, помоги!» - взмолилась она и, еле передвигая ногами, поплелась назад. Она медленно спустилась с лестницы и направилась по коридору ведущему в актовый зал.

«А вот и выход!» - завидев вдали Матвея, подумала Мишель.

- Матюш! – крикнула она.

Он тут же обернулся и помчался ей на встречу. - Ты, куда пропала? Я уже все облазил, а тебя нет… Ты с ним ушла? – смущенно проговорил он и побагровел.

- Нет, ты что… Терпеть его не могу, нахал… - и она тоже залилась краской.

Матвей заметил это, но промолчал. Ему вдруг жутко захотелось уйти, но она держала его под руку, и он не смог.

- Ты хочешь меня бросить? - почувствовав мимолетную попытку его высвобождения, усмехнулась Мишель. - А не пущу! - и она еще крепче прижалась к нему.

И тут кто-то толкнул Матвея сзади. Это был Стас. Он уже переоделся и, видимо, выглядывал в толпе свою Снегурочку, а обнаружив их вместе, разозлился.

- Пошли! – похлопав его по плечу, сказал Стас.

- Нам пора, Мишель, извини, – он ехидно улыбнулся и подмигнул ей, уводя за собой Матвея.

От неожиданности у нее пропал дар речи, только спустя пару секунд она поняла все и хотела броситься за ними, но ее остановили…

- Почему так долго, Мишель? Мне нужно все костюмы собрать и закрыть в кабинете. Бегом переодеваться, тебя одну ждем! - грозно высказалась завуч, что внезапно оказалась рядом с ней.

- Уже бегу… - и оглядываясь назад, все еще пытаясь рассмотреть в толпе этих двоих, она побрела в гримерную.

«Какая же я дура! Я ничего не понимаю, что сейчас происходит? Кто я? Кто они? Зачем весь этот цирк? … Нужно успокоиться и трезво обо всем подумать, но сначала нужно найти Матвея… Куда он его поволок? Надеюсь, он ему ничего не сделает, иначе, я сама его придушу… Ненавижу, ненавижу его… Господи, да как я могла в него влюбиться? Вот уж точно, любовь зла, полюбишь и козла… Но как такое возможно, ведь я понимаю, какое он ничтожество и точно не подпущу к себе, мы с ним никогда и ни за что не будем вместе, а я все время о нем думаю… Что за дура, лучше бы я была слепой, чтоб никогда его не увидеть… И эти его ухмылки … Фу-фу-фу…, Дурак…, ненавижу! И себя за это тоже ненавижу! Аааааа… Как же хочется кричать…. Вот бы оказаться сейчас одной, я бы прооралась до потери голоса!» -

все это проносилось у нее в голове, пока она переодевалась, но тут ее мысли прервались. За кулисами слышались тихие разговоры одноклассниц, и Мишель начала прислушиваться.

— Вот она дала, жару… кто-бы подумал, – хихикал один голос.

- Может, она влюбилась в Горыныча? – говорил второй.

- Да вы что, она, кроме своих поп-идолов, никого не любит. Она же не от мира сего, вечно летает где-то в небесах и никого в упор не видит. Он просто ее напугал, Миша же Ярика ожидала увидеть. Подстрелил птичку и все тут, но он красавчик, покуражился вдоволь! – и смех разорвал эту компанию.

- Кто над кем еще покуражился! – не выдержав, выскочила из-за кулис Мишель.

- Так и знала. Вам только дай косточку - вы ее сгрызете! Только сплетничать и можете, а как до дела доходит - так в кусты… Место Снегурочки на следующий год ваше, играйте и наслаждайтесь своим героем Разбойником, он явно в вашем вкусе! … Ах какая жалость, я забыла… он же последний год в школе… слава Богу! А роль в любом случае ваша, больше я не соглашусь, решайте, кому из вас отдуваться! – и она развернулась и ушла.

«Курицы общипанные… Плюнь на них, Мишель…, думай, думай… Где эти двое могут быть… А что дальше, ну, найду я их и что? Что я скажу? Совсем запуталась… Не буду об этом думать сейчас, подумаю, когда найду…». И Мишель пошла проверять все классы в школе. Большая часть их была, конечно, закрыта, но там, где было открыто, она наткнулась на парочку пикантных моментов, включая свет в темных классах, о чем пообещала никому не рассказывать и не выдавать влюбленных парочек. Закончив обход внутри школы, она забрала из гардероба одежду и направилась на поиски за школой.

Мишель то и дело спрашивала у одноклассников и просто знакомых ребят, видели ли они Матвея, но никто его не видел и ей ничего другого на ум не пришло, как поплестись домой. С девчонками попутчицами она поругалась, Матюшу не нашла, а просить кого-то проводить она не могла из-за гордости. Да и не в первый раз ей быть одной. Хотя сегодня она была уверена, что будет веселиться и домой будет возвращаться со всеми вместе, как всегда, всем классом, а, может, и больше… А тут тишина, никого нет, и вдруг она поняла: а ведь сам праздник еще и не закончился, там в разгаре дискотека.

«Вернуться или уже плюнуть и идти домой, ведь праздник испорчен… На душе так паршиво, что от досады и обиды хочется кричать до потери пульса, но и это не поможет. Как будто черная туча накрыла и я не могу из нее выбраться. Что же делать? Вот вернусь я домой и буду всю ночь реветь в подушку, а завтра Новый год… а как встретишь Новый год, так его и проведешь! Что же мне делать, как все исправить?» - и она начала искать в голове свою соломинку, чтобы выбраться из этого болота темноты и грусти… и нашла! – «А вдруг Матвей появится! Я ведь так и не нашла его… Решено, я возвращаюсь». В душе Мишель снова возродился праздник, и веяние Нового года заполнило ее сердце.

5.3. Чужой взгляд

Она шла назад и улыбалась, как будто сейчас произошло что-то волшебное и невообразимое. Дух Нового года витал в воздухе и все вокруг наполнялось радостью. Новый год всегда был самым любимым праздником этой девчонки, праздник, в чудо которого она верила всю свою жизнь.

Войдя в стены школы, Мишель как будто попала в другой мир. Запах елки, грохот музыки, улыбки, сияющие глаза школьников - все наполнялось праздником, и эта волна позитива подхватила ее. На какое-то время она даже забыла обо всем, что случилось час назад. «Как же классно, что я вернулась», - думала она.

- Пошли танцевать, Миша! - звали ее друзья, и она с легкостью мотылька полетела на этот голубой огонек.

И вот она уже в компании друзей танцует у елки, всецело растворяясь в музыке. Мысли все исчезли – музыка, смех и радость заполнили пролившийся кувшин. Все стало на свои места. «Я девочка, которая любит поп-идолов и никого другого – они правы!», - решила она в это момент. «Так легче, так проще и веселее!!! Я свободная!!!» – кричала она про себя, чувствуя в себе одну только музыку.

На смену ритмичной музыке поставили медляк. «Весь кайф обломали!» - недовольно фыркнула Мишель и пошла на выход из зала. Но тут кто-то взял ее за руку. Она обернулась и увидела Матвея. От радости она набросилась на него и заключила в крепкие объятия, он оторопел. Осознав, что этот порыв окружающие могли понять неправильно, она засмущалась и стала оправдываться:

- Ой, извини, я просто так рада тебя видеть, я везде вас, то есть, тебя искала… Где ты был? Зачем и куда ты с ним пошел? – тараторила она.

- Давай потанцуем, - пригласил ее Матвей.

- Хорошо, пойдем, - ответила Мишель.

- Не томи, рассказывай! – снова принялась она за свое.

- За школой поболтали, и все…, ничего особенного.

Услышав о «разговоре за школой», Мишель напряглась. Она прекрасно знала, что обычно происходит за школой между враждующими парнями. Пристально разглядывая его, она заключала: «Очки целые, одежда тоже. Крови нет, как и синяков!» В процессе тайного осмотра от макушки до пят она неосознанно любовалась своим другом. Сегодня она без каблуков, и их глаза на одном уровне. Она любила смотреть в эти глаза, они никогда не врали, в них жила правда без лести и подхалимства. Небесно-голубые глаза за линзами очков, такие строгие и умные, без труда читали все ее мысли, но она и не пыталась их скрыть. Мишель продолжала разглядывать его. Светлые, слегка вьющиеся волосы, лежали красиво, хоть и немного взъерошено. Она с трудом преодолела желание потрепать их и незаметно улыбнулась от этой мысли, кончиками своих губ. Продолжая всматриваться в его черты, она бегло коснулась взглядом слегка вздернутого носа и губ «Какой же он красивый, и нос, и губы, все пропорционально, гармонично, на этом вроде бы, как и у меня немного вытянутом лице», - думала она про себя. Нет, она не завидовала его красоте, она недоумевала, как он такой весь идеальный, сейчас рядом с ней, а не с любой красоткой из их школы. То ли от этой гордости, то ли от громкой музыки и желания поговорить во время танца, руки Мишель скользнули по его сильным и уже широким плечам и немного прижавшись к нему, она сцепила их за его шеей. При его невысоком росте в нем чувствовалась сила и надежность. Мишель наслаждалась этим покоем и уверенностью, танцуя с ним.

- Ты как? Я не видел тебя долго. Уходила? – прервал он ее мысли.

- Да. Я хотела сразу за вами побежать, но завуч меня вернула – нужно было сдать костюм, потом побежала вас искать, но нигде не нашла… я все классы обошла, за школой была – вас там не было! – недоверчиво покосилась она на него.

- Мы недолго там были, потом я сюда вернулся, а тебя нет.

- Развлекался без меня, да, мой Кри-кри?! – засмеялась Мишель.

Так в шутку их нарекли в классе: Джоанной и Кри-кри – персонажами из всеми любимого в то время сериала – «Элен и ребята». Почти весь класс тогда был поделен на похожие парочки этого сериала, там были и Элен с Николя, и Лали с Себастьяном, и другие. Конечно все дурачились, никто по-настоящему не был парой, а просто разыгрывали сценки из фильма. Было очень весело, когда застенчивая Мишель превращалась в взбалмошную Джоанну и с легкостью могла сесть на коленки своего Кри- кри - потрепать его по волосам, ущипнуть за щечки, подшучивая над ним. Такая Мишель нравилась всем и, возможно, благодаря именно этой игре, она стала более свободной, чем и привлекала к себе внимание многих, хотя сама этого не замечала.

В какой момент их детско-подросткового возраста они снова начали сближаться, когда именно это случилось, эти двое и сами не поняли. То ли от того, что их посадили за одну парту, то ли просто их тянуло друг к другу и они уже не могли этому сопротивляться, то ли эта игра в персонажей французского сериала привела их в те рамки, в которых было комфортно, спокойно и тепло. Никто уже не кричал им «тили-тили- тесто». Они сами с удовольствием играли в пару и тащились каждый от своей роли. Мишель наконец-то могла быть раскрепощенной, пусть только с ним, но большего ей и не нужно было. Она любила его, как друга, как брата, как плюшевого мишку. Желание прижаться, поцеловать, потискать его в этой роли всецело допускалось и Мишель с удовольствием этим пользовалась. Матвей же безропотно подчинялся, наслаждаясь ее игривыми ласками.

Неизвестно, почему именно они стали этой смешной парой. Возможно, потому, что она была немного выше его, или потому что она, как будто, брала над ним верх. Он же был послушен, при всем том, что по характеру Матвей был задорным, а временами и дерзким… но только не с ней. С ним она чувствовала себя свободной и могла шутить, дурачиться, быть собой; других же мальчишек она воспринимала немного с опаской.

Так придуманная роль смешной пары между ними прижилась, и они с удовольствием этим пользовались.

- Конечно, моя Джоанна, нельзя надолго покидать своего Кри-кри, курочки так и налетают на меня! – отшучивался Матвей.

- Так значит, Кри-кри приревновал Джоанну? – лукаво посмотрела на него Мишель, не услышав его последнюю фразу или не придав ей значения.

- Еще бы, нечего тут путаться всяким разбойникам… А если серьезно… Он тебе нравится? Только честно! Мы ведь друзья, – серьезно и глядя прямо в глаза, спросил Матвей.

- Нет, как вообще тебе такое в голову пришло? Ты знаешь, какой он… я и Горыныч … это немыслимо… нет, конечно, нет! – раззадорилась она.

- Я просто спросил. Такое ведь бывает, когда не хочешь любить, а все равно любишь, и никуда от этого сбежать не можешь, никакие самотренинги не помогают, - вздохнул Матвей.

- Так, так, так… а отсюда поподробнее! – улыбнувшись, зацепилась Мишель, - Кто она? Ну давай, рассказывай!

- Не буду я ничего рассказывать, да и рассказывать тут нечего, я не о себе говорил… Опять Джоанну включила? – прищурившись посмотрел на нее Матвей.

- Уже давно медляк закончился, а мы, как два придурка, продолжаем танцевать, – останавливаясь, оглянулась Мишель по сторонам.

- Может, домой? Я тебя провожу, — уверенно сказал Матвей.

- Да, думаю пора. Правда, я хотела всей нашей компанией.

- Ну хорошо, спрошу остальных, а ты танцуй. Люблю смотреть на свою Джоанну, когда она веселится и танцует!

И она закружилась в танце, отправляя ему воздушный поцелуй.

Музыка, одна лишь музыка. Она танцевала, танцевала и танцевала, и не видела ничего вокруг, один лишь праздник, одно лишь чудо Нового года. А в это время три молодых человека с разных сторон зала наблюдали за ней. Двоих из них мы с вами знаем, и они друг о друге знали, а после «разговора за школой» узнали еще лучше. Рука Матвея до сих пор ныла, как и синяк под глазом Стаса. Именно поэтому Стас в этот вечер не стал продолжать свою «охоту». Как считал он сам: «он проиграл лишь бой, но не саму войну».

А вот третий наблюдатель отличался выдержкой. Он вынашивал более хитрый план, который требовал терпения и наблюдения за жертвой. Поэтому он всегда был рядом с Мишель, слушал, изучал ее, но не привлекал внимания. Она стала мишенью - целью, которую во что бы то ни стало он должен получить, и никто не должен был помешать, но он не спешил.

Натанцевавшись вдоволь, Мишель нашла свою компанию одноклассников, с которыми всегда вместе возвращалась домой, и все стали собираться на выход. Уставшие, но очень довольные, они вышли на морозную темную улицу, заваленную с обеих сторон сугробами из белого пушистого снега. И понеслась веселуха… Девчонки, мальчишки, все стали друг друга обкидывать снежками. Мальчишки брали девчонок на руки и кидали как можно дальше в сугроб. Визг, смех, кутерьма, праздник удался. Все так насмеялись, что животы стали болеть, от чего стало еще смешнее. Успокоить эту веселую катающуюся от смеха компашку было невозможно. К ним подтягивались еще компании из разных классов и получилось настоящее народное гуляние, практически, всей молодежи этого поселка. В этом веселье было уже не разобрать кто, где и кого закинул в сугроб, тем более, фонари на улицах горели через один, что добавляло еще большего веселья, когда в темноте забывали кого-то вытащить из сугроба и, уходя, слышали: «меня забыли, ау, я тут!!!».

Так, в этой заварухе (в хорошем смысле этого слова) в темном переулке нашу Мишель тоже кто-то закинул в сугроб, свалившись на нее и неловко приземлился лицом в ее лицо. Она почувствовала прикосновение губ:

- Извини, я не специально, так вышло! – тихо прошептал он.

- Да, я поняла, ничего…, - ответила она, засмущавшись, и узнав в парне - Арсения, одноклассника, который пришел в их класс недавно.

Он помог ей выбраться из сугроба, и все понеслось по новой. Однако ей уже не было так весело, ей было неловко. Хотелось быстрее домой, чтобы не встречаться с этим парнем глазами. Такая неловкость сбила ее. Он заметил и подошел.

- Правда, извини, Мишель, забудь это. Просто я неуклюжий, и все… Я с тобой, если честно, давно хотел кое о чем поговорить.

Она еще с большим недоумением посмотрела на него.

- Нет, это не то, о чем ты думаешь. Мне нравится твоя подруга, Полина. Знаю, после ее отъезда вы переписываетесь, держите связь. Я бы хотел узнать, как она там, в чужом городе, все ли у нее хорошо?

- А, так ты это из-за Поли… - выпалила, не думая, Мишель, - Да, у нее все хорошо, она почти привыкла уже. Живут они с родителями в частном секторе. В школе девчонки у них бойцовские и, как ни странно, она с ними сдружилась. Так что Поля не пропадет, не переживай! – улыбнулась она Арсению.

«Вот я дура, напридумывала уже себе… и что я вообще о себе возомнила, страшная, как атомная война, а все туда же!» - рассмеялась про себя Мишель.

Тут их снесли с ног, и они оба опять оказались в сугробе, на этот раз Матвей увидел ее и пришел на помощь, опередив Арсения, он вытащил ее из сугроба.

- Ты как неваляшка, Джо, стоит отвернуться, ты уже в сугробе.

- Может мне попробовать тебя закинуть, - и он, перекинув ее через плечо, помчался в противоположный сугроб, свалившись в него вместе с ней. Они смеялись, как дети, закидывая друг друга снегом и дурачась от души.

Им, и правда, всегда было так весело вместе. С ним она не чувствовала никакой неловкости, даже когда они прикасались нечаянно лицами, скорее, даже наоборот, они могли намеренно зарыться лицом в плечо, шею друг другу и чувствовали при этом тепло и надежность.

- Ты сегодня домой отвернешь или до конца проводишь? – приближаясь к перекрестку расхождения их дорог, проговорила Мишель.

- Конечно, провожу! – сказал Матвей и снова завалил ее в сугроб.

– Кто же тебя вытаскивать будет из заварух?! – тут же протянул он ей руку и вытащил из сугроба, слегка прижав к себе.

- Опасно стало тебя одну оставлять! – многозначительно посмотрел на нее Матвей.

- Да кому я нужна, смеешься, что ли?

- Ой, не включай дурочку…, напрашивается она на комплименты! – рассмеялся он ей в лицо.

- Да ну тебя, - толкнув его в сугроб, надулась Мишель.

- Вообще-то, ты так и не рассказал, чем «разговор» закончился?

- И не буду, меньше знаешь, крепче спишь… Вообще тебя этот разговор не касался, у нас свои терки.

- Как-то неубедительно, тебе не кажется? – ехидно покосилась она на него.

- Нет, не кажется, и вообще, много о себе вообразила, не бери в голову.

- Странный сегодня вечер, сначала все ко мне липнут, как мухи, потом, оказывается, я тут вовсе не при чем… ты типа, просто рядом стояла, а дело вовсе в другом или в другой… не забивай свою пустую голову… обидненько, тебе не кажется?

- Обидненько было бы, если тебя сегодня кто-нибудь обидел, а так повеселилась и баиньки! – в напряжении попытался отшутиться Матвей.

- Может, мне все же домой свернуть, что-то я устал.

- Бросаешь… ну, ок, иди! Страшненькие все равно никому не нужны, доберусь целая и невредимая… А вообще, может, меня Арсений проводит.

- Арсений, ты меня проводишь до дома? – крикнула она в темноту толпы.

- Конечно, о чем речь, – отозвался Арсений, который оказался совсем близко, отчего ей стало неловко.

- Ладно, я пошел домой, валюсь с ног… Пока, Мишель. Вручаю тебя Арсену, – и, похлопав его по плечу, Матвей свернул на свою улицу. На перепутье трех дорог, толпа разделилась на три части, и все пошли в свои стороны.

Дальше она шла молча. Долетавшие до нее снежки уже не вызывали бурю эмоций, просто улыбку приличия. На душе стало тоскливо, но она так устала, что уже ни о чем не хотела думать. Арсений шел рядом и тоже молчал, не нарушая ее мыслей. Вот и дом, она даже не заметила, как все разошлись и они остались вдвоем у ворот ее дома.

- Спасибо, что проводил. Пока! – в знак приличия улыбнулась Мишель и, не дожидаясь ответа, пошла домой.

- Пока! – ответил в пустоту Арсений.

«Ну да, ладно, терпение брат, терпение! Главное, подпустила и ни о чем не подозревает. Всему свое время!» - подумал Арсений.

В это время Матвей искал в морозилке подходящий продукт, для охлаждения опухшей руки.

- Что с твоей рукой? Смотрю удачно прошел вечер…, - зайдя на кухню увидела сына мать.

- Мам, не волнуйся, просто поскользнулся и упал неудачно, очень скользко местами… Ярик вообще руку сломал перед представлением.

- Ты что, с Ярославом подрался?

- С Яриком? – засмеялся Матвей… - Ты что… Ярик добряк, зачем мне его бить, а ему меня? Просто реально скользко сегодня. – мило улыбнулся он маме.

- Ну ка покажи руку…, припухла… согни, так больно? – и мама начала ощупывать его руку, – … вроде нет перелома, но ушиб приличный, сейчас мазь принесу, должна помочь!

- Мам, перестань суетиться, на мне, как на собаке, все заживает! – подбадривающе шутил Матвей.

- Нет уж, дорогой, давай сюда руку, - и она стала аккуратно втирать вонючую живительную мазь.

- А у Ярослава реально перелом? Скорую хоть вызвали?

- Да, вызвали, наверняка сейчас уже гипс наложили. Мы классом договорились в обед завтра его навестить. Я отлучусь на пару часиков? Ты не против?

- Конечно, идите, тем более сестра твоя должна в обед приехать, будет, с кем салаты строгать!

На следующий день, с самого утра кануна Нового года в каждом доме царила неповторимая аура праздника, с запахом мандаринов, салатов и свежей выпечки. Все вокруг суетились, но при этом улыбались и шутили. Взрослые занимались каждый своим делом, как четко выстроенный механизм часов, заводя маятник отсчета приближающих курантов. Дети веселились на улице под медленно падающие хлопья снега. Даже воздух был праздничным: легкий морозец придавал хруст снегу, отсутствие ветра заставляло снежинки вальсировать медленно и грациозно.

Мишель в это утро проснулась поздно от приятного запаха блинов, которые мама пекла в печи. Этот аромат заполнял каждый уголок их дома. Устоять перед этим искушением было невозможно, и Мишель бегом помчалась на кухню. Чмокнув маму в щеку, она стащила первый блин и побежала назад. Забравшись обратно в постель, она грелась горячим блинчиком и мечтала о новом чуде.

Вчерашние события почти забылись и для нее открывался новый счастливый год.

«Как же хорошо дома!» - думала она – «В школу не надо, а впереди целый день, волшебный день! Как же я люблю Новый год!» - спокойная и счастливая Мишель с наслаждением уплетала горячий блин.

Тут раздался звонок телефона, она соскочила с кровати и сняла трубку:

- Привет, Миш, ты идешь к Ярику? – суетливо обзванивала всех их староста.

- Да, уже собираюсь, дождитесь меня.

- Давай шустрей, договорились встретиться с нашими в двенадцать у афиши!

- Уже бегу!

И вот класс в сборе, все дружно собрались в обговоренное время и выдвинулись к Ярику. Веселым гулом двигаясь по заснеженным улицам, они, как и вчера, продолжили зимние гулянья, собрав все сугробы и сами, похожие на снеговиков, пришли в гости. Навстречу к ним вышел Ярослав с перебинтованной загипсованной рукой, тоже довольный, без намека на больного человека.

- Привет! Я думал, вы пошутили, когда говорили, что всем классом придёте. Заходите, если влезете! – усмехнулся Ярик.

- Лучше ты с нами. Пошли погуляем. Расскажешь, что как… если сил, конечно, хватит!

- Хватит! Еще и завалить вас сил хватит, - и он боком умудрился сбить одноклассниц в сугроб.

- Ну точно, жить будет! – смеялась часть группы.

И ребята вместе с Ярославом пошли гулять по улицам.

Сами того не замечая, Мишель с Матвеем уже шли под ручку и болтали, как всегда, ни о чем и обо всем сразу.

- Как вчера добралась?

- Нормально. Ты на меня не злись, я вчера тоже устала сильно.

- О чем, ты. С чего мне злиться… на самом деле я был не прав. Я должен был тебя проводить… он к тебе не приставал?

- Кто?.. Арсений? Нет, ты что, он вообще… – и она прижалась к его уху и прошептала, - ему Поля нравится, вот он через меня решил о ней повыведать.

- Ясно, ну тогда ладно… - успокоился Матвей.

- А что с твоей рукой? Почему она вся синяя?

- Дороги у нас скользкие. – ухмыльнулся Матвей.

- Тебя к Ксюхе отпустили? – спросил Матвей.

- Да, но после курантов. А ты будешь? – ответила Мишель.

- Да, мы с Максом обещали к восьми прийти, помочь девчонкам.

- Замечательно! Ну все до встречи в новом году.

Она традиционно поцеловала его, как всегда, чмокнув в губы, и пошла домой.

Чувство спокойствия, гармонии и целостности всегда царили в ней, когда она была рядом со своим Матвеем, это было настолько естественно, что она не догадывалась, что может быть иначе. Их общение наполняло ее силой, питало, как ключевой водой, но этого не замечаешь, когда ключ бьет рядом. Потребность друг в друге была взаимной, наверное, поэтому, где бы они ни были, с кем бы ни общались в компании, в итоге к концу дня они сидели рядом и болтали вдвоем. Так проходили дни и пролетали годы, бок о бок, рука в руке.

А в это время у Никиты дома, на другом конце поселка, в компании своих друзей сидел Гера и выпивал за наступающий Новый год. Никита подтрунивал и посмеивался над его синим глазом, подливая горячительного.

- Ну что, пойдем свататься?!

- Да ну тебя, все, забыли… действительно, что-то меня не туда потянуло. Этот ее телохранитель отрезвил меня малость… Маленький, но, блин, кулак тяжелый… Может, устроим ему темную? А, Ник?

- Ты же сказал, все, забыли?

- Обидно, ни за что схлопотал, было бы за что, тогда ладно… Надо сегодня оторваться, может цыпочку какую-новую прибрать к рукам, как думаешь?

- Давно пора, брат! – ответил Никита - А я вот уже знаю даже, с кем «замучу». Раз ты с Танюхой не хочешь, я ее забираю себе.

- Даже думать не смей! Она девчонка правильная, не порти ей жизнь.

- Ты со своей Мишель похоже совсем повернулся. Раньше ничего не смущало правильных в неправильных переделывать, а теперь, посмотрите на него - ботан целомудренный! – подсмеивался над ним Ник.

- Танюху не тронь, сказал! Я тебе за нее голову оторву.

- Ладно, ладно, найду я себе и попроще, и повеселее девок. А ты сиди, воздыхатель, над своими «правильными», – фыркнул Ник.

И тут послышались голоса девчонок. Дверь открылась, и в дом вошли сестры Стаса с той самой Таней.

- Ого, кто тебя так? - подошла Таня к Стасу и стала разглядывать синяк.

- Снегурка вырубила! - хихикнул Ник.

Стас грозно исподлобья посмотрел на Ника и показал жестом – замолкнуть.

Таня уловила их взгляд и все поняла.

- Ладно, я, наверное, пойду домой. Репетировать незачем, с таким фингалом все равно на сцену не выйдешь, да и на дискотеку мне расхотелось, - произнесла она и повернула назад к двери.

Стас встал с дивана и чуть было не ринулся ее удержать, но мысль о том, что Никита свое слово может не сдержать, приструнила его, и он сел обратно.

Следом за Таней ушли и сестры. Никита, провожая их взглядом, дождался, когда захлопнется дверь и с нетерпением начал:

- Дурак, ты Герыч, такая девчонка с тобой рядом, любит тебя без ума, а ты на какую-то дурнушку запал, и, мало того, - ничего ведь не получишь.

- Все, закрыли тему… - раздражённо сказал Стас. Ему было как-то не по себе после ухода Тани.

Соседская девчонка - пацанка, дерзкая и наглая, всегда была для него таким же другом, как все парни. С ней весело и просто. Она так же, как он, чувствует этот мир, провоцируя его и посмеиваясь. Их песни под гитару в дуэте давно уже перекочевали из подворотни на сельскую сцену, и это еще больше сближало этих двоих, но не соединяло, как думал Стас.

Однако мысли Татьяны были совершенно другие: «Что я только не делаю, чтобы он обратил на меня внимание, кручусь у него перед глазами, пою, веселюсь, а он влюбился в эту стремную Мишу. Что он в ней нашел? Как была в детстве скучной, невзрачной «белой вороной», когда мы дружили, так ей и осталась. А парни все равно на нее западают. Но ничего, ты еще у меня попляшешь, Мишка! И старая дружба не поможет».

***

У каждого по-своему, но Новый год продолжался. Поселок шумел, гудел и веселился. Мало-помалу народ стал стягиваться к местному клубу на дискотеку, заполняя ближайшие улицы народным гуляньем. Компании, встречаясь, поздравляли и угощали друг друга конфетами и захваченным из дома алкоголем. Мишура, музыка, смех создавали неповторимую атмосферу счастья, этого простого деревенского праздника, где нет чужих, где рады каждому.

Стас давно уже тусил на дискотеке, когда туда пришла компания Мишель. Он сразу узнал ее и, подмигнув, пригласил на медленный танец… рядом стоящую с ним девушку. Мишель почувствовала возмущение и вышла из зала. Стас заметил это и, оставив свою подругу, последовал за ней на улицу. Поравнявшись с ней, он как бы невзначай приобнял ее, притворившись, что споткнулся и ухватился за нее.

- Я просила тебя не прикасаться ко мне! – оттолкнула его Мишель.

- Ревнуешь, я видел! – усмехнулся Стас.

- Много чести!

И тут к ним подошел Матвей.

- Проблемы? Отойдем?

- Нет проблем. С Новым годом, ребята! – сказал Стас, явно недовольный появлением телохранителя и удалился назад в зал.

- Он опять к тебе приставал?

- Нет, он просто пьян и споткнулся, не обращай внимания.

- Вчера тоже был пьян и вышел поэтому на сцену к тебе?

- Матюш, что ты этим хочешь сказать?

- Ничего, - буркнул он, злясь на самого себя, - Идем танцевать, наши все там.

5.4. Проводы

Прошли зимние каникулы, за ними весна, лето. И снова наступила осень. Каждый день был похож на прошлый и ничем не выделялся. С этим однообразием приходило осознание того, что Мишель себе все сама выдумала, что нет ни чувств, ни симпатий ни к ней, ни у нее.

Однажды в промозглый осенний день Мишель, выйдя с утра из дома, обнаружила небольшой букетик цветов на почтовом ящике… «Откуда они?» - недоумевая подумала она. «Вчера, вроде, кто-то гудел на берегу. Может, они забыли, гуляя. Но почему здесь?» - искала она логичные объяснения. Вдыхая аромат цветов, она забрала их с ящика и занесла в дом. Непонятно почему, Мишель не покидало ощущение, что он предназначен именно ей.

На самом же деле, шестое чувство ее не подвело. В тот вечер были проводы Стаса в армию, он с друзьями всю ночь веселился на берегу и уже под самое утро, скрывшись от друзей, пришел к дому Мишель, по дороге нарвав цветы. Как подарить ей цветы, он не знал, да и был уверен, что она не примет, поэтому, посидев у ее ворот минут десять, он поднялся, положил их на рядом висевший почтовый ящик и ушел. По-настоящему чистые чувства к этой девушке заставляли его стыдиться себя, ему хотелось перемен, стать кем-то другим, более достойным, и путь к этим переменам появился сам собой – это была армия.

Спустя несколько дней Мишель узнала о проводах Стаса. Подтверждения того, что именно он принес эти цветы, у нее не было, но она не сомневалась. Она знала, что это был он. Чувства снова вспыхнули, и грусть накрыла ее. «Зачем я с ним была так груба? Он абсолютно

ничего мне не сделал… Откуда эта злость? Дура, какая же я дура… Неужели нельзя было просто поговорить по нормальному. Мне никогда не составляло труда поговорить с кем угодно, почему же его одного я прогоняла и не давала и слово вставить!»

Эти мысли, как ни странно, один в один озвучила на следующий день ее одноклассница Татьяна. В тот день последним уроком была физкультура. Спортзал находился в другом здании школы. Заранее взяв портфели, все после урока, не спеша, переодевались, чтобы, как обычно, всем классом возвращаться домой. Тут к Мишель подсела Таня.

- Не спеши, пусть все уйдут. Нам надо поговорить, - произнесла Таня.

Они были абсолютно разные во всем, но память о былой соседской дружбе все же объединяла их, хоть они и не признавали этого вслух. Пути их разошлись давно, еще тогда, когда Таня переехала в другой конец поселка, по соседству с домом Стаса. Мишель отчетливо помнила тот период, как резко стала меняться Таня, превращаясь из такой же скромной девчонки, как она, в дерзкую пацанку. Ее больше не забавляли посиделки на раскидистом бревне Мишель, она сторонилась ее, а, может, и стыдилась. Новое окружение подруги теперь было кардинально другим. Целыми днями она проводила время в компании мальчишек, и сама все больше походила на них как поведением, так и внешностью. Особенно после стрижки под мальчика. Но, несмотря на это, все школьные годы они ладили, до этого Нового года. Потом Таню как подменили, она начала колко шутить и устраивать приколы в отношении Мишель, не раз вводя ее в краску. Поначалу Мишель пыталась выяснить причину этой злобы, но безуспешно, и она прекратила попытки, оставив все, как есть.

- Хорошо, - согласилась Мишель, гадая про себя, что на этот раз она придумает.

- Мишель, ты идешь? – не заходя в женскую раздевалку, через закрытую дверь крикнул Матвей.

- Нет, Матюш! Не ждите меня, я задержусь немного, – крикнула ему Мишель.

- Тогда пока! Мы ушли! – попрощался Матвей.

Спортзал затих, никого, кроме этих двоих и физруков, в здании не осталось.

- Ну, в чем дело? – ожидая подвох, спокойно, но с некой усмешкой, произнесла Мишель.

- В тебе! – ткнула в нее пальцем Таня.

- Не смей мне тыкать! – начала злиться Мишель.

- А то что? – усмехнулась Таня и замахнулась на нее рукой.

Мишель быстро среагировала и с силой отразила ее удар, резким рывком ударив напряженной прямой ладонью чуть выше запястья. Татьяна скривилась от боли и зажала второй рукой больное место.

- Ты что так бьешь? Сломать ведь могла! – застонала Таня.

- Тань, давай начистоту… Мне надоели эти твои приколы. Нам не по десять лет, чтоб дракой споры решать. Тем более, я совершенно не понимаю в чем у нас спор, – нахмурилась Мишель.

- Я ненавижу тебя – вот, в чем наш спор. Ты вечно корчишь из себя невинную овечку, а на самом деле хищница. Мерзкая, хитрая рыжая лиса. Он по тебе два года сох, а ты этим пользовалась, расставила свои хитрые сети. Для всех такая правильная, но меня не проведешь. Ты все специально придумала, чтобы держать его возле себя. Чтобы он совсем в ничтожество превратился, и ты бы смогла об него ноги вытирать. А он, как верная собачка, будет вертеть хвостиком и слюни пускать от своей хозяйки, за один только ласковый взгляд. Ты ведьма, Мишель… Они все слепые и не видят этого, но я все вижу. Ты колдуешь, привораживаешь. Я права?

- Тань, ты в своем уме? Я ничего из того, что ты сказала, не делала. Я даже не понимаю, о ком ты говоришь? – в полном недоумении произнесла Мишель.

- О Гере… Он мне перед уходом в армию все рассказал… Он рвал тогда тебе цветы, а со мной советовался, понравятся ли они тебе, – и она вдруг разрыдалась, опускаясь на скамейку и закрывая руками лицо. - Ты во всем виновата, ты его губишь… Перестань, прошу отпусти его.

Таня рыдала и не могла остановиться, казалось, вся ее сила вдруг превратилась в воду, и она сейчас вытекает, опустошая ее тело, еще немного, и она упадет, осушив себя до конца. Мишель стало безумно жаль старую подругу, она села рядом и притянула ее к себе. Таня не сопротивлялась, она уткнулась в плечо Мишель и продолжала изливать всю свою боль.

- Прости меня, Танюш, если я как-то помешала твоему счастью, но я не хотела, правда. Клянусь тебе, я не ведьма и не колдунья, ни на кого я не расставляю сети… Наверное, если бы я это делала, у меня был бы парень, - улыбнулась она.

- За тобой трое бегают, а ты ото всех нос воротишь, этим и держишь их… Ты же много читаешь всего, нашла, видимо, в книжках способы парнями крутить! – отпрянула от нее Таня.

- Да Бог с тобой, какими парнями, где ты их видишь? Я одна!

- Гера рассказал мне все.

- Что он мог рассказать? Между нами никогда ничего не было.

- В том то и дело, ты же ему даже слова не давала сказать, он столько раз хотел с тобой поговорить, а ты специально не подпускала, чтобы так и остаться для него мечтой и забрать сердце. Ты даже не представляешь, что ты натворила! Ему сердце вырезала, а мне… - и она снова закрыла глаза руками и зарыдала еще сильнее.

- Ты его любишь? – спросила Мишель.

- Да… Но теперь все… теперь ничего уже не исправить… - и она, продолжая рыдать, быстро выбежала из раздевалки.

- Тань, стой! - кинулась за ней Мишель. Она пыталась ее догнать, но не смогла.

Мишель были понятны чувства Тани, по крайней мере, так она думала в тот момент. Неразделенная любовь, как и недосягаемая, ранит очень сильно, но она верила, что время лечит и не предала этому разговору должного внимания, считая, что такое случается с каждой второй девчонкой их возраста.

Однако, на второй день Таня не пришла в школу, как и на третий, и на четвертый. А через неделю Мишель услышала, что Таня сбежала из дома в тот самый вечер после их разговора в раздевалке.

Чувство вины терзало Мишель, и она то и дело прокручивала в голове весь их разговор. В какой-то момент ей захотелось посмотреть на эту самую «ведьму». Мишель подошла к зеркалу и стала разглядывать отражение. Выбившиеся пряди волос падали на удлиненное, с несильно выраженными скулами лицо. Глубоко посаженные зеленые глаза слезились и поэтому блестели. Длинный нос с тонкой верхней губой образовывал не особо красивый треугольник, но он почему-то притягивал взгляд. «Ты ведьма, ты настоящая ведьма, Мишель» - оценила она свое отражение. И тут она сфокусировала свое внимание на глазах, ей почему-то захотелось разглядеть их досконально. От напряжения все потемнело, и на долю секунды ей показалось, как ее собственная тень затянула мраком отражение. Мишель не испугалась, она как будто ждала именно этого. Вглядываясь теперь в этот темный туман, она начала замечать, как сквозь дымку пробивается белый свет, образуя чье-то лицо. Лицо было знакомо и незнакомо одновременно. Приглядевшись, Мишель поняла: сухая сморщенная престарелая женщина, что смотрела сейчас на нее, — это была она. Но ее поразило не то, что она видит себя старой и больной, ее поразили глаза. Взгляд передавал все, чем жила, что чувствовала эта женщина. Боль, как физическая, так и душевная, с легкостью читались на этом морщинистом лице, но, кроме этого, было и еще кое-что – безысходность. Эта старуха уже ничего не могла изменить, а вот она, пятнадцатилетняя девочка, впереди которой вся жизнь, – может, пойми она сейчас это послание. Постепенно дымка растаяла, и видение заменилось на реальное отражение Мишель.

- Да, ты и впрямь ведьма! – повторила она отражению после увиденного.

Но отражение молчало, и лишь внутренний голос ответил: «Быть ведьмой – значит, знать больше других, ведать и чувствовать, а не творить зло колдовством и приворотами. Быть ведьмой не постыдно, это дар. Но вот готова ли ты им пользоваться?»

- Готова ли я? – усмехнулась она своим мыслям. – Если это поможет найти Танюху, то, конечно же, да, - рассуждала она вслух.

И Мишель снова напрягла зрение, чтобы в отражении найти ответ, где сейчас ее одноклассница. Но отражение не изменилось, и никаких ответов не предоставило.

Тень давно сползла вниз и пригвоздилась к полу, не в силах даже подняться на стену. Она несла свое наказание - за попытку изменить ход времени. Тень забыла, что прошлое не подвластно корректировке, лишь настоящее - творец будущего. А ее роль в настоящем — это стоять за кадром и просматривать свою жизнь, как кино. Да, это нелегко. Хочется быть режиссёром и в любой момент вмешаться, сказать “стоп-кадр”, исправить, поменять тот или иной фрагмент, но нельзя. Теперь, в облике тени она лишь зритель, что смотрит любимый фильм на повторе. И смирившись, Тень продолжила просмотр своей кинопленки под названием “жизнь”.

5.5. Бари Рекстон

Со временем терзания и чувство вины Мишель начали стихать. По слухам, Татьяна дала весточку родителям, но возвращаться не планировала. Вскоре ее родители появились в школе и забрали документы. Где именно сейчас жила Таня и чем занималась, Мишель не знала. Главное, она жива и здорова, можно выдохнуть и вернуться к своей обычной жизни, решила для себя Мишель. Но не получилось. Бурные эмоции, по-видимому, должны были взять реванш за полгода тишины. И вот еще одно сокрушительное событие обрушилось на нее этой осенью, переключив чувства на другую волну… Пришло время ее терзаниям из-за недосягаемой любви. Нет, это была не любовь женщины к мужчине, это было преклонение перед чистой душой и добрым сердцем. Приезд в Россию Бари Рекстона, ее поп-идола, о котором она уже много лет грезила, затмил все впечатления и переживания Мишель. Одни лишь мысли о нем летали сейчас в ее голове. Телевидение, радио, все новости, все пространство заполонялось им.

Бари здесь, в ее стране, совсем близко. И вот уже через несколько дней он будет выступать на самом большом стадионе Москвы… Постеры, жвачки, кассеты скупались в огромных количествах и расклеивались на все тетради и стены. Жизнь в этот момент была пронизана им всецело, не оставив и уголка в сердце Мишель для реальности. Реальность стала скорее сном, о котором она мгновенно забывала, имея хоть секунду свободного времени. Мишель жила в мире грез и мечты о единственном и неповторимом Рекстоне. Голос, музыка, его неподражаемые движения и конечно же ГЛАЗА, заполняли все пространство ее сознания. Огромная душа, что отражалась в этих глазах, была родной, понятной и такой близкой. Ни понимая ни единого слова, она слышала и видела в этих глазах все, о чем он пел. Полнота чувств переливалась из недр его души миллионам людей. Любовь – нет, это что-то большее, это невероятная сила чистоты, доброты и детской наивности светлым лучом его взгляда проникали в ее душу. Зеркальным отражением ее внутреннего мира и моря чувств, созданных и прожитых ею, были его песни, и он сам. Волна по имени Бари Рекстон захлестнула ее и унесла из реальности в море грез на долгое время.

Подражание его танцам, изучение наизусть его песен. Вся ее жизнь развернулась на сто восемьдесят градусов. И все живое вмиг стало неживым, только он - живой, реальный и недосягаемый. Рука сама рисовала его портреты. Изученные черты любимого лица были запечатлены везде: на бумаге, ватманах, школьных партах… Сознание было затуманено до такой степени, что даже внешне она казалась слепой. Все мирское стало ей чуждо, и вот она с головой погрузилась в свой позабытый мир грез, мир в котором ей всегда было хорошо, а вместе с Бари этот мир расцвел до невиданных красот. Его голос уводил ее по лунной дорожке реки в даль,

за горы, поля и моря, в края, откуда он родом. Но, по сравнению с детскими грезами, сейчас она с горечью понимала, что в реальности такому не бывать. Разве что поехать на его концерт и встретиться с ним хотя бы единожды взглядом, реальным невымышленным взглядом. Вложить в этот взгляд все ее чувства, чтобы он почувствовал всю энергию, любовь и волшебство ее нежных глаз.

- Да, так я и сделаю! Я поеду в Москву!

Но уверенность столкнулась с непробиваемой стеной – мамой. Ни за что и никогда она ее не отпустит, все просьбы уходили на нет. Ни один довод не был воспринят серьезно:

- Доченька, опустись на землю, ты сама не понимаешь, о чем просишь! Одну мы тебя не отпустим, а ехать с тобой некому, да и некогда, и вообще, это самая глупая идея, какую я слышала. Ради кого рисковать? К тому же ты даже не представляешь, сколько это удовольствие стоит, да и не пробраться на его концерт, тебя обманут, затопчут в толпе.

- Вопрос закрыт, забудь. По телевизору будут транслировать весь концерт. Все увидишь и останешься цела и невредима.

- И не приставай больше с подобными глупостями, пора бы уже повзрослеть! – строго заключила мама.

Перед Мишель встал выбор. Выбор между желаемым и действительным, между ослепленной детской любовью к недосягаемому идолу и доверием родителей, между «хочу» и «могу». «А может, как Танюха, взять и сбежать?» - думала она о возможном пути достижения своей цели. – «Как же хочется сейчас быть сильной и смелой, взять и отбросить разом всю свою нерешительность, всю свою покорность, сесть на автобус и уехать далеко-далеко». Пример одноклассницы подпитывал эти самые желания, а родительское непонимание раздувало огонь сопротивления.

Так, в этом порыве зашкаливающих чувств, она не заметила, как вновь пришла на берег. Забравшись в сухие корни когда-то живого дерева, сквозь пелену слез Мишель смотрела вдаль. Она не видела ничего. Мысли ее были далеко от сюда. А река в это время зеркальным отражением ее эмоций все сильнее закипала, поднимая высокие волны, с белыми завитками бурлящей пены. Ветер сильным порывом продувал ее насквозь, стараясь выдуть все ее сомнения и очистить мысли, но ему это не удалось.

От бешеного потока мыслей музыка ее сердца задала такой ритм, что пульсация встряхнула все ее тело. В глазах временами темнело, а сознание было на грани. Мгновение тишины, и она неожиданно повалилась назад. Ветвистые корни ее любимого сухого дерева заботливо обвили и удержали ее от падения, но она этого не заметила, как и появившегося прямо перед ней портала времени. В этом мимолетном бессознательном состоянии с ней сейчас происходило самое великолепное и невероятное чудо: прорастание маленькой веточки, что прокладывает путь в новую неосязаемую жизнь. Душа уже отделилась от тела и сделала шаг в воронку времени. Растворяясь и разлетаясь на мелкие частицы. Мерцающей пыльцой она проносилась по длинному коридору временного портала. И вот виден свет. Мишель вновь обрела свой привычный облик и вышла из портала, оказавшись по другую сторону. С этого момента частичка ее души жила здесь, параллельно с той Мишель, что сейчас бессознательно лежала в ветвистых корнях сухого дерева.

Доли секунды, на которые сознание покинуло ее, не отложились в голове, она почувствовала лишь сильную усталость и спутанность мыслей. Казалось, мысли с трудом пробираются сквозь густой туман и никак не могут найти выход. Наконец, туман начал рассеиваться, и ей открылось давно забытое прекрасное зрелище течения реки времени. Мишель чувствовала, как ее жизнь с этой минуты протекала параллельно, по другому незримому пути, где-то далеко, на иной частоте, за этим самым порталом, в какой-то иной параллельной реальности, но она этого не понимала и не старалась понять. Она просто расслабилась и любовалась давно забытой красотой течения времени. И тут Мишель услышала:

- Она прошла, и я тоже! – восторженно произнес знакомый женский голос, где-то поблизости. Ей даже показалось, что это она сама произнесла эти слова, но она молчала.

Мишель испуганно огляделась, но никого рядом не было.

- Ты в ее сознании. Заканчивай быстрее. Она нас слышит, - торопил мужской голос, тоже до боли знакомый.

Мишель побледнела. Холодный пот пролился по спине и вдруг в голове что-то щелкнуло. Сильная боль заставила ее свернуться в калачик, забравшись в самый центр корней дерева, на котором она сидела.

«Что это было, чьи это голоса и откуда?» - осматривалась она по сторонам. «Неужели я схожу с ума?» - перепугалась она. «Нет, мне показалось, просто ветер донес до меня обрывок разговора соседей» - пыталась логически рассуждать Мишель. «Вот, до чего доводят тебя твои фантазии! Хватит, Мишель, хватит этого, пора жить в реальном мире. Спустись ты на землю, иначе точно сойдешь с ума! То видения в зеркале, то голоса…» - рассуждала она о непонятных и пугающих происшествиях последнего времени.

Вернувшись домой, она решила забыть о фантазиях неведомого ей мира, и стать нормальной, такой, как все. Принимая жизнь, как явь, а сон как сон, с его глубокими и легкими фазами. Но то, что таилось за границей глубокого сна, все равно просачивалось сквозь ее сознание: ощущениями, мимолетными образами, памятью. Сама того не зная, каждую ночь она проживала новую волнующую жизнь, в мире параллельной реальности, той, что открывалась ей лишь во сне… Пусть она забывала этот сон длиною в жизнь, но его вкус по утрам оставался с ней. Как и душа после смерти…

***

А в этот момент эта самая душа снова и снова проживала свою жизнь на земле. Она была и зрима, и еле заметна, она могла видоизменяться и быть точной копией, исчезать и появляться, но при этом никем не была замечена.

С появлением на свет и до последнего вдоха с нами живет наша тень. Эта копия нас, прикованная к земному телу при свете, и свободная в темноте. Душа, покинувшая земной мир, уже не может жить в теле, ее место на земле - тьма, та, что поглотила тело однажды и навсегда.

Так и блуждающая душа Мишель, что спустилась к своему манящему Древу жизни, проникнув в него, сразу приняла новую форму вечного спутника человека - она стала тенью. В этой новой форме жизни, она, неотделимо от Мишель, проживала каждый момент без права вмешиваться. Лишь однажды, вытянувшись за спиной Мишель, что стояла у зеркала, тень размыла изображение и отразилась в зеркале, но ненадолго. Кто-то извне отбросил ее назад и боль осознания поразила ее как молнией. Она поняла… измени она течение событий земной жизни, ее душа останется пленницей здесь, и прекрасная возможность прожить свою жизнь еще раз может обернуться после завершения полной тьмой, без права вновь быть небожителем. И тень Мишель прекратила попытки что-то менять.

Проживая эту жизнь по-новому, глядя на нее со стороны, она в то же время была не отделима от своей земной Мишель и это успокаивало. Ведь помнить и пережить вновь — это совершенно разное. Прикоснуться к прошлому, снова прочувствовать все то, что так волновало при жизни – прекрасно. В этом исцеление и умиротворение души. Но было кое-что еще, что не просто дарило спокойствие, но и радовало. Это были ветки параллельной реальности.

Как мы помним, в процессе перехода, сознание живой Мишель отключалось, и часть души, пролетая через портал времени, переходила в другую реальность, где, на первый взгляд, царил внешне привычный мир. Но, кроме души живой Мишель, через портал проходила и тень. Конечно же, по другую сторону она видоизменялась, ведь физически мир параллельной реальности не существовал, а значит ничто и никто не могло отбрасывать теней.

Принимая человеческий облик, осязая и ощущая себя, тень при этом оставалась невидима для всех жителей этого мира, в том числе и для новой Мишель. Но это было не единствен-

ным открытием. Теперь она могла не только смотреть со стороны, здесь у нее была возможность прожить самой эту жизнь. Приблизившись вплотную, ее человеческий облик разлетаясь на миллионы частичек растворялся в той Мишель, и тень становилась с ней одним целым. Эти новые возможности восхищали и уносили ее на страницы еще не прожитых жизней. Правда, воспоминания о первой ветке немного настораживали, и она уже понимала, что параллельная реальность — это не сказка со счастливым концом, это все та же жизнь.

Что ждет ее там? Горечь потерь или счастье, она не знала. Но после смерти блуждающей душе так хотелось снова жить, что стоять в стороне и быть лишь зрителем она не могла и не хотела. Как и в первый раз, она растворилась в той новой Мишель и начала свое путешествие по второму ответвлению, что был продиктован дерзким порывом неповиновения.

Глава 6. Вторая ветка Древа Жизни

6.1. Мечта

Миллионы людей, толпы поклонников, и сумасшедшие истерические крики со слезами идолопреклонения. Мишель с силой пробиралась через ревущую толпу, которая становилась все плотнее и плотнее с каждым шагом. Все ее тело ныло от множества синяков и ушибов, которые она получила, дойдя до середины стадиона. Но Мишель не сдавалась. Она протискивалась в ущерб давлению на ее ребра, готовые треснуть в любой момент. И тут Мишель увидела, что впереди часть толпы пробила охрану и ринулась к сцене. Толпа стартанула вперед. Мишель, не упуская такой возможности, быстро сориентировалась и ужонком проскользнула почти к самой сцене. Людей, что вырвались за ограждения, охрана скрутила и вывела в неопределенном направлении. Больше никто наглеть не хотел. Все оставались на своих местах. Мишель была в первом ряду. Она не верила своим глазам. «У меня получилось, у меня все получилось!» - кричала она про себя от восторга.

И тут сцена взорвалась десятком сценических фейерверков, в ритм первых аккордов любимой музыки. Дикий рев толпы оглушил, при появлении Его, человека, всецело владеющего сердцами каждого на этом стадионе. Мишель забыла все: себя, родителей, дом, друзей. В этот миг был только он, человек, похожий на сгусток сияющей энергии, взрывающийся и разлетающийся по всему огромному пространству стадиона. Она чувствовала его каждой клеточкой, он проникал повсюду. Казалось, еще немного, и ее сознание вырвется из тела и взмоет ввысь вместе с ним и его музыкой. Невероятные, неведомые чувства вскружили ее голову и вылились рекой слез из ее сияющих ярко зеленых глаз.

И тут она поймала его взгляд. Его нежные добрые глаза на долю секунды задержались на ней… «… Он был с ней, он пел ей, он любил ее, он был ее…» - всем своим существом чувствовала Мишель. Миг, ради которого она пожертвовала всем… И вдруг сильная пронзительная головная боль парализовала ее, и она, как отключенная от питания кукла, безжизненно рухнула в толпе визжащих фанатов. Охрана, молниеносно среагировала и вынесла ее. Под ногами толпы осталась валяться ее сумочка со всеми документами и деньгами. Автомобили скорой помощи дежурили у стадиона десятками, и ее быстро с воем сирен увезли в ближайшую больницу. Вовремя диагностировав геморрагический инсульт с кровоизлиянием в оболочку мозга, врачи спасли ее, дав шанс дышать и видеть, но вот движение, память и речь покинули ее. Полностью парализованная, придя в себя, она разглядывала все вокруг. Мыча что-то, она не в силах была произнести ни слова. Одни лишь ощущения были доступны ей. Прикосновение теплой ладони и добрый взгляд больших карих глаз радовал ее. Она смотрела на него спокойно, как ребенок на маму, с любовью и нежностью, получая в ответ в сто крат больше тепла и ласки. И вдруг из этих глаз выкатилась слезинка. Она удивилась.

Он понял ее немой вопрос и продолжал смотреть в ее ясные глаза, не произнеся ни слова. Лишь взглядом объясняя ей причину этих слез, и она понимала. Этот немой разговор взглядов поражал своей тонкой гранью между сознанием разума и музыкой внутреннего мира. В ее глазах было столько красоты души, что он не мог оторваться.

Однако врач попросил его удалиться, и она осталась в окружении белых халатов с чёрствыми усталыми глазами.

- Если ты меня слышишь, кивни, – произнес врач.

Мишель кивнула.

- Отлично, ты молодец. Можешь назвать свое имя?

- Мишель попыталась вспомнить, но при напряжении ее голова раскалывалась, и она сморщилась от боли.

- Все, все на сегодня хватит… Не напрягай голову, отдыхай, расслабься, – и отвернувшись к своим коллегам, он принялся что-то тихо обсуждать.

Лишь обрывки фраз, доносились до нее.

- Никто не заметит… Из базы я удалю … сотрем и все… данных нет… амнезия… не выкарабкаться… платит долларами…

Голова раскалывалась, и Мишель погрузилась в сон. Сколько она проспала, неизвестно, но, открыв глаза и оглядевшись, она не узнала палату. Вокруг все было в нежно-бежевых тонах. На окнах во всю стену легким облаком падали пушистые тюлевые шторы. Потолок напоминал небо, что виднелось сквозь кроны декоративных деревьев, которые с четырех углов ненавязчиво поднимались вверх. В углу на одной из веток притаился улыбающийся Питер Пэн с сидящей рядом Динь-Динь.

Мишель не чувствовала ничего, кроме боли, разрывающей ее голову, но мысли все равно лезли в эту пустую черепную коробку. «Кто я? Где я? Что со мной?» - крутилось в ее голове. Состояние невесомости и чудесный волшебный вид комнаты вдруг натолкнули ее на мысль, что она умерла. «Но почему в загробном мире мне так больно?» - недоумевала она, - «… а может, это ад, но тогда почему он так прекрасен внешне? Возможно, в наказание мне, чтобы я не могла прикоснуться!» - рассуждала она.

За пределами комнаты послышались чьи-то шаги. Мишель насторожилась. Дверь медленно приоткрылась, и в комнату вошел незнакомый темнокожий мужчина в очках. Послышалась речь на непонятном ей языке. В словах было что-то знакомое, но она не могла понять значения этих слов.

- Bary, come here! – все повторял вошедший.

И тут в комнату буквально влетел щупленький мужчина очень красивой внешности.

- My dear, how are you feeling? – вопросительно говорил он, повторяя свой вопрос взглядом на понятном лишь им языке.

Она постаралась улыбнуться ему и ответила все тем же волнительным способом их общения, объясняя, что ей гораздо лучше, когда он рядом. И правда, в моменты его присутствия боль ненадолго уходила и становилось спокойно. Но стоило ему уйти, как ее вновь одолевала боль и странная тревога. Она никак не могла вспомнить что-то очень важное, что выгрызало ее изнутри. Это беспокойство и переживание заканчивалось невыносимой тоской по чему-то родному и далекому.

Забота и лечение вершили над ее телом чудеса. С каждым днем ей становилось все легче, и к ней постепенно возвращалась чувствительность. Бесконечные процедуры были основным ее занятием в этом прекрасном месте. Иглоукалывание, массажи, аквааэробика, упражнения для дыхания и тела — все это, день за днем, вытаскивало ее на новый уровень ощущений своего тела. Вскоре Мишель сама смогла управлять своим инвалидным креслом и самостоятельно изучала каждый уголок этого чудесного дома. К ее удивлению, лестниц здесь не было. Огромный по площади дом, был одноэтажным, с плавным выездом на террасу и сад. Большое количество комнат были закрыты, а там, где двери распахнуты, царило волшебство. Непохожие друг на друга комнаты несли в себе единый замысел – сказку. В одной таилась маленькая Дюймовочка, ласково поглаживающая огромную ласточку, другая была выстроена, как большой корабль, где хозяйничал сам капитан Крюк, в третий Чип и Дейл спешили на помощь. Само детство жило здесь, в этих стенах волшебства и чудес.

Однажды любопытство Мишель завело ее в дальнее западное крыло дома, откуда слышалась до боли знакомая музыка. Подъехав ближе, она услышала мелодичный голос ее друга с говорящими глазами. Он пел страстно, но при этом очень быстро двигался в танце, то и дело прихлопывая ритм ладонями. Заметив ее, он остановился и жестом руки позвал к себе.

- Come… - подзывал он ее, - Do you like it? – обращался он к ней, как всегда, не только на незнакомом языке, но и глазами.

Она понимала его и даже старалась отвечать, не только взглядом, но и голосом, тихо проговаривая слова его родного языка. В доме не было ни одного человека, говорящего на русском, и в этом она видела причину ее быстрого усвоения чужого языка. Лишь однажды, в самом начале, когда речь стала поддаваться ей, в доме был переводчик, который расспрашивал ее обо всем, но, к ее ужасу, ей нечего было сказать, она ничего не помнила. Ни как ее зовут, ни откуда она родом, ничего, что могло бы пролить свет на ее личность.

Тогда-то ее друг попросил перевести ей его слова.

«Меня зовут Бари. Я певец, и в тот день, когда ты попала в больницу, ты была на моем концерте в Москве. У тебя было кровоизлияние в мозг. После концерта я навестил тебя. Тогда тебе уже сделали операцию, но ты не могла говорить. Документов при тебе не было. Ваши врачи давали плачевные прогнозы, и я решил тебя забрать. Они пошли мне навстречу, мы перевезли тебя в Штаты. После перелета ты долго была в коме, но, слава Богу, выкарабкалась. Я забрал тебя из больницы к себе. Это мой дом, а теперь и твой. Я знаю, ты сильная, ты снова будешь ходить, говорить, и память обязательно вернется, я верю. А пока я буду звать тебя моей маленькой Сьюзи. Ты не против?»

Она улыбнулась и кивнула. С этого момента она стала Сьюзи.

Несмотря на то, что она была неходячей, жизнь в этих стенах довольно-таки динамичной. Процедуры, упражнения занимали практически все ее время и это радовало. В эти моменты она концентрировалась на деле, а не на бессмысленном блуждании по пустым коридорам своего сознания. Одни лишь сны временами доносили отголоски ее прошлой жизни. Часто повторяющийся сон навевал ностальгию по родине, дому и близким. В нем она видела, как огромные пушистые снежинки кружат в воздухе, а вокруг разливается смех детей, валяющихся в огромных высоких сугробах… Проснувшись, она снова и снова пыталась заснуть, уловить этот ускользающий миг, но тщетно - память беспощадно стирала детали сна. Но трепет души оставался, и желание все вспомнить нарастало с каждым днем.

Она не считала времени, но понимала, что прошло не меньше года с ее появления в жизни Бари. Он по-прежнему очень чутко к ней относился. Тепло его глаз и душевность было самым дорогим в ее новой жизни. Со временем она сдружилась с каждым, кто жил в этом доме. Нет, они не были прислугой, это были его друзья. Люди, которые жили здесь, готовили пищу, убирали, стригли газоны, были здесь не ради денег, они были здесь ради него. Бари, несмотря на свой возраст, был в душе ребенком, с верой в чудо и в искренность людей. Зная не понаслышке, как люди бывают жестоки, он продолжал доверять, верить и любить каждого, оставаясь загадкой для обычного прагматика.

Мишель со своим чутким сердцем понимала его с первого взмаха ресниц и частоты его сердцебиения. Казалось, он был для нее всем. Но она ошибалась. Даже он не мог заменить ей ее прошлое, ее саму. Ведь здесь жила Сьюзи, а Мишель была закрыта в подвале своего сознания. Она билась, она пыталась кричать и высвободиться из этого заточения памяти, но ничего не получалось.

Однажды, после его отъезда в очередной концертный тур, она решила посвятить время памяти. Найдя записи с концерта, на котором ей стало плохо. Она до дыр перекручивала пленку, стараясь найти хоть одну зацепку, одну ниточку, которая помогла бы распутать этот клубок.

И она нашла. Это был фрагмент нарезки, где показывались регионы России с самыми живописными местами. Горы, реки, поля, деревушки, города и столицы. Все это отражало дух ее родины, и она вдруг вспомнила. Вспомнила свой поселок, запах блинов из русской печки и плеск волн на берегу реки. То место грез, откуда она улетала сюда, в этот дивный сад Бари.

- Мечта, ставшая реальностью, - вдруг проговорила она на родном языке, с уже небольшим акцентом.

Малыми шажками она восстанавливала пробелы в своей памяти. То радость, то грусть захлестывали ее от осознания всего случившегося. Она с нетерпением ждала возвращения Бари, но он не приезжал. На ее расспросы домашних о нем все пожимали плечами. Однажды, заехав на кухню, она увидела, как все столпились у включенного телевизора и с открытыми ртами смотрели кадры, как его ведут в суд в качестве обвиняемого. Абсолютное отторжение, непонимание происходящего переполняло каждого. Никто не усомнился в его невиновности, да и как это возможно… было ясно, как божий день, что бездушные люди просто воспользовались его безгранично любящим сердцем. Он стал мишенью зла и ненасытности. Его доброта, любовь и доверие к людям сыграли с ним злую шутку. Сфабрикованные обвинения мигом оказались кучей крючков, закинутых со всех сторон в его карман. Его щедрость давно обращала к себе взор алчных людей, а сейчас они нашли способ постоянной прибыли золотыми слитками в обмен на свою совесть и душу.

«Какие жестокие люди, как такое вообще могли придумать? Столько зла вокруг, а они прицепились к нему, к человеку с безгранично добрым сердцем… Я поеду к нему, я выступлю в его защиту! Люди должны знать, какой он. Как он вытащил меня с того света и выходил. Сколько сил и денег Бари положил на мое здоровье, здоровье совершенно чужого человека, а они говорят о нем такие гнусные вещи… Это недопустимо!» - думала Мишель и металась в своем инвалидном кресле по всему дому в поисках водителя.

- Поедем, умоляю. Я должна дать показания. Нельзя это так оставить! – на чистом английском взывала она к водителю, который так же, как и все, переживал за Бари.

- Я не могу без его разрешения, а он просил позаботиться о тебе здесь.

- Ну, как же ты не понимаешь, это важно, мы должны ему помочь, мы его друзья!

- Я не могу, прости… Давай сделаем так, я один съезжу туда, постараюсь увидеться с ним и, если Бари разрешит, я вернусь за тобой.

- Хорошо. Я буду ждать, – опустив голову, повернула обратно Мишель.

Но ждать не пришлось, на следующий день Бари был дома. Мишель, услышав о его возвращении, готова была встать с кресла и заставить свои пока еще слабые ноги – бежать. Но он ее опередил.

- Привет, моя милая Сьюзи! – улыбнулся он, проходя к ней в комнату.

- Привет, Бари! – и из ее глаз выкатились слезинки. Она быстро смахнула их и покатилась к нему. Бари присел на корточки и обнял ее в кресле.

- Они все слепые, Бари. Как такое в голову могло прийти? Жестокие, чудовищные люди… – говорила она со слезами на глазах.

- Все хорошо! Забудь это. Мне жаль, что ты все это увидела из новостей, но я рад что ты не веришь им!

- Конечно не верю, как такому вообще можно поверить, зная тебя… Да даже не зная, стоит лишь раз посмотреть в твои глаза и все становится понятно… Они облили тебя грязью, но твои глаза все равно сияют чистотой. Им этого не дано!

- Успокойся, моя хорошая, все в прошлом.

- Но как? По телевизору не показывали, что тебя оправдали, наоборот… - и она печально посмотрела в его глаза, - Я хотела ехать к тебе, дать показания. Пусть они посмотрят на меня. Пусть они знают, как ты добр и великодушен.

- Я дал им денег.

- Но зачем, ты же ни в чем не виновен…

- Они хотели денег, они их получили.

- Но так нельзя, все должны знать, что это гнусная ложь…

- Те, кто меня любит, и так знают. Ты же поверила мне, а не им… Так и мои верные друзья не отвернутся. А перед людьми, что усомнились, я оправдываться не хочу. Я чист перед Господом, перед своей совестью, перед тобой, и это главное! Мне не важно, что подумают люди, жаждущие скандалов.

- Но с тобой я и правда нарушил закон, поэтому нужно срочно собираться. Ты улетаешь сегодня в Эмираты, к моему другу. Пока все не уляжется, будешь жить там. Я чувствую, надолго их аппетиты я не удовлетворил. Последуют новые расследования, и сюда могут нагрянуть с обысками. А здесь ты.

- Не понимаю, что ты нарушил, и почему это связано со мной?

- Мне пришлось нарушить закон. В той палате, в России ты умирала… Тебе срочно требовалась дорогостоящая операция, но ваши врачи ее не делали. Нужно было везти тебя в Штаты. Я предполагал, что проблема лишь в деньгах, и предложил оплатить, но они отказались. В твоей стране врачи очень честные, они сказали мне правду. Они знали, что времени на сборы документов у тебя нет… ты не проживешь так долго. Все было бы проще, будь при тебе документы, а без выяснения твоей личности тебя из страны даже больную, на грани жизни и смерти, выпустить они не имели права. Я был в отчаянии… Тогда ко мне подошел твой лечащий доктор и предложил ту схему, по которой мы нелегально перевезли тебя.

Я понимал, что это преступление, и я могу сесть в тюрьму, но что это по сравнению с жизнью человека? Ничего. И я решился. Ваши врачи уничтожили все данные о тебе в больнице, как будто тебя вообще у них не было. И мы тайно перевезли тебя. Здесь я сделал тебе новые документы. По ним ты – гражданка Америки, но если начнут копаться, то правда может вскрыться, и тогда я действительно сяду. Никто и слушать не захочет ни тебя, ни меня…, не поймут они и причин. Этим стервятникам лишь бы зацепить меня, вылить на меня как можно больше грязи. Все раздуют до таких объемов, что нам с тобой придется тяжко. Поэтому ты сейчас должна уехать.

- А как же ты? - паниковала она.

- Я прилечу к вам, но позже. Пока у меня подписка о невыезде.

- Но почему в Эмираты? Я могу улететь в Россию, домой. Вообще я так ждала тебя, чтобы рассказать новость! Я вспомнила почти все: и кто я, и откуда…

- Какое чудо! Это настоящее чудо! Я так рад за тебя! У меня мало времени, но расскажи хоть немного о себе! – торопил ее Бари.

- Мое имя – Мишель. Я русская, родом с Урала, из маленького поселка. Мои родители учителя… Господи, как тяжело, - и она сглотнула подступивший к горлу ком и вытерла мокрые глаза…

- Не плачь, пожалуйста, моя Сьюзи… Можно я все равно буду тебя так называть? – тоже ласково стирал он с ее щек капли слез.

- Конечно, – кивнула она и продолжила: - Родители, наверное, уже потеряли надежду, что я жива… Бедные, несчастные мои родители. Я такое натворила… Я ведь сбежала из дома. Взяла родительские сбережения и тайком уехала в Москву. Конечно, я оставила им записку, в которой написала, что поехала на твой концерт, и что сразу после него вернусь домой, а когда вырасту и заработаю - отдам все потраченные деньги… Последнее, что я помню, это твой концерт, жуткое давление и невыносимую головную боль… А потом больница, твои глаза… потом опять пустота и сразу твой дом.

- Мы должны им сообщить, что ты жива. Ты помнишь точный адрес?

- Кажется, да.

- Тогда поступим так. Мой друг позаботиться о тебе в Эмиратах. Он поможет отправить им письмо и деньги, что ты взяла на поездку. Успокой их в письме, купи что-нибудь им в подарок. И обязательно вышли свое фото, чтобы они были уверены, что это и правда ты. Но молю, не рассказывай в письме обо мне и о том, что все это время жила здесь. Напиши, что при

встрече все расскажешь. Главное, ты должна встать на ноги, прежде чем отправишься домой. Не стоит их расстраивать еще и твоей болезнью.

- Бари, как же я хочу домой! Когда ты приедешь, давай мы вместе поедем в Россию, я познакомлю тебя с родителями, с друзьями.

- Прости, я не могу. Да и ты не должна обо мне никому рассказывать, пообещай мне, пожалуйста!

- Обещаю! - грустно сказала Мишель.

- Из Эмиратов я смогу тебя отправить домой, но это позже, когда встанешь на ноги. А сейчас собирайся, вечером ты вылетаешь в Дубай. Обещаю, мы еще обо всем поговорим, но сейчас мне нужно убегать. Много чего еще нужно уладить, – и он взял ее ладонь, поцеловав, приложил к своей щеке, потом, поднявшись с колен, погладил ее по голове и вышел из комнаты.

Спустя годы, она часто вспоминала это мгновение. Момент душевного тепла и абсолютного доверия. Момент пограничного счастья, разделивший ее жизнь на до и после.

В этот вечер она так и не увидела Бари. Ей сказали, что он уехал, но она знала, что Бари был дома. Мишель видела его в окне перед тем, как ее посадили в машину. Она помахала ему на прощание, но он тут же отошел от окна и исчез в свете огромной комнаты. Мишель знала, а может, чувствовала причину… Ему было тяжело с ней прощаться, он боялся показать слезы, льющиеся у него из глаз, но больше он боялся ее слез. Бари не мог их видеть, они ранили его в самое сердце.

Так она покорно села в машину, которая увезла ее в аэропорт. Мишель не была здесь одна. С первого дня новой жизни постоянным ее спутником был доктор. Он буквально не отходил от нее, заботясь и наблюдая за ней каждую секунду. Так и сейчас, он сидел рядом и измерял ее давление. Он был наготове. Целый кабинет был оборудован в самолете для экстренных случаев. Там был и операционный стол, и жуткая лампа, светившая ярким холодным соцветием мелких лампочек, и стол с стерильными инструментами. Все это, с одной стороны, пугало, а с другой вселяло надежду, что будешь спасен, если что-то пойдет не так.

Давление было в норме, и доктор выдохнул. По привычке он то и дело приглядывался к ней, к ее цвету лица, ее мимике. Он знал, что Мишель никогда не жалуется, и лишь мимолетные гримасы от боли выдавали ее реальное самочувствие. Сейчас же она спокойно спала, откинувшись на кресле самолета.

Пока они парили в небесах, она во сне бегала по земле, сверкая голыми пятками по асфальту. Там лил теплый летний дождик, и она маленькой девчушкой, в компании подруги прыгала от одной теплой лужи к другой, забрызгивая подругу шлепками от босых ног. Они смеялись и радовались, кружась вдвоем в этом счастье детских забав. Из окон им кричали взрослые, требуя быстро бежать домой. А они делали вид, что не слышат, и все дальше и дальше убегали от распахнутых окон, боясь быть загнанными домой. Из реки поднялась яркая радуга и упала вторым концом в гору, превратив и без того красочный пейзаж в волшебный мир сказки.

- Мишель, Мишель… мы прилетели! - будил ее доктор.

- Как? Так быстро? Вы же говорили, лететь 16 часов.

- Не так уж быстро, ты проспала целых десять часов. Удивительно, как ты можешь так крепко спать в самолете.

- Не знаю, - пожала плечами Мишель.

- В прошлый раз, когда мы тебя перевозили, ты отключилась и впала в кому. Сейчас ты меня тоже напугала. Я уже думал, повторение сценария будет, но, слава Богу, ты просто спала.

В аэропорту их встречали люди в длинных белых платьях, с платками на головах, и черным венком, придерживающим этот самый платок. Как потом узнала Мишель, наряд этот назывался – кандура.

Вежливость и милый вид встречающих вселял надежды, и она с благодарностью приняла их помощь. Заселившись в красивый особняк возле моря, Мишель не верила своим глазам.

- Море, настоящее море! Как я мечтала увидеть его! - все повторяла она, выкатившись на балкон своей комнаты, из которой открывался невероятный вид. Бирюзовый цвет волн и легкий ветерок, наполненный морской свежестью, завораживали ее.

Она была почти счастлива. Для полноты ощущений ей не хватало его, ее верного друга, с глазами, в которых жил целый мир. Она тосковала по нему даже больше, чем по дому, казалось, может ли быть такое? «Родная кровь уступает родной душе…» - размышляла она, раскладывая все свои чувства. Но она ошиблась. Кровь тоже звала и не отпускала. В ней все больше и больше разгоралась война двух миров: зов родины и притяжение родной души. А она между этими мирами, ни там, ни здесь. Она оказалась ровно посредине, лишившись всего.

Но она ждала. Она надеялась, что со временем все встанет на свои места. “Я дождусь Бари и тогда вместе или одна, но я съезжу домой, увижусь со всеми… А что потом? Разве ты сможешь вернуться? Разве у тебя хватит сил второй раз бросить свою семью, своих друзей, свою родину?.. Нет, ты не сможешь. Ты останешься и будешь всю оставшуюся жизнь тосковать по Бари, наблюдая за ним лишь по телевизору… Разве этого ты хочешь? Разве ради этого ты тогда сбежала?.. Нет, нет… я не могу потерять его, я останусь с ним. Как только он позвонит, я расскажу ему о принятом решении», - торжествовала она, - «Все давно уже похоронили меня и оплакали. Пусть будет так. Их боль начинает стихать. А если я вернусь, то разворошу рану, и не будет мне прощения… Но ведь так нельзя. Это мои родители. Нельзя, нельзя… Как вообще тебе такое пришло в голову? Скрыть от них, что у тебя все хорошо? Тем более, ты пообещала Бари написать им! Как же теперь быть, как быть?» - все крутилось в ее голове.

А решение было, и принято не ею, а им. Задолго до этой поездки, еще тогда, когда он сидел на скамье подсудимого, он все обдумал. Он отправит ее к своим друзьям. Они поставят ее на ноги и помогут все вспомнить. Потом ее увезут домой, к ее родным и близким, не дав ему адреса, чтобы он не смог ее найти. А она снова начнет свою размеренную жизнь в привычном круге. Да, он предполагал, что ей будет больно, но она справится. Ведь Мишель еще ребенок. У нее впереди целая жизнь, а он ее загубит. Он не сможет ей дать главного – семьи. Его очернили, и он знал, что все, кого он любит, тоже будут под давлением. Их заденет эта грязь, а он не мог этого допустить… Ее он еще может спасти. О ней никто не знал и это ее шанс. Он желал своей маленькой Сьюзи счастья, простого человеческого счастья… Он любил ее, эту маленькую пташку с подрезанными крылышками. Вылечив ее, он, как дикого зверька, должен выпустить, отпустить в ее родную среду, к ее близким. С ним же она останется в неволе.

Но ничего этого Мишель не знала. Она каждый день ждала звонка. Восторг и радость от моря и великолепного вида стихли, превратившись в черно-белый фильм дней, проводимых по расписанному графику. Разминки, зарядки, упражнения, массажи, водные процедуры вытаскивали ее тело, но загоняли ее душу в темницу отчаяния.

- Почему он мне не звонит? – терзала она доктора, - Он же обещал. Скажи, что происходит, пожалуйста! – умоляла она.

- Я обещал ему, прости… Не могу… - уходил от ответа доктор.

- Он меня бросил? Выкинул из своей жизни? – плакала она.

- Нет, что ты… Он любит тебя, разве ты была бы здесь, если бы Бари не любил тебя…

- Но тогда почему? Пусть он не может приехать, но по телефону он же может со мной поговорить, хотя бы раз. Молю, уговори его, один, последний раз! - обливалась слезами Мишель.

- Хорошо, я попробую, - тоже всплакнув, ответил доктор.

Она добилась своего, Бари позвонил.

- Милая, моя маленькая Сьюзи… Ты прости меня, пожалуйста. Я должен был тебе все это сказать тогда, при прощании, но я не смог, - и слышно было в трубке, как он сдерживает слезы.

- Я не виню тебя. Я лишь хочу, чтобы ты знал. Я всегда тебя любила и всегда буду любить. Что бы ты не задумал, я до конца моих дней буду помнить тебя самым чистым, самым лучшим и добрым моим другом. Таких больше нет… - и она, не выдержав, затопила все своими слезами.

- Не плачь, не плачь… Верь мне. У тебя все будет хорошо. Ты обещала отправить родителям письмо, ты это сделала?

- Нет. Я решила остаться с тобой. Так будет лучше. Знаю, ты думаешь, я маленькая девочка и ничего не понимаю, и поэтому ты принимаешь за меня решение, как мой опекун, но это не так. Ты мой друг, а, как друг, ты должен считаться с моими желаниями. Я хочу остаться здесь, рядом с тобой.

- Но так нельзя, тебя ищут, о тебе плачут. Ты вырываешь им сердце, ты понимаешь?

- Понимаю… Но прошел год, пройдет еще один, и они успокоятся…

- Ты думаешь, материнское сердце способно успокоиться? Ты для них ни на земле, ни на небе. Родители не предали земле твое тело. Их души не найдут покоя… Неужели ты готова обрести их на вечные муки? – взывал он к ней.

Она молчала, тихо осознавая каждое его слово…

- Не поступай так! - грустно произнес Бари.

- Но, если я уеду, я смогу потом вернуться к тебе? – молча произнесла она.

- Нет… - правдиво ответил он.

- Но почему?

- Потому что тебе нужно строить свою жизнь. Я лишь друг.

- Так и оставайся моим другом, я не претендую на большее. Я лишь хочу, хоть иногда говорить с тобой, видеть тебя, в этом мое счастье.

— Вот именно, а оно должно быть в другом. Ты взрослеешь. Придет время создавать свою семью, а ты так и будешь смотреть только на меня… А у меня уже есть семья и будут дети. Ты для меня, как мой ребенок, и мне очень хочется видеть тебя счастливой.

- Я буду, вот увидишь. Позволь мне это доказать, поверь мне! Не выбрасывай меня, как ненужную игрушку, прошу тебя… Не лишай меня этой редкой радости видеть и слышать тебя… – плакала она, - Только скажи, и все это останется в тайне. Ни один человек на земле не услышит от меня о том, что произошло со мной.

- Дай мне время подумать, Сьюзи. – и он положил трубку.

Она еще долго сидела в своем кресле неподвижно, но разозлившись, напрягла все свое тело и встала. Впервые без чьей-то помощи она стояла на ногах. Но она не осознавала, не отдавала себе отчет в этом, в мыслях она была далеко. Она была рядом с ним. И тут до нее стало доходить… он изгоняет ее не потому, что хочет успокоить ее родителей. Он изгоняет ее, чтобы успокоить себя. Он боится, что она влюблена в него. Он же женат. Между ними никогда не было и намека на подобные разговоры, она всегда была в курсе его семейного положения и того, что скоро появится малыш… Она искренне радовалась этому и не давала повода усомниться в ее дружеских чувствах. «Как ему такое в голову пришло!» – не понимала она, - «неужели, это из-за того, что я так часто говорю, что люблю его. Конечно, все дело в этом… взрослые воспринимают это слово совсем с другим значением. Для меня же слово «люблю» - как песня души, широкая и необъятная. Это слово нельзя понимать так узко, как понимают взрослые. Я так часто говорю люблю, потому что действительно люблю: море, звезды, луну и солнце, ветер и снег, я все это люблю переполненной душой, но ничего же не рушится при этом… Так почему, когда я люблю друга, все должно рушиться и исчезать?» – не понимала она.

И вдруг раздался звонок, она, не осознавая, шагнула к телефону и тут же рухнула на пол. На этот грохот прибежал доктор, чей номер находился по соседству.

- Как ты так умудрилась?! – недоумевал доктор.

Кресло ее стояло в двух шагах от ее распластавшегося на полу тела. Док помог ей сесть в кресло и начал осматривать ее на ушибы.

- Все нормально, я не ударилась, - успокаивала его Мишель.

В это время телефон продолжал звонить. Мишель тут же докатилась до трубки и почти крича, ответила… Это был он.

- Я принял решение, Мишель.

- Мишель? – удивилась она. Он ни разу еще не назвал ее настоящим именем. Видимо решение принято жестким, приготовилась она.

- Да! Ты должна быть тем, кто ты есть! И в этом главное мое решение. Я хочу дать тебе возможность решать. Итак, я готов. Говори.

- … Я удивлена, но очень рада. – и она жестикулируя, умоляла доктора удалиться. Док все понял и вышел из комнаты.

- Во-первых, спасибо тебе! Ты буквально поставил меня на ноги. Я после нашего разговора самостоятельно встала, представляешь? – смеялась она.

- Правда? Какая же ты молодец! Я очень, очень рад за тебя!

- А, во-вторых, ты прав, но отчасти. Я поеду домой, но мы ведь можем остаться на связи, если ты подаришь мне телефон, как у тебя, с антенной. Обещаю, я никому не расскажу о своем невероятном приключении и буду жить так, как привыкла. Но иногда, ночами, я буду приходить на берег реки и звонить тебе, и мы часами будем говорить обо всем, как добрые верные друзья! В моей той жизни нет средств, достаточных, чтобы прилететь к тебе, поэтому право увидеться я оставляю за тобой. В этом я, к сожалению, долгие годы буду бессильна.

- Ты не по годам мудрая! Правда! Я не ожидал такого расклада от тебя, – радостно ответил Бари, - Мы обязательно будем видеться, я все устрою. Мне и самому без твоих зеленых глаз очень тоскливо. Я дорожу дружбой. Поверь это очень ценная вещь на земле. Искренняя дружеская любовь не должна умирать, мы вместе ее сбережем, обещаю.

- Я верю тебе, - улыбнулась она.

- Как тебе Дубай, расскажи? – выдохнув после тяжелой темы разговора, начал он.

- Ты не представляешь, здесь такое море… - и их дружеский разговор растянулся на часы…

- Ну все, тебе пора на процедуры. Беги, моя Сьюзи-Мишель, - улыбнулся он. И она видела эту улыбку, четко представляя его в своей голове.

Спустя еще полгода Мишель встала на ноги. День вылета был назначен, она собрала все вещи и отправилась к выходу. Черный фургончик подъехал к входу, и Мишель, попрощавшись и поблагодарив всех, залезла в минивэн. Она не обратила внимание, что там кто-то сидел, привыкшая к охране и докторам. Лишь когда автомобиль тронулся, она повернулась к своему попутчику. Мужчина был одет в кандуру, а на лице были широкие темные очки. Он сидел отвернувшись, смотря в окошко.

- Сколько нам ехать до аэропорта? – спросила Мишель мужчину.

- Чуть меньше часа, - ответил знакомый голос.

- Ты! - и она чуть ли не напрыгнула на него от переполняющей ее радости.

- Как же я мог не проводить свою Сьюзи? – улыбался он, снимая очки. И они обнялись.

- Ты прямо расцвела за это время! – рассматривал ее Бари.

- Я просто научилась пользоваться косметикой, - улыбнулась она.

- Нет, ты, правда, очень красивая. Твой избранник будет самым счастливым мужчиной!

— Ну это еще не скоро. Сейчас же я хочу дружить, болтать и смеяться со своим лучшим другом. До этого момента я думала, как скоротать время до самолета, а сейчас хочу, чтобы оно остановилось, чтобы насладиться нашей, возможно, последней встречей.

- Ну, почему же последней? - ухмыльнулся он, протягивая ей милую маленькую сумочку.

— Это мне? – удивилась она.

- Да. Загляни в нее.

Она раскрыла сумку и увидела в ней кожаное портмоне и точно такой же телефон, что был у него.

- Спасибо! Огромное спасибо тебе! Теперь мы будем на связи! – восторженно разглядывала она большую трубку с антенной.

- Загляни в портмоне! – посоветовал он ей.

- Там ничего нет, - расстегнув молнию на портмоне, пожала плечами она.

- Там есть кармашек, - подсказал он ей.

Она посмотрела внимательней и, правда, сбоку под еще одной молнией, был маленький карман. Она открыла его и увидела пластиковую карту.

- На ней достаточно денег для того, чтобы ты смогла прилететь ко мне, когда захочешь. Сам же я не смогу навещать тебя, прости.

- Спасибо, Бари! – и она снова обняла его.

- Ты, кстати, с нее можешь тратить и не только, чтобы прилетать ко мне. Здесь должно хватить и на дом, и на сад, и на отдых, когда ты обзаведешься своей семьей.

— Это слишком много, я не буду тратить на свои нужды, это наши встречи и все!

- Как скажешь, теперь это твои деньги. Распоряжайся на свое усмотрение.

— Это наши встречи, и только они! – настаивала она.

- Хорошо, хорошо, - смеялся он под ее натиском, - но мне бы было приятно оставить тебе после себя наследство.

- Что ты такое говоришь, ты меня переживешь, не вздумай даже говорить такое! – погрозила она ему.

- Да, еще… там есть пароль, я осмелился вбить его сам. Это день и месяц нашей встречи, а если не помнишь, то подсказка - день концерта в Москве.

- Я его помню! – улыбнулась она, вкладывая портмоне в сумочку.

- Лучше сумочку вложить в багаж, боюсь, тебя могут ограбить, как приземлишься в Россию. И да… пока ты не доберешься до родителей, ты - гражданка Америки, и зовут тебя Сьюзи, не забывай. Дома постепенно восстановишь документы. Будь внимательна. Док полетит с тобой, на всякий случай, и проводит до дома, отдав тебя в надежные руки родителей.

— Это уже лишнее…

- Не лишнее, ты несовершеннолетняя, а он по документам твой отец. Так что, все так, как должно быть.

- Спасибо тебе, Бари. Ты мой ангел-хранитель. Без тебя и Дока меня бы уже не было. – мило улыбнулась она.

- Мы почти приехали. Попрощаемся здесь. Меня не должны видеть. – проговорил он.

- Прощай, мой друг! – погладил он ее по лицу и поцеловал в щеку.

- Прощай, Бари! – все не отпускала его руку Мишель. Но двери раздвинулись, и водитель подал ей руку. Она в последний раз взглянула в его добрые лучистые глаза и вышла.

Тайна их знакомства навсегда сохранилась в ней. Мишель несла ее, как луч света, сквозь всю свою жизнь. Подкрепляемая сначала их общением по телефону, а со временем и редкими встречами. Мишель жила от встречи к встрече. Став взрослой, Мишель обязательно раз в год приезжала к Бари, и они, дружно развалившись на полу, смеялись и рассказывали свои новости. Он уже не отделял ее, а наоборот, ввел в свой семейный круг, как полноправного члена семьи. Мишель безгранично ценила это, переполняемая счастьем быть хоть на несколько дней частью этой дружной семьи. Искренняя радость сияла в ее глазах, когда она играла и нянчилась с его маленькими детьми. А встречи с его сестрами и братьями, отцом и матерью доказывали полное доверие ей. С огромной благодарностью и верностью хранила она в себе эту тайную жизнь.

Созваниваясь по поводу и без, они преодолевали расстояние, разделяющее их. А с появлением интернета общение стало проще. Теперь они могли не только слышать, а еще и видеть друг друга, болтая по видеосвязи и переписываясь в любой момент.

Огорчало его лишь одно - она так и не встретила свою половинку. Многие пытались завоевать ее внимание, но она не способна была разглядеть их. Один лишь друг детства все время был рядом с ней, но, как и Бари, он был другом. Заигравшись в дружбу, она ослепла и не видела настоящих чувств, заполняющих сердце человека, что был рядом.

6.2. Погасшая звезда

Так было до страшного июньского дня, когда сердце Бари остановилось. В этот день она была дома у родителей… Чудовищная новость разом подкосила ее. Чуть не потеряв сознание, Мишель придерживаясь о стены еле дошла до кровати и зарывшись в подушку, не умолкая, рыдала. Не веря и не принимая случившегося, она отрицала, она искала малейшую зацепку, пытаясь обмануть себя. Прорыдавшись, первым делом Мишель принялась звонить Бари. Затаив дыхание она ждала знакомый голос, но номер не отвечал. Тогда она тут же набрала телефон его сестры, в надежде услышать от нее, что это фэйк и Бари жив… Но на другом конце света ей ответил убитый горем голос сестры: “Бари больше нет, Мишель…” Не в силах скрыть всю боль потери родного человека, она выла волком, взывая к нему. Она уже не могла скрывать ту душевную близость, что жила все эти годы между ними. Полное отрешение от внешнего мира в заполненных слезами глазах свидетельствовало о их близости, о их родстве душ. В эту минуту Мишель ничего не видела и не слышала. Один лишь родной голос пел ей, своей маленькой Сьюзи, и она, захлебываясь слезами, подпевала… Внешне казалось, что она сошла с ума. Родители не могли до нее достучаться. Последней их надеждой был Матвей. Дозвонившись до него, они вкратце объяснили, что случилось и умоляли прийти к ней на помощь.

Матвей тут же примчался к ним.

- Можно, я унесу ее на берег реки? - обратился он к родителям, что стояли над ней в слезах.

- Да, делай все, что считаешь нужным, - согласилась Татьяна Ивановна.

И Матвей, подхватив ее на руки, вынес из дома. Мишель, всхлипывая, уткнулась в его шею, обливая ее горячими слезами.

- Тише, тише… Я с тобой, Мишель! Я здесь… Все пройдет, боль утихнет.

- Не уходи… - рыдала она, обращаясь то ли к нему, то ли к видениям в своей голове.

- Я всегда буду рядом. Я никогда тебя не брошу! - утешал Матвей, усаживая ее поудобнее в ветвистые корни сухого дерева.

- Посмотри, какая спокойная сегодня река! - пытался отвлечь ее Матвей.

- Да. Она напоминает душу Бари. Он был такой же спокойный и невозмутимый, - проговорила она тихо, вытирая слезы.

Мало-помалу она начала успокаиваться. Матвей возвращал ее к жизни. Он видел, как ей тяжело и хотел разделить ее боль, забрав часть себе. Эта поддержка, забота, понимание были самым ценным в жизни Мишель. Она уже давно была изгоем в поселке, а теперь и вовсе ее никто не понимал. Родители и те критиковали и упрекали ее за траур.

- Разве можно убиваться по совершенно незнакомому человеку, да еще так! – недоумевала мама.

- Мало тебе того, что из-за него ты нас так напугала. Полтора года ни привета, ни ответа… – ругалась мама.

И Мишель, в очередной раз не выдержав нотаций матери, брела к реке. Туда, где зародилась мечта, а теперь эта мечта погасла навеки. Одна в своем горе, она день изо дня оплакивала любимого друга. Не замечая, как второй друг все время был рядом. Он поддерживал и молча

ждал. Чего ждал Матвей, он уже и сам не понимал. Надежды на то, что она однажды разглядит в нем не только друга, угасали с каждым днем, но он не уходил. Потеряв ее однажды, сейчас он был готов наслаждаться малым. “Достаточно и дружбы, с царящей в ней гармонии общения, взаимного уважении и идиллии во всем” - считал Матвей.

Он помнил ту боль, что терзала его сердце все полтора года без нее. С первого дня того страшного периода он ждал и верил в чудо. Тогда Матвей поклялся перед Богом, что ни за что и никогда ее не оставит, только бы она была жива. Он молился, он взывал к ней, к ее душе. Наряду с родителями Матвей продолжал искать ее, даже после официального прекращения поисков. Никто уже не верил, что она вернется, лишь эти три сердца стучали в надежде. И Бог услышал их мольбы, она дала сначала весточку, а потом и вернулась домой.

Но эту радость разделяли в поселке недолго. Как только все узнали о ее безрассудном поступке, все ополчились против нее. Матвей был единственным человеком, кто не отвернулся, а протянул руку помощи. Он готов был простить ей все, лишь бы она была жива. Остальные этих мыслей не разделяли. Обвиняя в безответственности и эгоизме по отношению к родителям. Ее ругали все кому не лень. Из-за травли в школе ей пришлось доучиваться дома. Пятном позора, чувствовала она себя, где бы не появлялась. И в итоге заточение стало для нее спасением. Самостоятельно освоив школьную программу старших классов, она на дому сдала все экзамены и с отставанием на один год от своих одноклассников, поступила в ВУЗ. Матвей поступал вместе с ней, завалив экзамены в первый год.

После ее возвращения эти двое практически не расставались. Они вместе поступили, вместе закончили институт, вместе вернулись в родной поселок, устроившись учителями в школу. Расставались они лишь раз в год на пару недель ее отпуска, когда она уезжала по своим личным делам, оставляя его одного. Пару раз Матвей пытался узнать, куда же она каждый год ездит, но она вечно отшучивалась и уходила от ответа. Матвей знал, раз она не хочет рассказывать, значит, не стоит и пытать ее. Главное - она всегда возвращается.

Так было ровно до этой трагедии, ставшей самой большой в жизни Мишель.

- Я должна проститься с ним, – говорила она вслух, бредя как во сне, так и наяву.

- Но как ты поедешь? – пытался вразумить ее Матвей.

- Ничего. Я смогу. Я соберусь с мыслями и поеду…

- Я не отпущу тебя! – вдруг серьезно сказал Матвей.

- И ты против меня? – удивилась она.

- Ну, о чем ты… Просто в таком состоянии ты попадешь в беду.

- Поехали со мной, до Москвы… Там ты останешься меня ждать. Я вернусь, обещаю.

- Ты бредишь! Нашей учительской зарплаты не хватит даже на один путь туда, а ты говоришь о таком…

- Не переживай за деньги. Ты просто скажи: “Ты со мной?”

- Я всегда с тобой, ты же знаешь. Тебе и правда так важно попрощаться с ним?

- Очень важно. Я не могу иначе… - сказала она с накатывающимися слезами.

- У меня есть кое-какие сбережения. Если получится, я возьму кредит… - прикидывал Матвей.

- Денег не нужно, у меня они есть… Не спрашивай, откуда. Просто будь рядом.

И они вместе поехали в Москву. Там она сняла номер в гостинице, заплатив за неделю.

- И все же, откуда у тебя столько денег? - видя чек, недоумевал Матвей.

- Ты обещал не спрашивать… Я никого не убила и не ограбила, не волнуйся, - улыбнулась она, вкладывая в его руку карту от номера.

- Дождись меня здесь. Больше недели я там не пробуду. Прощание послезавтра. – уже спокойно говорила она.

И она улетела к нему, безмолвно лежащему человеку, что был живее живых в сердцах каждого, кто скорбил вместе с ней.

Ей дали возможность побыть с ним до официальной церемонии прощания. Мишель села рядом с гробом и взяла его за холодную руку. Смахивая бегущие одну за другой слезинки, Мишель, как и раньше, начала с ним разговаривать. Это был немой разговор, доступный лишь ей, но для нее он был реальным. Она говорила, говорила обо всем. О ее муках без него. О том, что он так и не увидел ее родины, не познакомился с ее родителями, с ее верным другом, что сейчас ждет ее в Москве. Она говорила о сохраненной тайне и о готовности хранить ее до конца своих дней. В этом немом разговоре она как будто слышала и его вопросы, его родной голос. Это был диалог, диалог их душ, что слышали друг друга даже сейчас. И тут ее разговор дошёл до странного вопроса, что задал он: «А ведь ты так и не выполнила свое обещание быть счастливой без меня! Неужели я был прав и не нужно было давать тебе право выбора?»; «Нет, нет, ты не прав, я все эти годы была счастлива, с тобой…» - отвечала она; «Но ты должна найти не мое, а свое счастье. Неужели нет никого, кто тебя бы полюбил так же, как я?»; «Есть!» - вдруг поняла она… - «Есть, и он ждет меня, нет, он не просто ждет в гостинице, он ждет меня всю жизнь… Какой же я была слепой, Бари! Ты даже после смерти способен придать мне силу и смысл жизни! Я люблю тебя, мой милый друг. Как же я хочу кричать всем вокруг о тебе, о твоей кристально чистой душе, но не могу, я дала тебе слово. Я верю, что память о тебе будет вечной и люди будут помнить тебя тем, кем ты был в действительности, а не тем, кем тебя пытались показать. Царствие небесное, мой любимый, родной друг!» - и, поцеловав его, она навеки прощалась с ним и всей его семьей.

Несколько часов в небе, где облака легким саваном ползут внизу, она мысленно провела с Бари, на его вершине спокойствия и гармонии. Она чувствовала это так отчетливо, вспоминая тот год, что провела в его доме. Закрывая глаза, она чувствовала его ладонь, что так часто гладила ее по щеке, его взгляд добрых глаз, в которых отражалась целая Вселенная, глубокая и манящая.

Спускаясь с небес, она медленно, синхронно тому, как самолет снижает высоту, возвращалась к действительности. Ступив на твердую землю, Мишель подняла голову вверх, мысленно прощаясь с Бари. В этот момент капля дождя одиноко упала с неба прямо на ее щеку. Медленно, нерешительно стали появляться новые капли, усиливая этот небесный плач. Казалось, небо стеснялось своих чувств и пыталось сдержаться, но недолго. Через пять минут оно уже рыдало навзрыд, затопляя проезжую часть и создавая хаотичную беготню людей в этой странной действительности.

***

Она постучала в номер, и дверь тут же распахнулась. Матвей ждал. Каждую минуту, каждую секунду ждал ее. Она стояла, мокрая от дождя и слез, но в глазах было нечто другое. Эти огромные ярко зеленые глаза передавали такой шквал эмоций, что, казалось, тишина сейчас взорвется криком ее души. Он протянул ей руку, и она вошла. Усевшись на пуф, она не сказала ни единого слова, медленно стягивая с себя мокрый плащ. Минут пять они провели в звенящей тишине…

- Матюш, я не знаю, как мне дальше жить, – наконец произнесла она.

- Ты просишь совета? – сидя напротив нее на диване, так же тихо произнес он.

- Я прошу любви… - тихо произнесла она.

- Ее не нужно просить, - сел он перед ней на корточки, как тогда Бари, и точно также прижал ее ладонь к своей щеке и поцеловал, - Она рядом, она здесь! – и он положил ее руку себе на сердце.

Она погладила его по волосам и посмотрела в его голубые глаза.

- Почему я раньше этого не видела? - не отрываясь от его глаз, говорила она.

- Потому что не хотела видеть…

И он был прав. Все эти годы она закрывала глаза на проявление его чувств, запечатав их под грифом «дружба», она не дала ни единого шанса на их развитие. Сейчас она потихоньку

начала отпирать засовы своей души, высвобождая простые понятные и естественные чувства, что жили в ней не один год.

Их давно уже связывали чувства, большие, чем дружба, но только сейчас она смогла в этом разобраться. Только в этот мокрый от слез день ее душа наконец открылась. Матвей не спешил, давая ей медленно привыкать к нему, вроде знакомому и родному, но совершенно новому. Постепенно их неторопливая любовь стала обретать свой волшебный вид, что скрывался под завесой многолетней дружбы.

О ее тайне того полуторогодовалого отсутствия и о появлении у нее огромной суммы денег он не спрашивал. Пообещав единожды, он держал свое слово на протяжении всей их жизни.

Она же еще во время прощания пообещала Бари, что его наследство обязательно будет продолжать дело, которое он всю жизнь считал не менее значимым, чем свое творчество.

В тот самый день ее возвращения она рассказала Матвею о деньгах, что принадлежат теперь ей.

- На этой карточке несколько миллионов… Повторяюсь, я никого не убила и не украла, эти деньги действительно мои. Лишь это я могу тебе рассказать, а уж верить или нет, это твое право. Как и быть со мной или уйти…

- Я хочу быть с тобой! И я принимаю тебя такой, какая ты есть, со всеми твоими тайнами. Я знаю тебя и поэтому верю. Деньги для меня никакой роли не имеют. Распоряжайся ими, как тебе вздумается.

- Я хочу, чтобы эти деньги помогли детям-инвалидам. Не просто раздать их… нет, я хочу построить реабилитационный центр на берегу нашей реки и привлечь разных специалистов, разных культур, с разными методиками и взглядами. Я хочу дарить не только веру в исцеление, но и само исцеление. «Он всегда хотел помогать таким детям. Так пусть эти деньги продолжат его дело» - подумала про себя Мишель. - Ты со мной, Матвей?

- Я всегда с тобой!

И они, взявшись за руки, вступили в новый виток жизни, изменивший не только их, но и множество других судеб. Центр, построенный на деньги Бари, стал одним из самых востребованных в стране. Счастье, которое он приносил нашей паре, измерялось не деньгами, оно жило в сиянии детских глаз, благодарности родителей и в чувстве абсолютной уверенности в том, что они все сделали правильно. Своих детей у них не было. Возможно, поэтому большую часть времени Матвей и Мишель проводили в центре, играя и развлекая детей.

Их жизнь не была долгой, но она была счастливой. Параллельная реальность, в которой они жили, пошатнулась и исчезла ровно тогда, когда они выполнили все, что было задумано в ее голове, в ее мыслях и мечтах, что перенеслись из реальности основной жизни. Той, что течет по стволу ее древа, прямо устремляясь ввысь. И эта жизнь была абсолютно не похожа на прожитую здесь.

С того самого момента, когда, сидя на берегу реки, пятнадцатилетняя Мишель терзалась сомнениями, сбежать из дома или остаться покорным ребенком, и начинали течь две совершенно разные жизни. Одна завершила свой путь сейчас, а вот вторая – земная, ждет нас за открывшимся порталом. В него, наряду с частичками души, что сотворили весь этот мир, возвращается и наша Тень.

Глава 7. Горизонт судьбы уже виден

Теплые чувства к Бари сейчас подкреплялись не только мечтами, но и отголосками снов. Мимолетные ощущения близости родной души как-то странно отчеканивались в ее памяти. Голос, руки, его дружеское тепло оставались с ней в ускользающих видениях сна. Там Бари заботился о ней, гладил ее по волосам и нежно целовал в лоб, как ребенка. Она чувствовала его руки, ласково придерживающие ее. Она помнила его голос, что обращался к ней: «Susie… my little Susie» … Сны были так реальны, что хотелось закрыться одеялом и снова погрузиться в мир грез, где за границами сознания в невидимом для людей пространстве Вселенной и существовал этот мир.

«Если бы у меня тогда, как у Танюхи, хватило смелости сбежать, я бы точно попала на концерт и увидела его» - думала Мишель. «Но ничего. Это сейчас мы не увиделись, но впереди ведь вся жизнь! Я буду очень стараться, чтобы однажды эта встреча состоялась! Всего можно добиться упорным трудом», - считала Мишель. И она пообещала самой себе идти планомерно к великой цели, создав для себя невидимую лестницу.

Первой ступенькой в ней был язык. Знание английского должно быть в совершенстве. Второй же ступенью являлось образование, то, что поможет ей добиться успехов в жизни. Но успех не может быть без мечты, без любимого дела. И этим делом, которому она хотела посвятить свою жизнь было новое ее увлечение - создавать эскизы совершенно новой, дерзкой, но безумно красивой одежды. Не так давно возникшее в ее жизни, оно, наряду с увлечением музыкой Бари, набирало обороты. Мишель постоянно что-то рисовала. То в тетрадках, то в альбомах, а иногда и на школьных партах были запечатлены образы Бари, вперемешку с невероятными моделями. Две мечты не просто дополняли друг друга, они стали зависимыми. Получив высшее образование, она обязательно должна была стать знаменитым модельером-дизайнером, что и привело бы ее к знакомству и дружбе с кумиром. Все было логично и просто в ее пятнадцать лет.

Наивность, на грани разума, в период взросления - очень забавная вещь. Это смешно, нелепо, но в то же время чисто и по-детски прекрасно. Жаль только нельзя остановиться, застыть в этом мечтательном эпизоде жизни. Время продолжает течь.

***

И вот уже дождь сменился снегом. Зима все сильнее заявляла о себе, усыпляя природу и чувства холодным танцем вальсирующих снежинок. Но в этом покое была своя магия, своя жизнь.

Так однажды Мишель спустилась на берег и, удобно устроившись в корнях дерева, в очередной раз любовалась зимней картиной нового дня. Река, скованная льдом, теперь блистала зеркальным покрытием, а шаловливый ветер раздувал первый снег по ее глади. За поворотом петляющей реки, вдалеке, виднелась парочка, по-видимому, впервые вставшая на коньки. Они неловко скользили по этой синей глади, крепко держась за руки. Мишель смотрела на них и невольно забывала о всех своих выстроенных целях и мечтах. Мысли сейчас уносили ее не на далекий континент на краю света, а оставались здесь, добавляя лишь присутствие ее друга. Глядя на эту парочку, ей вдруг так сильно захотелось впервые надеть коньки и тоже сделать первые шаги по скользкому льду, так же крепко держаться за руки…, но не с Бари, а с Матвеем.

Почему она в этот миг так быстро отбросила мечты и последовала за обычными, как ей казалось, желаниями? Ответ прост: реальность по-прежнему шла своим чередом, и в ней было много значимого, интересного и волнующего. Да, не всё и не всегда она замечала. Поставленные цели отнимали у нее практически все время. Засыпая почти всегда в два-три часа ночи, Мишель делала все домашние задания на “отлично”, а английский еще и с перевыполнением, забегая на несколько шагов вперед. Наутро ее неизменный друг и сосед по парте списывал

домашку, что отложилось в сознании Мишель, как должный атрибут начала школьного дня. Парадоксально, но именно этот привычный распорядок внес самый главный неверный вывод, ставший одной из самых значимых ошибок ее жизни.

Могла ли она тогда почувствовать ошибку? Возможно, да, но как это часто бывает, мы не видим мелочей, поднимаясь в гору. Ломаем дрова и карабкаемся по ним, как нам кажется, вверх, а на самом деле летим кубарем вниз или стоим на месте. Очевидным это становится только спустя годы, а иногда и десятилетия.

Сколько фильмов снято, сколько попыток сделано учеными доказать параллельность будущего и прошлого. Того, что никогда не пересекается, но существует само по себе. Память – это наша дверь в прошлое, а мечта – в будущее, но никто не может разгадать настоящее. Настоящее — это время решений, время перепутий, время анализа прошлого и мыслей о будущем. Настоящее – мгновение, которое и является порталом в прошлое и будущее. Именно в настоящую секунду мы творим будущее и оставляем за собой прошлое. Теоретически это понятно каждому из нас, но практически полное осознание этого мгновения наступает только в наш последний миг, когда открывается возможность не только видеть прошлое и будущее, но и войти в него в замершем мгновении настоящего…

В пятнадцать лет анализ подобных вещей не приходит в голову. Гадания и астрология – вот все, к чему прислушиваются подростки, но никак не к своим внутренним чувствам, что только запутывают сознание. Они идут наперекор выстроенной модели развития жизни, нарисованной самим ребенком либо его родителями.

Так было и с Мишель. Нежным чувствам, что зарождались к Матвею, она не дала и попытки развиться, заглушая любой намек на их существование, не говоря уже о взаимности. Реальность для нее была такова – она страшненькая, нескладная дылда с оттопыренными ушами. Разве можно полюбить такую, когда вокруг столько хорошеньких и красивых девчонок. В этой реальности было место только Джоанне – вымышленной подружке. Вроде бы это всего лишь роль, но ее роль. В ней она не стеснялась ничего, могла быть собой и радоваться жизни. Ей не нужно было быть красоткой, достаточно было быть в компании, дурачиться и веселиться, как все, закрашивая свои белые перья в цвет толпы.

На этом она и остановилась. Последние два школьных года были проведены в роли Джоанны. Джоанной она была в стенах школы, а Мишель же была заточена дома все той же белой вороной, любящей поп идолов и рисующей эскизы одежды.

Фраза: «Вся наша жизнь – игра!» была для Мишель не только ассоциацией с игрой «Что? Где? Когда?», она стала и отражением ее настоящего. Правда, где была игра, а где реальность, узнала она лишь спустя годы, смело заглянув в прошлое с открытым сердцем, избавившись от всех предубеждений. Одна лишь Тень знала все, плавно перемещаясь вслед за Мишель, в этом ускользающем настоящем. Она понимала, что в пятнадцать лет не разобраться с причинами дикого стука сердца, от которого перехватывает дыхание при том или ином событии. Тем более, событий в эти годы было огромное количество…

При всем умении Мишель концентрироваться на целях и путях их достижения, с четко расписанными планами, иногда в жизни возникали события, не подконтрольные ей. И все летело в тартарары.

Так безобидная игра в парочку в какой-то момент развязала ей как руки, так и сердце, незаметно раскрепощая ее. Она позволила себе быть более смелой: открытый взгляд, расправленные плечи и свободные движения творили чудеса. На глазах она превращалась из неприглядного подростка в очаровательную девушку, способную покорить не только добрым и открытым сердцем, но и красотой. Девчонки начали ее сторониться, боясь за своих парней. Мальчишки начали заигрывать, переходя от детских игр с дерганьем косичек в игры посерьезней.

Так однажды на уроке математики, учительница, разбирая тему, начала по очереди вызывать всех к доске. Новая тема далась не всем и, отчаявшись, учительница прибегла к четверке самых успевающих детей, среди которых была и Мишель.

- Мишель, к доске! Разберем понятие корня n-й степени из действительного числа.

И только Мишель настроилась встать со стула, как почувствовала на своей спине ловкое движение рук Арсения, сидевшего за партой позади нее.

Щелчок и тихое хихиканье раздалось сзади во всем классе. Лифчик был расстегнут. Развернувшись, стиснув зубы, Мишель пригрозила кулаком Арсену, но гордо пошла к доске, (ей повезло, что в пятнадцать лет размер ее груди позволил оставить внешне незаметным этот конфуз под школьной формой).

На перемене не сдерживаясь, она обратила свой гнев на Арсения, чему он был очень рад. «Наконец-то я в поле ее зрения, а значит, шансы у меня еще есть», - думал он. Подобными шутками Арсений злил, но и выделялся среди других. Наблюдательность и тактика выжидания сработали. Она его видит, он больше не невидимка в ее глазах. Но нужно закрепить это все. «Думай, думай» - искал решение Арсений. И вскоре шанс ему выпал.

С наступлением зимы всегда ощущалось какое-то перерождение чувств. Снежная, холодная, она привносила в жизнь детей радость, а не стужу. Белые горы снега вызывали озорство и восторг. Сугробы размером в полтора - два метра росли на глазах. В тот день пушистые хлопья кружили за окном класса, добавляя сугробам объема и отвлекая учеников от уроков. Хотелось побыстрее на улицу, дурачиться и наслаждаться этими снежными облаками. Но прозвенел звонок на урок. Все расселись на свои места. Дверь раскрылась, и вошла классная руководительница:

- Садитесь, дети. Урока географии не будет. Посидите тихо. Делайте пока домашнюю работу. Вы уже большие, думаю не нужно объяснять, что сидеть нужно тише воды, ниже травы. Не мешайте другим! Я на вас рассчитываю!

- Да, конечно, мы будем тише воды, – довольно отвечали в классе.

И как только дверь закрылась, шепот восторга накрыл класс.

Мишель, как и все, ходила по классу, обсуждая что-то с одноклассницами. Мальчишки в это время решили открыть окно. Загребая втихушку с подоконника снег, они наделали кучу снежков и принялись обстреливать ими всех вокруг. Началось дикое веселье. Ребята и девчонки бегали между парт, перекидываясь снежками и засовывая их друг другу за шиворот. Смех, тихий визг накрыли весь класс. Веселье зашкаливало. И тут кому-то из мальчишек пришла идея - спрыгнуть со второго этажа в сугроб. Девчонки призывали одуматься, но поздно… процесс был запущен. Все устремились к окну. Внизу по пояс в сугробе стоял восторженный первопроходец, за ним последовали следующие безумные одноклассники. Мишель, как и все девочки, взывала к сознанию безумцев, но тут вдруг сильные руки Арсения ее подхватили, и он с ней на руках запрыгнул на подоконник… Все замерли. Сопротивление и попытки освободиться из его рук были тщетны. Доля секунды - и он с ней выпрыгнул из окна.

Провалившись в рыхлый снег, Мишель сразу набросилась на него с кулаками и ругательствами. Желание навалять этому приколисту было огромным, но это его только веселило. Он видел в ее глазах огонь и теперь был полностью уверен в своей победе. В ее же голове хоть эмоции и сменяли одна другую, но всплеск адреналина невозможно было унять. Это было здорово! Такой прилив чувств было не скрыть. Вернувшись в класс, Мишель не сдерживалась и, смеясь, задала Арсению трепку. Они бегали по классу, заряжая всех весельем. Смех, снежки, шутки захлестнули волной позитива весь класс, обойдя стороной лишь одного. Во всей этой суматохе Мишель и не заметила, что Матвей оставался серьезным. Она не придала должного внимания его настроению, приглушенная собственной волной чувств и эмоций.

А Матвей, глядя на все происходящее со стороны, делал свои выводы, укрепляя комплексы, о которых Мишель и не догадывалась. Его небольшой рост уже давно стал основной

преградой между ними, считал он. «Недаром нас окрестили Джоанна и Кри-кри!» - думал Матвей, - «Мелкий шкодный парнишка рядом с высокой яркой девушкой». Такова была его реальность. Заблуждение каждого из них, как две капли, были похожи. Они оба считали себя недостойным кандидатом на роль реального спутника. Такие близкие по духу и открытые во всем эти двое не знали главного, не видели, что лежит на поверхности их чувств. Найдя способ быть рядом, они прикрывались своей ролью и наслаждались каждой проведенной вместе минутой.

Придуманная роль парочки спасала не только ее, но и его. Признаваться в симпатии никому не нужно, ее наличие не скрывалось. Наоборот, она всецело проявлялась, но благодаря выстроенному образу никем не воспринималась в серьез.

Они заигрались настолько, что не поняли, как и когда игра переросла в чувства. Сначала это была привязанность, а потом и ревность. Причины, почему они у них возникали, не подпадали под анализ, скорее, наоборот, любая подобная мысль изгонялась моментально, без шансов на развитие. Само убеждение в том, что это дружба, настоящая, неподдельная, оправдывало все. Страх потери друга подкреплял запрет анализа новых чувств.

Но в этот день Матвей шел домой один, обдумывая свои чувства, прислушиваясь к ощущениям… Ревность заполнила его сознание настолько, что все блоки полетели к чертям. Он ревновал и отчетливо это понимал. Перед глазами стояла картина произошедшего: она на руках этого второгодника. Сопротивляется, держится одной рукой за ручку окна, а в момент падения вцепляется в него. И вот они лежат в сугробе в обнимку… «Он, а не я ее обнимаю. От его выходки она потрясена, а не от меня. Я всего лишь «Друг». “Глупый, какой же я глупый, но почему так больно… Как мне дальше с ней говорить, смотреть на нее, сидеть за одной партой. Нет, надо перебороть себя и не подавать вида. Она не должна догадываться, иначе я потеряю ее доверие и любовь, пусть дружескую, но любовь. А может, ну ее, эту дружбу? Выброшу ее из головы и все! Вокруг столько девчонок, бери не хочу, а я влюбился в самую недоступную для меня… ВЛЮБИЛСЯ?!… Неужели и правда, я влюбился? Нет, не может быть. А может – да?! Я ведь не ревную ни одну девчонку из нашей компании. Только глядя на нее, испытываю жуткую ревность и желание вломить любому, кто к ней прикоснется… Сколько можно врать самому себе, ты любишь ее, Матвей, любишь…» - кричал он сам себе в мыслях, и не заметил, как зашел домой.

- Привет, мам, я дома.

- Ты сегодня рано, уроки отменили?

- Да, но я не хочу об этом говорить, мне нужно делать домашку.

- Неужели, я дожила, что мой мальчик без напоминаний садиться за уроки? – усмехнулась мама, -Рассказывай, что случилось?

- Ничего не случилось, просто много задали, боюсь не успеть.

И он пошел к себе. Раскрыл учебники и с максимальным усердием стал выполнять каждое домашнее задание, лишь бы отогнать от себя навязчивые мысли.

Мишель же не разглядела этой бури в его глазах. В ответ на ее беспокойства по поводу поникшего настроения он не зародил в ней сомнений:

- Живот болит сегодня, мне не до чего. Веселитесь, а я пораньше сегодня домой отпрошусь, – ответил он ей.

- Если сильно болит, может, я схожу, попрошу таблетку в учительской?

- Нет, не ходи, я лучше отпрошусь домой, – лукаво подмигнул он ей.

- Точно все нормально?

- Точно!

И на этом ее настороженность в тот день стихла. Наутро, она, как обычно, выложила домашнюю работу, чтобы ее сосед по парте успел до звонка списать, но, к ее удивлению, он отказался:

- Мишель, я и сам могу, не маленький!

- Грубо, но в принципе я рада, что ты взялся за ум! – улыбнулась она.

Странное начало дня подкрепилось холодком и в течение всего дня. Ни шуточек на переменах, ни просьб на уроках, ни привычного похода домой под ручку и дружеского поцелуя еле касаемых губ перед расставанием. Ничего того родного, необходимого не было весь день. Грусть и чувство вины накрыло ее с головой. Не найдя ответа, на следующий день она не выдержала и начала свой привычный натиск в стиле Джоанны:

- Что случилось с моим Кри-кри? Почему мы надули губки? – смеясь, подталкивала она его локтем за партой, пытаясь вытащить своего друга из панциря.

- Не лезь старушка, я в печали, – с улыбкой подыграл он ей.

Увидев в его глазах озорной огонек, она успокоилась. «Возможно, просто вчера был не наш день», - подумала она.

Он же, всеми силами контролировал себя и не выдавая настоящих чувств, наблюдал за ней и своим новым соперником. К его удивлению, ничего не происходило. В ней ничего не изменилось, никаких искр и тайных намеков между этими двумя не было. Она с той же теплотой стремилась быть с ним, а не с Арсением. Воспоминание о той выходке вызывало у нее смех, а не трепет. Это его очень радовало, можно было расслабиться: «Все осталось по-прежнему… Нет, не осталось!!!… Сколько можно врать себе? Она не просто друг. Но что я могу сделать? Не я ей нужен, как парень. Я нужен только, как друг! Может, рассказать ей все?.. Да брось, глупее идеи и придумать нельзя! Узнав о твоих чувствах, ты напугаешь ее, и вся дружба испарится. Хочешь потерять ее навсегда? Она никогда уже не возьмет тебя за руку, никогда не обнимет, не поцелует тебя своими нежными губами, пусть даже в щечку или чмоком, но в губы!!! А это дано не каждому! Арсения она не подпускает в ряды таких друзей!» - метался в своих мыслях Матвей.

Так и не придя к окончательному решению, Матвей решил оставить пока все, как есть, и не надеяться на большее. Одно он теперь знал точно: его чувства не просто дружба, он любит ее и сделает все, чтобы защитить и оградить ее от чего-либо или кого-либо.

А время шло, учебный год в десятом классе подходил к концу, ничего не менялось, ни у Мишель, ни у ее доброго друга. Продвижений и у Арсения почти не было, торжествовал он рано в тот зимний день. Его попытки уединения во время совместного дежурства в классе после уроков тоже не приносили результатов, лишь разбитые окна – причем, в прямом смысле этого слова.

А было это так… Из-за болезни того или иного ученика дежурства в классе переносились не по партам, а с учетом сидевших друг за другом учеников. Так, волей случая, Мишель попала в дежурство с Арсением. Его восторгу не было предела, в отличие от нее. Сопротивляться было бесполезно. После последнего урока Мишель принялась за работу: мыть доску, переворачивать стулья. Арсений же после того, как принес воду для мытья полов, предался воспоминаниям о прыжке в сугроб. Он раскрыл настежь то самое окно, по-видимому, чтобы освежить ее память и повеселить, но реакция Мишель оказалась иной. Ее это только разозлило, и она сильным толчком захлопнула окно. От удара стекло вылетело и с дребезгом засыпало осколками весь класс. Сбежались учителя, ученики, все охали и ахали, расспрашивая о случившемся. В итоге, выговор им обоим был обеспечен. Родителям пришлось покупать стекло и вставлять в раму. Неприятный осадок от этой уборки остался у нее надолго. Причина была не только в том, что пришлось убирать стекло, выслушивать от учителей и родителей нотации, но в большей степени из-за того, что почти все в классе считали, что между ней и Арсеном тогда что-то произошло. Одноклассники еще помнили событие того снежного дня, с этим самым окном, через которое пару месяцев назад они вылетели в сугроб. Но ее успокаивало главное – ее верный и добрый друг не был из числа этих сплетников и верил ей, а не домыслам окружающих. А это было главным. Ведь только он, единственный во всей школе, да и вообще во всем ее реальном

окружении, имел значение. Только его мнение волновало ее. Только он дарил ей радость этих школьных лет. Не хватало ей лишь этого самого понимания.

Плохо это или хорошо - иметь в пятнадцать лет затуманенное грезами о недосягаемом поп-идоле сознание - неизвестно. С одной стороны, девочка дольше остается чиста душой и телом. С другой, она оторвана от реальности и не способна воспринимать происходящее с должным вниманием, как все ее сверстники. Многие ее одноклассницы в эти годы гуляли с парнями, влюблялись и даже беременели, но для нее это все было чем-то нереальным. Вбитое в голову собственное уродство не позволяло верить в правдивость чувств противоположного пола. Любой намек на симпатию к ней она разделяла на два варианта: первое – насмешка (если идет речь о хулиганистых парнях), второе – дружеское участие, если парень в ее глазах был воспитанным и приятным, третьего же не дано. Так она считала лет до шестнадцати, пока не столкнулась лоб в лоб с этим самым третьим вариантом.

А случилось это осенью ее последнего школьного года, в одну из поездок к старшему брату. К слову сказать, вера в дружескую любовь подпитывалась именно братской любовью, ведь тоска по нему жила в ней с самого детства. Он был старше ее на тринадцать лет и естественно, все свое сознательное детство и школьные годы Мишель росла вдали от него. Как и вся молодежь поселка, брат в свое время после школы устремился в город. Поступил в институт. Приезжал он сначала два раза в год на каникулы, а после окончания стал появляться еще реже. Мишель очень не хватало Павла. Наверное, поэтому дружба с противоположным полом для нее была возможна и даже необходима. В ней она не искала намеков, как другие девочки, она просто искренне общалась с парнями как с братом.

Павел уже давно был женат и жил со своей женой Любой в небольшом городке соседней области. Для Мишель, всю жизнь обожающей своего брата, каждая их встреча была долгожданной. Что его приезд домой, что поездки с родителями к нему в гости всегда были для нее праздником. Так и эта поездка с родителями на ноябрьские праздники к брату не стала исключением. В приподнятом настроении она сидела за праздничным столом, в окружении родителей, брата с женой и ее родственниками. Счастливая и довольная, она открыто общалась со своим шурином (братом снохи) - Борисом, который тоже был старше ее, но незначительно. Борис пришел на ужин со своей девушкой Кристиной, с которой Мишель очень быстро нашла общий язык, сойдясь на увлечении Бари Рекстоном. После ужина эта парочка планировала развлечься на местной дискотеке в компании еще одного их друга – Антона.

- Пойдем с нами на дискотеку, – предложил Борис.

- Я, конечно, люблю танцевать, но боюсь, меня не отпустят, – покосившись на маму, ответила Мишель

- Отпустят, не переживай, – уверенно сказал Борис.

- Татьяна Ивановна, можно мы Мишель возьмем с собой на дискотеку? Ручаюсь, с ней ничего не случится, отвечаю головой! – обратился Борис к маме Мишель.

- Не уверена, что стоит отпускать, но если она сама хочет, тогда берите под свою ответственность!

- Мам, спасибо! – и она расцеловала маму в полете на выход.

У подъезда уже ждал Антон. Симпатичный, высокий, хорошо сложенный парень.

- Антон, – протягивая руку Мишель, произнес он.

- Мишель, – смущенно пожала его руку Мишель.

И сойдясь парочками, наша компания направилась на дискотеку. Веселая, зажигательная музыка быстро улетучила все смущение. Восторг от всего нового, от музыки, от медляков, которые здесь она не пропускала, в отличие от домашней дискотеки, заполонил все ее существо. Глаза сияли, сердце стучало, а все ее молодое тело без остатка отдавалось музыке. Нежные объятья партнера в танце заставляли ее трепетать, но и сейчас она списывала захлестнувшие чувства на новое место и стеснение перед незнакомцем.

Как бы ей не хотелось продлить это счастье, но дискотека закончилась, и их четверка отправилась назад. Дойдя до подъезда, все начали заходить, но Антон взял Мишель за руку и остановил.

- Вы поднимайтесь, мы сейчас, – сказал Антон Боре с его девушкой, отправляя их вперед.

Мишель стояла перед ним с немым вопросом и недоумением. Образовалась неловкая пауза. Он так и не отпустил ее руку, и ей стало неловко, так как у Мишель при волнении всегда потели ладони, и она залилась краской.

- Можно я тебя поцелую? - спросил Антон.

- Можно… - тихо ответила Мишель, ожидая привычный дружеский чмок.

Но вместо привычного невинного прикосновения губ, она почувствовала сначала натиск его тела, заключающего ее в крепкие плотные объятия, из которых невозможно высвободиться. А затем его губы мягко прикоснувшись к ее, нежно заставили приоткрыться ее ротику, и они слились в поцелуе… Не имея ни единого представления, что такое настоящий поцелуй, она, опомнившись, оттолкнула его и бегом побежала вверх по лестнице, обогнав Борю и его девушку…

Забежав домой, она закрылась в туалете и долго не могла себя заставить выйти. Все ее тело тряслось. Ноги подкашивались. Она как будто опьянела в одно мгновение. Про речь Мишель вообще боялась даже подумать: «Как я сейчас выйду, еле на ногах стою, трясусь, да еще и слова сказать не смогу. Дыхание перехватило так, что голос пропал напрочь. Мама сразу поймет неладное…»

И тут Боря постучал:

- Мишель, прости меня, что я недоглядел за этим засранцем! Я с ним поговорю. Получит он у меня!

И тут дверь раскрылась. Мишель еле слышно попросила незаметно провести ее на кухню. Ребята тут же пришли ей на помощь и проводили.

- Что с тобой? Что он сделал? – перебивали друг друга Борис с Кристиной.

- Ничего… Не нужно его ни за что наказывать, все в порядке. Я просто запнулась и очень сильно ударилась ногой, что от боли потеряла дар речи, – попыталась соврать Мишель.

- Бежала ты по лестнице шустро с больной ногой! – усмехнулась Кристина.

- Не напирай! - фыркнул на нее Боря.

- Я устала, - тихо сказала Мишель.

- Отдыхай, и еще раз прости за Антоху. Он нормальный пацан, но я все равно с ним поговорю!

От этого ей стало еще хуже, но сил даже для мыслей не было. Мишель была настолько истощена, что в самом деле еле-еле дошла до ванной комнаты и ушла спать.

Вернувшись домой, Мишель распирало поделиться своими яркими впечатлениями, но с кем? «Для таких разговоров нужна подруга, а их у нее не было. Дружба с девочками осталась в далеком прошлом. Детская дружба с Таней закончилась трагедией, школьная дружба с Полиной не успела и развиться, другим же девочкам Мишель не доверяла и общалась лишь по-приятельски. В ее жизни был лишь один друг, и он был мальчик. На мгновение она представила себе момент откровения: «…Матюш, я первый раз в жизни поцеловалась!»

А он мне: «Ой, расскажи, какой он, давай подробности!» … И она мысленно рассмеялась. «Ну конечно же, нет! Он покрутит у виска и осудит меня за безрассудство. «Как можно первый поцелуй подарить незнакомцу?! Ты дура!» — вот что он мне скажет, и будет прав! Пора заводить дневник…» - заключила в своих мыслях Мишель.

Увидев в школе Матвея, ей почему-то стало безумно стыдно. Даже посмотреть на него она боялась. Казалось, он сразу все прочтет в глазах и осудит.

И она была права. Матвей все прочел: стыд, смущение, стеснение, но причины ему были неведомы, поэтому умозаключение получилось совсем иным, нежели в ее голове. Он был рад,

очень рад. Ведь впервые за все их знакомство, она при виде его заливалась румянцем, а это значит у нее к нему чувства, самые настоящие, те, о которых он и мечтать не мог. “Неужели правда, я не просто друг?!” - и мурашки побежали по его телу. Ему так хотелось поцеловать ее в этот момент, не по-дружески, а по-настоящему. Он парил в облаках и не видел никого, кроме нее. Они смотрели друг на друга и, оба на грани эмоционального срыва, покраснели и онемели.

- Вы отлично вжились в роль! – захохотала проходящая мимо Ивлева.

- Иди нафиг! – вырвавшись из оцепенения, рявкнул Матвей.

И тут прозвенел звонок на урок. Они сели за парту и снова взглянули друг на друга, не сказав не слова. Потом она грустно опустила глаза и притронулась к его длинным красивым пальцам.

- У тебя очень красивые руки! – она взяла его за руку. И сразу ей стало так спокойно, как будто гора свалилась с ее плеч. «Он не осудил, он самый добрый и самый лучший, с ним не нужны слова!»

- Ну хоть что-то у меня красивое! – пошутил он.

- Напрашиваешься на комплименты, мой Кри-кри! – тихо засмеялась Мишель.

И им обоим стало так хорошо, что слова были лишними. Да и обращать внимание учителя на себя им обоим не хотелось – к этому уроку они не были готовы оба.

Снова наступили славные времена. Веселье после уроков, проводы до дома под ручку. Оба актера были счастливы в своей ролевой парочке. Вот только нарастающее напряжение перед итоговыми экзаменами и грядущее поступление в ВУЗы меняли привычные беззаботные темы разговора.

Выбор ВУЗов и профессий стали основной темой. Да и как по-другому – дети подошли к перепутью судьбы.

У Матвея все было более или менее стабильно – он, как и все остальные в их классе, выбрал областной центр для поступления в институт. Профессия, как и сам ВУЗ были намечены. Но вот она…

Все свои школьные годы Мишель хотела жить рядом с братом. Сблизиться с ним, видеть его не пару раз в год, а в любое время. Единственным способом превратить желаемое в действительное был последовать примеру Павла и поступить в тот же город, где когда-то учился он.

- А как же я? Как мы? – ужаснулся Матвей, впервые услышав от нее такой расклад. В его голове все перепуталось. Он полностью потерялся.

- Зачем тебе этот далекий город? – сопротивлялся и негодовал он.

- В его пригороде живет мой брат, а я всю жизнь мечтала жить с ним рядом! – спокойно объясняла она.

Но тут она встретилась с его взглядом. Он был зол, очень зол. Ее назойливая мечта впервые предстала перед ней «палкой о двух концах». Мечта – разлучница. Она впервые осознала, что каждый из выбранных вариантов заканчивался потерей.

- А поехали со мной? – нашла выход она.

- Нет, я не могу… У нас вроде есть там какие-то родственники дальние, но это не вариант, – грустно ответил Матвей.

- Ладно, еще есть время, подумаем. Сейчас главное - сдать экзамены. Я так боюсь, ты не представляешь! – попыталась увильнуть Мишель и спрятаться от этого болезненного выбора.

Долгое время к этому вопросу они не возвращались, заботясь о настоящем и наслаждаясь каждым проведенным днем вместе.

Глава 8. Выпускной

Школьные экзамены сданы. Впереди самое волнующее и долгожданное событие - выпускной бал.

Весь день Мишель не находила себе места. Ей так хотелось в этот волшебный вечер быть красивой, танцевать и веселиться. Она уже не хотела стоять в сторонке во время медляков. Она должна блистать и привлекать внимание. И не кого угодно, а его, своего верного друга. Он был самым желанным партнером для медленных танцев. К этому времени Мишель уже догадывалась о комплексах Матвея по поводу роста. И в этот раз она подготовилась как надо. В отличие от всех своих одноклассниц, она выбрала абсолютно плоские лодочки без каблуков. Платье, сшитое на заказ, подчеркивало все ее тонкие черты, в особенности талию и сглаживало широкие плечи и круглые бедра. Маленькое зеленое платьице было сшито по ее эскизу. В нем она казалась гораздо меньше и миниатюрней, чем обычно. Но для официальной части вечера был строгий костюм, хотя и романтичного, облачно-фиолетового цвета. В нем она и вышла из дома, полная надежд и веры в самое светлое и счастливое будущее.

Подходя к классу, Мишель сразу отыскала Матвея в толпе одноклассников. Он был в черном костюме с широкими плечами и белой рубашке с голубым галстуком. Мишель подошла к нему и приветственным поцелуем они чмокнули друг друга в губы. Тут же отвесив комплименты:

- Отлично выглядишь! – рассмеялись они от синхронно произнесенной фразы.

Вдали показался Арсений, точно в таком же наряде, как и Матвей, разве что галстук был темнее. Зацепив ее взглядом, он приветливо помахал и улыбнулся. Мишель ответила тем же.

Всех начали выстраивать для общего фото с учителями. По привычке Мишель встала во второй ряд, где обычно стояли мальчишки и самые высокие девочки. Она протиснулась к Матвею и замерла в ожидании, но фотограф начал выстраивать всех по-своему. Как оказалось, Мишель была единственная девочка без каблуков. Все остальные выросли, как минимум, на шесть сантиметров, и ее неожиданно поставили в первый ряд. За спиной она почувствовала какую-то возню. Как оказалось потом — это Арсений пробирался в центр, поближе к ней и, вытянувшись в струнку, стал выглядеть на фото гораздо выше Мишель (хотя он был ненамного выше Матвея). Матвей тоже не уступал и тянулся как мог. В итоге на фото на первом плане запечатлены красивые грациозные одноклассницы и она, скрывающая свой рост, скрюченная Мишель. А на заднем плане по обе стороны от нее виднелись два “орла”, гордо тянущихся ввысь. Цель была достигнута - на фото она ниже своих “орлов” на целую голову.

Наснимавшись вдоволь, самые фотогеничные девочки остались в памяти всего класса. Матвей, как всеобщий любимчик, тоже был в кадре то с одной, то с другой. Мишель же, считая себя страшной и жутко нефотогеничной, избегала эти мероприятия. Переждав фотосессию в пустом классе, она не спеша побрела в актовый зал, морально готовясь к официальной части. Вручение аттестатов было для нее самым тяжелым и грустным моментом этого вечера. Все последние годы она шла почти в ногу с отличниками и претендовала на серебряную медаль, но на последнем экзамене получив четверку - срезалась. Слез пролилось целое море, и сейчас она всеми силами пыталась взять всю волю в кулак, чтобы никто не заметил этих переживаний. Один лишь Матвей знал обо всем и, подойдя, приобнял ее за плечи:

- Держись, ты сильная!

- Да, я справлюсь! – сказала вслух Мишель, а про себя подумала, что слез может не сдержать. Тем более, они уже пролились буквально десять минут назад в пустом классе, где она сидела одна и упорно занималась аутотренингом.

Весь вечер вокруг себя она периодически слышала ехидные смешки одноклассниц, злорадствовавших ее провалу с медалью. «Да подавитесь вы своими медалями… Идите вы лесом,

злыдни. Хорошо, что я не поступаю с вами в один город! Скорее бы уже уехать и не слышать ваших насмешек» - от обиды ругалась про себя Мишель.

Вряд ли она здраво оценивала все, что происходило тогда. Да, злорадство некоторых ее одноклассниц убивало ее, но ведь это и делало ее сильнее. Не будь этих уроков, ей не натренировать свою выдержку, что ни раз еще спасет в будущем. В эти моменты формировался тот самый стальной стержень, что так часто поддерживал на первый взгляд мягкий и слабый характер Мишель. Правда, сейчас она об этом не задумывалась, в душе была одна обида, злость и боль.

По длинному коридору ведущему в актовый зал Матвей и Мишель шли молча. Он знал, что нужен ей в этот не простой для нее момент и не отходил. Вместе протиснувшись в центр второго ряда скамеек, предназначенных для выпускников, они уселись, как обычно, рядом. Все эмоции потихоньку стали утихать. Рядом с ним ей становилось спокойно. Торжественная часть была открыта. Началось вручение аттестатов и медалей. Вручение происходило «снизу»: сначала троечникам, потом ударникам, а затем и вручение аттестата отличникам и медали. Мишель оказалась на границе последних и трогательная речь директора, с элементами поддержки и напутствия чуть не выбила ее из равновесия, но она выдержала и, пожав руку директора, приняла аттестат. Благодарственно улыбнулась и пошла к своему месту.

И тут сразу после нее вызвали одну из тех злорадствующих учениц, что еще час назад портила ее кровь своими издевательскими намеками и смешками. Мишель не смогла сдержаться. Проходя мимо, она немного замешкалась перед проходом в свой ряд и, как будто запнувшись, подставила ногу выходящей однокласснице. Грациозно, с явным удовольствием своего превосходства над ней, одноклассница, протискивалась ей на встречу. Гордо и повелевающе она держала свой носик так высоко, что плоскость земли в ее поле зрения не входила. И тут она споткнулась и с грохотом свалилась в проход к лестнице, сломав при этом один из высоченных каблуков, благодаря которым она сегодня должна была чувствовать себя настоящей моделью.

- Ты!.. – злобно прошипела она, поворачиваясь к Мишель.

- Ой, извини, я не специально! – не сдерживаясь от смеха, произнесла Мишель.

- Это и есть твой момент славы – все взоры обращены к тебе, как ты этого и хотела! – добавила она шепотом, не переставая смеяться.

Дойдя до своего места, она услышана нежданный упрек:

- Зачем ты так? Пусть они злобствуют, но ты-то не такая. «Ты опустилась до их уровня!» — грустно сказал Матвей.

Мишель стало так стыдно… Нет, не перед одноклассницей, что вся красная от злобы, через силу улыбаясь, сейчас стояла на сцене со сломанным каблуком, еле удерживая равновесие. Ей было стыдно перед ним, своим единственным другом. Она не могла простить себе, что упала в его глазах. В этот момент ни медали, ни «злыдни» не имели никакого значения. Одна лишь горечь и грусть заполнили ее сердце. Ради его одобрения сейчас она готова была на все.

- Хочешь, я встану и публично попрошу у нее прощения? – смотря на него глазами, полными слез, тихо сказала она.

- Нет! И возьми платок, у тебя, как у Скарлет из «Унесенных ветром», вечно нет платка в такие моменты, – он протянул ей платок, и она вытерла уже бегущие по щекам слезы.

- Не злись на меня, Матюш, пожалуйста, мне без того сегодня плохо…

- Я понимаю и готов тебя поддерживать, но зачем же опускаться до такого?

- Они меня достали, и я разозлилась, - фыркнула Мишель, - И вообще я не чувствую вины за этот поступок, только перед тобой я виновата.

- В чем? – удивился Матвей.

- Как в чем? В том, что разочаровала тебя!

- Тебя реально заботит только мое мнение?

- Да!

- Вот это поворот! – рассмеялся Матвей.

- Что ты ржешь? Довел меня до слез, а теперь ржет! - и она подтолкнула его плечом. От неожиданности он тоже столкнулся с рядом сидевшим Максом.

- Ну, хватит вам уже! – буркнул на них Максим.

И они оба начали безудержно смеяться, привлекая к себе все внимание зала и директора, который в это время зачитывал свою напутственную речь той самой однокласснице.

- Ребята, я понимаю, что вы рады полученным аттестатам, но прошу уважения и к другим! – приструнил их директор.

Мишель и Матвей сжались от смеха и притихли, временами поглядывая друг на друга и смеясь уже втихушку. Вручение аттестата этой особе они испортили, но это их абсолютно не волновало. Им было, как всегда, хорошо: хорошо быть вместе, хорошо просто сидеть, плечо к плечу, и смеяться над глупостями.

После официальной части желающих переодеться отпустили домой. Мишель помчалась скидывать «шкурку жабы» и превращаться, может, и не в Премудрую, но точно в прекрасную Мишель! Облачившись в СВОЕ во всех отношениях платьице, она вернулась обратно.

Перед школой собралась толпа народу. Подтянулась практически вся молодежь поселка. Каждый год выпускной — это событие, которое отмечают все, у кого есть желание и возможности веселиться и «гудеть» всю ночь. Музыка лилась из открытых окон школы, гул общения стоял повсюду. Смех и счастливые возгласы раздавались то здесь, то там. Мишель шла сквозь толпу и пыталась разыскать своего настоящего и единственного друга. И тут в толпе ее кто-то приобнял за талию и прошептал на ухо: «Ты не меня ищешь?», она вздрогнула и высвободившись из этих рук обернулась, но он исчез в толпе так же, как и появился. До боли знакомый голос, от которого все тело покрылось мурашками, а ноги подкосились, загнал ее в ступор. Мгновение она стояла в центре толпы онемевшая. Придя в себя, быстрым шагом, потом бегом она помчалась в актовый зал. По пути ее окрикнула одноклассница и позвала в столовую, где требовалась помощь при накрытии столов для банкета. «Слава Богу!» - подумала Мишель, «Здесь точно можно скрыться от него… Откуда он вообще взялся? А может, мне показалось, просто в толпе кто-то обознался, а мне из-за громкой музыки почудился его голос. Да, точно - показалось. Он не может быть на выпускном! Его нет в поселке! Он сейчас далеко! Это все моя больная фантазия!» Немного выдохнув, Мишель успокоила себя данным умозаключением.

- Ого, привет, моя Мишель! – заценив новый наряд, покружил ее перед собой подошедший к ней Матвей.

- Нравится? – с нетерпением спросила она.

- Очень! Тебя просто не узнать!

- Да, похоже, ты прав. Меня не узнают в этом наряде, — многозначительно и задумчиво произнесла она.

- Уже кто-то перепутал? - насторожился Матвей.

- Да, но я не увидела в толпе, кто это был. Видимо, он быстро понял подлог! – улыбнулась она.

- Как накроете стол, свистни. А я пока выйду на воздух.

- Ты куда?

- Просто подышу и на дискотеку загляну.

- Хорошо, я найду тебя.

- От тебя не спрячешься! – засмеялся он ей в ответ.

- То есть, уже надоела?

- Ты?.. Ну нет, с тобой я готов проводить все время, ты же и сама знаешь, – мило подмигнул он ей.

- Ладно, иди, подхалим, – выталкивая его, произнесла Мишель.

Совсем забыв про недавнее столкновение, после помощи в столовой она направилась на дискотеку. Все ее одноклассники уже отжигали там. Матвея среди них не было. Но Мишель не волновалась, а просто растворилась в музыке и наслаждалась весельем, отрываясь по полной.

Вскоре всех выпускников позвали в столовую. Мишель начала искать Матвея в толпе, но безуспешно. Она пошла на улицу, но и там его не было. Заглянула за школу - нет. Тогда она принялась расспрашивать всех, с кем он мог, по ее мнению, недавно быть. Но никто его не видел. «Ну, что за неуловимый у меня друг, куда опять он исчез?», и Мишель снова вернулась в столовую, в надежде, что они разминулись, и он уже за столом. Но и там его не было. Когда она направилась было на выход для дальнейших поисков, родители ее развернули и усадили за стол. Она начинала нервничать. Быстро перекусив, при первом удобном случае Мишель улизнула и снова принялась за обход школы. Настроения веселиться не было, все попытки одноклассников утащить ее на дискотеку оставались тщетны.

Мишель вышла во двор школы и принялась оглядываться по сторонам. Не найдя его, она уже собралась вернуться назад, как вдруг краем глаза за школьным забором на улице, она наткнулась на силуэт своего неуловимого друга. Матвей шел, в сторону школы в компании нескольких одноклассников. Как ей показалось, он был избит и шел с усилием. Завидя ее, он что-то сказал своим попутчикам и они, оставив его, направились к Мишель, которая уже летела к ним навстречу. Однако друзья быстро перехватили ее и начали расспрашивать про столовую, родителей и другие глупости. Только она не слышала ничего.

- Что с ним? Он подрался? Да, отпустите же вы меня! - и она хотела вырваться из схвативших ее под руки друзей.

- Все нормально. Сейчас Матвей придет. Пойдем пока потанцуем! – и они почти силой уволокли ее назад в школу. Она же, прекратив сопротивление, обернувшись, погрозила ему кулаком. Он все понял, улыбнулся и присел на школьную скамейку.

«Получишь еще у меня, только подойди ко мне!» - бурчала про себя Мишель. И завидев его, входящим в актовый зал, пошла танцевать, надев при этом маску безмятежности и равнодушия. Матвей приблизился к ней и тоже начал танцевать, искоса поглядывая на нее. Он видел, как вздымаются ее ноздри от негодования и надуты губы от обиды, и что скоро она сорвется, скинув свое поддельное равнодушие.

- Пойдем! – взяв ее за руку, он увел ее на второй этаж, где почти никого не было.

- Не молчи! Я же вижу, ты готова наброситься на меня. Злишься?

- Злюсь, – остановилась она, - Очень злюсь. Куда ты пропал? Я обыскала каждый уголок школы. С кем ты подрался?

- С чего ты взяла, что я подрался?

- Я вижу, ты весь помятый. И не пытайся мне врать, я все вижу! – глядя ему прямо в глаза, грубо сказала она.

- Мишель, я не хочу об этом говорить, давай не будем, пожалуйста! – умолял он ее.

- Скажи хоть, что с тобой все в порядке? Где-то болит? Надо что-то обработать? – скинув все маски, уже с заботой проговорила она.

- Я все обработал, не переживай. Я цел и невредим! – улыбнулся он ей.

- Не пугай меня так больше! Я же за тебя переживаю!

- Я знаю!

- Может, все же расскажешь, что произошло?

- Нет! Все, забыли.

- Хорошо. Как хочешь. Но с тебя медляк, и не один! Я не хочу стоять в сторонке в этот вечер. Это - твое наказание! – ехидно произнесла Мишель и потянула его за галстук в сторону актового зала.

- Только не это! – играючи взмолился он.

— Вот так, значит! Я для вашего величества недостаточно хороша! – и каскад ее золотых волос прошелся по его лицу, при резком развороте.

Он взял ее за талию и нежно подтянул к себе. Она, не воспринимая это всерьез тут же положила ему руки на плечи.

- Хорошая попытка реабилитироваться! Можем потренироваться и здесь, – улыбнулась она и начала вести его в медленном танце. Матвею ничего не оставалось, как поддаться ей и под доносящиеся звуки музыки (в это момент, как раз, звучала медленная песня) танцевать наедине с ней в темном коридоре школы.

Музыка давно закончилась, а они, обнявшись, еще долго продолжали танцевать. В их ушах была другая музыка, музыка их сердец, бьющихся в унисон. В этот момент было лишь одно желание на двоих – чтобы это мгновение никогда не заканчивалось. Но чьи-то приближающиеся шаги заставили их остановиться. Взгляды их встретились, и с необычным трепетом они взялись за руки и молча направились к лестнице, чтобы вернуться в шумное общество. С этого момента они уже не расставались… в этот вечер.

Обещание было выполнено. Все следующие медленные танцы Мишель танцевала, и не всегда с Матвеем. К ее удивлению, желающих потанцевать с ней в этот раз было много: и одноклассники, и парни старшего возраста. Причину такого поворота она не понимала, да и не пыталась понять. Мишель просто наслаждалась выпускным вечером. А ее Тень с небольшой завистью смотрела на эту молоденькую, красивую, нежную и беззаботную девчонку, которая, сама того не замечая, завораживала многих. Те, кто раньше не смел подойти к школьнице, сейчас, видя в ней уже молодую девушку, вступающую во взрослую жизнь, не упускали момента закружить ее в своих объятьях. Правда, все их попытки были бесполезны, ни комплименты, ни намеки не отложились в ее сознании. Только один человек волновал ее, и только о нем остались все воспоминания с этого волшебного вечера.

Натанцевавшись на дискотеке, они вместе шли в столовую, где одноклассники, родители и учителя продолжали отмечать для кого-то грустное, для кого-то радостное прощание со школой. За столом было много разнообразной еды, шампанское, морсы, соки. И выпускники то и дело приходили подкрепляться и утолять жажду. Родители с учителями из столовой практически не выходили, грустно вспоминая шалости своих детей за все школьные годы. Смех и слезы царили там. А за их стенами рождалась любовь. Сходились парочки. В тихих уголках открывались сокровенные тайны, слышались признания и первые поцелуи. Для многих выпускной бал становился сказочным.

Мишель и Матвей, держась за руки, молча наблюдали происходящее и, как будто в остановившемся времени, проходили через толпы, смех и слезы, шепот и музыку. Боясь потерять друг друга, они периодически стискивали руки. Из-за дикого шума спокойные разговоры были исключены и заменены на язык жестов, прикосновений и объятий. Это их нисколько не огорчало, а, скорее, радовало возможностью быть ближе.

Постоянный спутник ее жизни в этот вечер превзошел все ее ожидания, уделяя ей все свое внимание. Если раньше ей казалось, что она - тягач и провокатор их дружбы, что только благодаря ее натиску и вечным подхватам его под руку он был с ней, что это она упорно приставала к нему и нуждалась в нем, а он просто не сопротивлялся, то в этот вечер все изменилось. Инициатива была в его руках. Матвей ее направлял, вел, забирал и весь вечер не выпускал, в прямом смысле, из рук.

О таком Мишель и мечтать не могла. Столько счастья она не испытывала еще ни разу в жизни. Как бы ей хотелось остановить время и жить в этом вечере всю свою жизнь. «Как же сладко начинается свобода!» - думала она. Мишель наслаждалась. Она ничего не пыталась понять, ни пыталась анализировать. Она открылась счастью и упивалась каждой его каплей.

В то же время Матвей хоть и наслаждался вечером с ней, но был сосредоточен. Он ждал особого момента.

По традиции после дискотеки, заканчивающейся под утро, весь выпускной класс шел встречать рассвет. Их выпуск были не исключением. Натанцевавшись вдоволь, на своих каблуках одноклассницы плелись босиком с туфлями в руках. Премудрая в данном случае Мишель, выбрав удобную обувь, от этого не страдала. Хоть ноги и гудели от танцев, но этого она почти не замечала. Она шла под руку с Матвеем и теперь безудержно болтала, видимо, утомленная молчанием за вечер.

- Я в полном восторге от выпускного! А ты?

- Да, было здорово, - безэмоционально, на автомате ответил Матвей.

- Ты что так устал? Почему грустный? Я испортила тебе вечер? Не отпускала никуда?

- Конечно же, нет. Как тебе такое в голову приходит, удивляюсь. Все время чувствуешь себя виноватой. Прекращай это, Мишель! Ты самый удивительный человек, какого я когда-либо знал. Наоборот, я не хочу с тобой расставаться. Я люблю тебя! – выпалил он и резко замолчал после этих слов.

- И я тебя люблю, Матюш! – не раздумывая, ответила она.

- Не злись на меня! - продолжала она как ни в чем не бывало.

Слова любви не были восприняты ей, как любовное признание, а всего лишь как дружеская привязанность, уважение и обожание.

В это время они дошли до причала, на котором планировалось встречать рассвет. Опираясь на перила, она смотрела вдаль, ожидая рассвета. Но, то ли от эмоций, то ли от холода начала дрожать, как осиновый лист. Матвей тут же снял пиджак, подошел сзади и накинул его ей на плечи. Не отходя, он не сдержался и приобнял ее. Она молча, не сопротивляясь, обвила его руки и, чувствуя надежность и тепло позади себя, откинула голову ему на плечо. Так они стояли, пока дрожь не ушла, а тепло и спокойствие не разлилось по их телам.

- Не уезжай! – умоляюще шепнул он ей на ухо, - Я без тебя не смогу…

- Сможешь! – грустно ответила она.

И снова тишина… У обоих встал ком в горле, и они не могли говорить. Тема была тяжелой и очень болезненной. Конечно же, они оба думали об этом миллион раз.

Никто из них не хотел расставаться друг с другом, но ее вбитая мечта «сближения с братом» так засела в ее голове, что выбить ее было практически нереально.

- Я так давно мечтала об этом, – начала она.

- Знаешь, я ведь его практически не знаю, хоть он и мой брат. Он уехал из дома, когда мне было всего три года. У меня только обрывки воспоминаний из детства, в которых я всегда ждала его. Помню однажды, лет в шесть-семь, он приехал на летние каникулы и засобирался на дискотеку. Ревность меня распирала. Как так, я его так долго ждала, а он, не успев приехать, убегает к каким-то девчонкам?

- Ты не представляешь, что я сделала! – засмеялась Мишель.

- Связала его?! – засмеялся Матвей в ответ.

- Почти… Я сначала спрятала всю его одежду и обувь, а потом закрыла его дома, – расхохоталась она.

- С тобой опасно иметь дело - ревнивица! – ответил он, улыбаясь.

- Не то слово…

- В итоге ты его пощадила?

- Нет! – еще сильнее рассмеялась она, – Он умолял меня отдать одежду и отпустить его, но я была непреклонна! В итоге он сам нашел одежду и выпрыгнул из окна веранды. Тогда я закрыла ему путь на улицу у ворот, а он сбежал через другой выход – из сарая и вчесал по улице от меня. А я за ним бегу и реву, выкрикивая: «Ты ко мне приехал, а не к ним!..»

- Вот до таких глупостей доходило. Но это потому, что я его очень люблю. Я и равнялась всегда на него. Очень хотела во всем походить, но не дотягивала…

- В чем это ты не дотягивала? – удивился Матвей.

- Не такая умная, не такая красивая, не такая любимая… короче, всем недотягивала, – грустно затихла она.

- Ты не права во всем. Ты умная, красивая и любимая!

- Это тебе так кажется, – не придав значения последней фразе продолжала Мишель. - Ты с горшков рядом со мной! – засмеялась она, - поэтому и кажусь я тебе такой хорошей. Сила привычки!

- То, что мы с горшков рядом, как раз говорит о том, что я тебя знаю лучше, чем кто-либо другой, и мне судить, какая ты. Будь ты другой, вряд ли мы дружили! – подмигнул он ей.

- Возможно, ты прав, - задумалась она.

- Давай вместе поступать. Я ведь, правда без тебя не смогу, - произнёс он печально.

- В институте я все равно не смогу тебе помогать, мы же поступаем на разные факультеты, - рассуждала она, думая, что он нуждается в ней лишь, как в помощнице по учебе, чтобы списывать лекции и подтягивать его.

- Мне хочется, чтобы мы были вместе… - повторял он.

- Мне тоже… Поехали, правда со мной!.. Давай что-нибудь придумаем. Ты ведь говорил, что там у тебя тоже есть родственники, - уговаривала Мишель.

- Не получится. Родители с ними связь не поддерживают, далеко слишком. А в нашем областном центре проще и легче. Они уже с теткой договорились о сдаче мне комнаты. У меня нет выбора, как у тебя. А ты можешь выбрать!

- Да, могу…, и не сказать, что не хочу… Я на распутье. Мама тоже уговаривает меня остаться в области, здесь на самом деле проще. Если поступать в пединститут на инфак, я даже без медали прохожу, по направлению от школы. Но потом после института придется отработать несколько лет в нашей школе. А я не об этом мечтала!

- А о чем?

- Я бы хотела вообще поступать на модельера – дизайнера, параллельно изучая английский, возможно, самостоятельно. Потом начать карьеру модельера, уехать в Москву, потом в Америку. Познакомиться с Бари Рекстоном. Да не смейся же ты! – увидев его подхихикивание, надулась она играючи.

- Да, да… выйти за него замуж и нарожать ему море детей!

- Нет, - обиделась она.

- Хорошо, я не смеюсь, рассказывай дальше.

- А я не знаю, что дальше. На этом мечта заканчивается, - пожала плечами Мишель.

- Неоконченная мечта? Разве такое бывает?

- Почему неоконченная?

- Ну, встретишься ты с Бари Рекстоном, и что дальше? – расспрашивал Матвей.

- Он недосягаем, на это уйдет вся жизнь. Вряд ли к тому времени захочется то, о чем ты говоришь. Скорее, это будет выглядеть, как дружба двух еле шевелящихся старичков! - засмеялась она.

- Хочешь сказать, ты планируешь всю свою жизнь положить на то, чтобы беззубой старухой посидеть с Бари на одной скамейке и поболтать о жизни?

- Выходит, так.

- Боже, да тебя надо спасать! – рассмеялся он.

- Вот, так и знала, что тебе не нужно было рассказывать.

- Мишель, мы молоды! Сегодня с рассветом мы входим в новую взрослую жизнь, в которой море веселья, радости и наслаждения. А ты хочешь надеть паранджу и прожить в ней всю жизнь?

- Подумай сама, ведь ты любишь жизнь, ты веселая. Ты просто не сможешь сидеть в этой своей вымышленной клетке, ты любишь свободу!

- Да, но и Бари я тоже люблю.

- Разве это любовь? Это фанатизм, открой глаза. Вокруг реальные люди, парни, которые слюной давятся, глядя на тебя.

- Где ты видел, этих парней? Они, на мой взгляд, еще более нереальные, чем Бари. - усмехнулась она.

- Как можно быть такой слепой? – он схватился за голову.

- Я не слепая. Я адекватно смотрю на вещи.

- Ну да, конечно…

И тут поднялось солнце. Оранжевое небо на горизонте восхода солнца озарило их первыми лучами.

- Смотри, смотри! – кричала она, как будто впервые увидела рассвет.

- Это наш первый рассвет вместе, - и он снова приобнял ее за талию.

- Да, и правда.

- Как бы мне хотелось, чтобы он не был последним, – грустно произнес Матвей.

- Не будет. У нас целая жизнь впереди. Пусть мы будем учиться в разных городах, но мы всегда, при первой возможности, будем встречаться и переписываться – обещай мне! – обернувшись к нему и глядя прямо в глаза, сказала Мишель.

- Это уже не то… У тебя будет своя жизнь, у меня своя. Того, что у нас сейчас, больше не будет, - отвернулся он.

- Все, уже пошли в лог к заливу, - заметила она уходящих одноклассников.

- Пойдем и мы, - все так же грустно отвечал он.

- А расскажи о своей жизни, о своей мечте. Ведь ты тоже о чем-то мечтаешь, шагая во взрослую жизнь. Какой ты ее видишь? – пытаясь разрядить обстановку, затараторила Мишель.

«Без тебя ее нет!» - хотел было уже сказать Матвей, но не смог. Ком в горле встал у него от мысли, что ее скоро не будет рядом.

- Я не хочу об этом говорить, - процедил он.

И они пошли молча, все также держась за руки. В голове каждого кружил рой мыслей. Сердца стучали так, что вот-вот готовы были выпрыгнуть из груди. Грусть от грядущего расставания отравляла настоящее.

«Но ведь не все потеряно», - с надеждой думал он. «Сейчас она здесь, со мной, еще не уехала. Я должен ее переубедить. Она должна поехать со мной. Надо что-то придумать. А может, стоит объясниться и наконец-то рассказать ей о своих чувствах. Только как? Она все признания воспринимает как должное, для нее это «дружеские признания». Кому скажи, не поверят … я ей – я тебя люблю, а она в ответ - я тоже тебя люблю, и дальше на отвлеченные темы. Нда… Все это было бы смешно, когда бы не было так грустно».

И тут к ним присоединилась толпа их общей компании. Ребята шутили, девчонки смеялись.

- А вы что такие кислые? - обратились ребята к ним.

- Да вот, Джоанна расстраивает меня. Хочет бросить своего Кри-кри и уехать в кошмарный далекий город. – жалобно произнес Матвей, с упреком глядя на нее.

- В “Кошмаринск” что ли? - подшутил один из остряков, скривив страшную гримасу.

- Да ну вас! – и вырвав свою руку, она закрыла ладонями глаза. Развернувшись назад, Мишель быстро удалялась обратно в сторону пирса. Не в силах больше сдерживать слезы, она с надрывом всхлипывала, отчего все ее тело сотрясалось.

- Вы идите, мы вас догоним, - отправил всех Матвей и пошел за ней. Приблизившись, он повернул ее к себе и заглянул в эти припухшие от слез ярко зеленые глаза. Огонь и вода всегда добавляли яркости этим изумрудам ее души. А сейчас в них жили обе эти стихии. Стерев с ее лица ручьи слез, он нежно обнял ее и она, вся трясясь, еще долго всхлипывала у него на плече. В этот момент и из его глаз выкатились слезинки, но этого она не видела.

- Прости, нервы последнее время ни к черту, - приходя в себя и вытирая слезы, все еще всхлипывая, произнесла она.

- Держи платок!

- Матюш, не нужно им всем знать, что у нас происходит.

- Да, прости, я ступил. Хотел пошутить, а не вышло. Нам ведь всегда весело в нашей большой компании, хотелось, чтобы и это ты оценила. Как весело нам будет всем в одном городе! Мы и дальше останемся одной большой компанией. Будем уже не в поселке, а в городе все вместе тусить. Ты же это любишь. Вся наша компания поступает в один город, одна ты собираешься уехать куда-то к черту на кулички. Точное пацаны ему название дали - “Кошмаринск”, хотя по мне так он больше на “Разлучинск” смахивает.

- Нет уж пусть будет “Кошмаринском”, хотя бы смешное, а не грустное, - впервые улыбнулась Мишель.

- А если серьезно, ты только подумай… Там ты будешь одна. Это иллюзия, вымысел, твоя фантазия придуманного счастья. Тебе лишь кажется, что приедешь и махом сблизишься с братом… да черта с два. У него своя семья. Ему будет не до тебя. Павлу ты не нужна, а мне очень нужна!

- Я тебе нужна только, чтобы списывать!

- Нет, - обиженно ответил Матвей и примолк.

- Ну вот, опять обиделся, - покосилась она на него и тоже замолчала, но не выпустила его руку при его мимолетной попытке высвободиться.

Так в своем грустном молчании они не заметили, как спустились по крутому склону в лог, где собрались их одноклассники. Это местечко было выбрано не случайно, тут всегда царила магия веселья. Как на крутом плече великана, зимой здесь устраивались катание с горы, а летом зеленый ковер был усыпан резвящейся детворой, что вместе со взрослыми с самых первых жарких дней приходили сюда поплескаться в теплом заливе реки. Этот пятачок живой природы, что затаился в самом центре поселка, любили все без исключения. И в это утро он с радостью принял шумную компанию почти взрослых детей, что безудержно смеялись, дурачились и шутили, заряжая волной веселья и нашу опоздавшую парочку. Здесь в живописном уголке их поселка, грусть отступала, открывая волю чувствам, ощущениям. Хотелось слышать, видеть, осязать. И они открывались этому райскому восприятию. Слышно было, как на громкий смех реагировали собаки и петухи, как общий гул деревенского гулянья прокатывался по всему логу, а вскоре и сам поселок начал оживать. Первые хлопанья и скрипы дверей, мычание коров, доносящееся из соседних дворов, с параллельным волшебством лога, где стрекот кузнечиков, жужжание пчел и переливающаяся роса в утреннем солнце заполоняли пространство. Все вокруг как бы кричало – волшебство здесь, но оно скоро уйдет, не упусти этот момент, оставь его в своем сердце и памяти, вкуси последние глотки детства, этой беззаботности и веселья.

И они отдались всеобщему веселью, этому счастью. Становилось теплее. Мишель вернула пиджак хозяину. В это время ребята, заворачивая штанины, брюк начали проверять температуру воды, заходя по колено в воду. Мишель, развеселившись, спрыгнула с мостка и последовала за ними. Пройдя пару метров, она наткнулась на осколок стекла и, сморщившись от боли, посмотрела вниз. По быстро меняющемуся цвету воды она поняла, что очень неудачно порезала большой палец правой ноги. Матвей, стоявший на мостках, увидел разливающуюся в воде кровь от ее ноги и тут же помог ей забраться на мостик.

- Прижми пока рукой, я сейчас, - и он стремительно побежал на косогор.

Мишель видела, как он напряженно срывал подорожники и быстро бежал обратно к ней. Кровь из пальца лилась так, как будто-то была перерезана артерия. Он паниковал. Быстро разувшись и закатав штаны, Матвей зашел в воду. Аккуратно спустив ее пораненную ногу в

воду, он принялся промывать рану. Промыв и подорожники, он обложил ими палец и туго перевязал платком.

Первая помощь оказана. Она, не отрываясь, наблюдала за ним все это время. Боли Мишель не чувствовала, а скорее, наоборот, какое-то приятное чувство разливалось по ее телу. Его забота и переживание за нее наполняли душу светом и блаженством.

В этой суматохе они не заметили, как одноклассники начал подниматься вверх на выход из лога в сторону домов. Все уже устали и нужно было отдыхать, набраться сил для дальнейшего веселья, возможно, еще большего для многих, так как никакого родительского и учительского контроля уже не было. Как и все выпускники, немного отоспавшись, они по традиции должны были ехать за реку на природу. Жарить шашлыки, пить, гулять и веселиться с песнями у костра до следующего утра.

Этим двоим тоже нужно было идти, но Матвей не давал ей даже встать, он то и дело менял подорожники промывал от налившейся крови платок и снова туго перевязывал. Как только кровь была остановлена, он помог ей встать на ноги.

- Помоги, пожалуйста, одеть туфли, - попросила она.

- Какие туфли, держи их в руках!

И на этих словах он взял ее на руки и понес вверх, поднимаясь по крутому склону.

- Поставь меня, я тяжелая! – сопротивлялась она.

- Не брыкайся и будешь легче, - пристыдил ее он.

- Матюш, я вполне могу идти, это всего на всего порез на пальце!

- Поднимемся, там видно будет, - запыхтев от тяжести, проронил он.

Так, на руках с ней, он поднялся с лога на дорогу. Изумлённые взгляды одноклассников упали на них.

- Все, поставь меня, - отворачиваясь от этих взглядов, прошептала она ему на ухо.

Матвей посмотрел на ее ногу, и убедившись, что кровь остановилась, аккуратно поставил ее на землю.

- Идти сможешь?

- Да, все нормально.

- Мне пора домой. Ты точно дойдешь сама до дома?

- Точно, мы же рядом! Иди домой. Отдыхай.

- Ну все, до встречи, - поцеловав ее на прощание, повернулся он и ушел.

Она немного постояла, посмотрела ему вслед и поплелась тихонько домой, окруженная попутчиками с любопытными расспросами об увиденном.

- Ничего такого, просто я порезала палец в воде, а Матвей мне помог, - отмахивалась она от «назойливых мух» с их идиотскими догадками и намеками.

Вернувшись домой, Мишель рухнула в постель и уснула мертвецким сном. Устала она больше, чем ожидала. Проснулась Мишель от звонка телефона. Она медленно доплелась и сняла трубку.

- Алло… - сонно произнесла Мишель.

- Ты, что еще спишь? - послышался бодрый голос Матвея.

- Нет… уже, - протирая глаза и позевывая, отвечала она.

- Быстро собирай рюкзаки и на выход. Мы через пол часа тебя заберем… Как там твоя нога, забыл спросить?

- Нормально вроде, но немного пульсирует рана…. Слушай, я, наверное, не поеду.

- Что? – закричал он в трубку.

- Не поеду!

- Почему?

- Я очень устала, нога все же болит – уже чувствую. Да и вообще нет желания. Я там вам только помешаю. Буду со своей ногой все веселье портить.

- Не говори глупостей, собирайся, ничего не знаю, – грубо и злясь, отрезал Матвей и бросил трубку.

Тут масло в огонь добавила вошедшая мама.

- А что ты до сих пор спишь? Вы ведь вроде собирались ехать на природу?

- Я не поеду, наверное…

- Почему? – удивилась мама.

- Нога болит, порезалась нечаянно.

- Ну смотри, дело хозяйское, я не заставляю. Тем более туда все, кому ни лень, могут приплыть. Вон вчера встретила твоего разбойника. Все, наслужился. Они с Никитой точно припрутся. А я за тебя переживаю, взрослых не будет, мало ли что. Так что, если не поедешь, мне спокойней.

- Стас здесь? – оторопела она.

- А ты что, его вчера за весь вечер ни разу не встретила?

- Нет, - почти соврала Мишель. «Значит, мне не показалось, это он меня напугал!» - подумала она.

- Ну так что решила, едешь, не едешь?

- Не еду, - грустно сказала она. Если до этого она сомневалась, то теперь точно остается дома. И от этого ей стало так грустно. Вроде бы это взвешенное, правильное, как ей казалось, решение, но грусть затягивала в болото.

С одной стороны, ей хочется снова быть с Матвеем и своей компанией, а с другой нужно избегать Стаса, потому что встреча с ним опять поднимала старые чувства. Волнение и трепет всего тела накрывали ее от одной только мысли, что он там появится.

Выделенные ей на сборы полчаса прошли. Она, вся разбитая от нарастающего напряжения, металась в своем выборе из стороны в сторону, как загнанный зверек. И тут Мишель услышала с реки крики, зовущие ее. Она выбежала в огород и увидела лодку, подплывающую к берегу. В ней был Матвей и еще несколько одноклассников. Она выбежала на берег.

- Где твои вещи? – кричал с лодки Матвей.

- Я не поеду! У меня очень сильно разболелась нога, прости, пожалуйста. – соврала она.

- Я пригляжу за твоей ногой, все будет хорошо. Мы тебя подождем. Беги, собирайся!

- Нет, я не еду, повеселитесь за меня!

Она видела, как он разозлился и отвернулся. Сказал что-то друзьям, они завели мотор, и лодка стала удаляться, разрезая реку на две части.

«Прямо, как моя судьба», - глядя на разрез от лодки подумала она, - «… была одна спокойная река, а потом раз, и все делится пополам, только остаться на берегу нельзя, обязательно нужно плыть в ту или иную сторону».

«Выбор, снова этот выбор… Почему нельзя жить ровно и спокойно, без этих метаний и сомнений?» - крутилось в ее в голове.

Мишель, как и тогда в пятнадцать лет на развилке второго разветвления, почувствовала легкое головокружение. Чтобы не упасть, она прислонилась к ветвистым корням своего любимого выброшенного на берег дерева и закрыла глаза. В этот самый момент и произошел мимолетный провал сознания, когда душа, отделившись от тела, выпорхнула в круговорот временного портала и, разделившись на мелкие частички, продолжила жить в иной плоскости незримого параллельного мира.

Открыв глаза, она увидела давно забытую манящую картину уходящего в даль времени, что текло в прозрачном круговороте пространства. Мишель вглядывалась в него, пытаясь хоть что-то разглядеть за пределами вечного течения, но - ничего… Одни лишь плывущие круги, рожденные потоком сжатого, густого воздуха, переходящие из одного в другой. Круги то расплывались, то вновь соединялись, казалось, образовывая в своих глубинах настоящий хаос.

Но за ним был не хаос, за ним уже начиналась другая жизнь. Незримый и неощутимый мир третьей ветки впервые претендовал на реальное воплощение. Ведь в любом из принятых решений она оставалась собой. Присоединись к ребятам, она вытащила бы из себя ту, веселую и любящую жизнь, какой она была последние школьные годы в роли Джоанны; оставшись на берегу, она выбрала за основу то сформированное “Я” нерешительной, замкнутой и никому не доверяющей личности, что пыталась выточить из нее сама жизнь. Но выбор сделан, и по ветке уже течет новая жизнь.

***

Вглядываясь в заплаканные глаза той Мишель, что обладала и плотью, и кровью, наша путешествующая душа в виде тени ласково погладила ее по щеке. Она хотела смахнуть слезинки, но лишь создала теплое дуновенье нежного ветерка, что коснулся печального лица. Блуждающая душа не могла изменить ход времени земной жизни, не могла утешить. Здесь она лишь наблюдатель, неотрывный спутник, что снова проходит по знакомой дорожке, проживая жизнь заново. Но путь только кажется прямым. За порталом ее вновь ждет новая, неизвестная, не пережитая ранее жизнь. И оставив грусть на земле, Тень устремилась вслед за частичками души, что уже пролетели через пульсирующее пространство. Мир на иной частоте Вселенной завораживал своей многогранностью и непредсказуемыми витками судьбы. И все это создала она при жизни, в своих мыслях, мечтах, желаниях. Все то, что заточалось в темницы сознания в реальности, здесь вырывалось наружу и прорастало. Это было ново, интересно. Проживая новые ветки, наша путешествующая душа начала понимать, что не только новизна будоражит ее. Чувства эти возникали от изменения самой души. Тень менялась, она незримо росла.

Осознание этих перемен пришло не сразу. После первой прожитой ветки что-то еле уловимое добавилось к ней, и она не придала значения, но вот, закончив второе путешествие, она поняла. Блуждающая душа после каждой ветки наполнялась и разрасталась, обретая при этом все больше гармонии и покоя. Сейчас пристально наблюдая третий переход, все встало на свои места. Ответы были получены. В момент перехода душа живой Мишель распадалась на миллионы частиц, часть которых возвращалась назад, а вторая оставалась в мире за границами портала, обретая там свой привычный облик и заполняя мир всем тем, с чем входила туда. Именно эти частички души прикрепляются к ней в самом конце каждой ветки, тогда, когда наступает конец параллельной реальности. Маленькими мерцающими частичками, при каждом возвращении на землю, они проникали и заполняли Тень изнутри, обогащая и даруя все больше покоя. В этом и была миссия первого желания. Ну а пока последуем за ней, в третью ветку ее Древа жизни.

Глава 9. Третья ветка Древа жизни

Как будто молнией ударило ее в этот момент, когда он отвернулся. Рев мотора удаляющейся лодки вызвал поток слез. Мишель стояла и смотрела вдаль на исчезающее счастье, но вдруг неистовый вопль вырвался из ее груди и Мишель, не помня себя, изо всех сил стала кричать и махать им, призывая вернуться. Но на лодке ее не слышали. Они были слишком далеко.

Обессилев и потеряв голос, Мишель упала на корточки в реку, что омывала ее голые ноги все эти последние минуты безумного шквала эмоций. Закрыв глаза, она рыдала в голос, проклиная себя и свою трусость… Трясясь от холода и слез, она медленно поднялась с колен и повернулась назад. Ноги, руки, да и все тело налились свинцом, и она через силу шагала по узким бороздкам огорода, что вели от калитки до ее дома. Пройдя почти весь этот путь, она вдруг услышала его голос, что окрикнул ее с реки. Не поверив в это, она не стала оглядываться, приняв голос за звуковую галлюцинацию. Слишком уж хотелось ей его услышать сейчас. «Это самообман!», - решила она. Только голос не замолкал, он звал ее.

- Мишель, Мишель… да стой же ты! - слышался он все ближе и ближе, и тут чьи-то руки повернули ее к себе.

- Ты? – не веря своим глазам, вглядывалась она в него, как будто увидела впервые.

- Я… - запыхавшись от бега, произнес он.

Они стояли молча и смотрели друг на друга совсем другими глазами. Это уже не был детский дружеский взгляд, в нем скрывались взрослые чувства. Он все так же держал ее за плечи, не решаясь отпустить или прижать. Она же забыла все: и кто они, и где они и зачем? Одна лишь мысль крутилась в ее голове: «Он вернулся, он услышал меня!», и с полными от слез глазами она шагнула к нему. Его руки медленно скользнули по ее спине, и он стиснул ее хрупкое тело в плотные объятья. Их лица оказались так близко, что его очки запотели, и он невольно, по привычке, отпустил ее и стал их протирать.

Она вдруг разразилась громким смехом, как будто ее бурные эмоции кто-то переключил на другую волну, а звук забыл отключить.

- Нет, Мишель, с тобой невозможно быть серьезным! - заряжаясь от ее смеха, тоже хохотал Матвей.

Тут их услышала мама Мишель, которая вышла на веранду. Выглянув в окно, она прокричала:

- Вы оба решили не ехать на природу? – недоумевала Татьяна Ивановна.

- Нет, как раз наоборот… Мы оба едем! Мишель просто вещи забыла собрать. Вот я и пришел ей на помощь. Мы мигом все соберем, нас ждут на берегу!

- Так давайте шустрей, раз вас ждут. А то стоят посреди огорода и хохочут, – бурчала на них Татьяна Ивановна.

Мишель посмотрела на него с обожанием и поцеловала в щечку.

- Идем, помощник! - снова засмеялась она, и они пошли в дом.

Побросав в сумки и рюкзаки все необходимое, они направились на выход.

- Купальник не забыла? – проверял ее Матвей.

- Сложила, даже два, – отчиталась Мишель.

- До свидания, Татьяна Ивановна, – выходя из дома, попрощался Матвей.

- Матвей, присмотри за ней там. Я на тебя рассчитываю! – многозначительно посмотрела она на него.

- Не беспокойтесь, Татьяна Ивановна, Мишель в надежных руках! – поняв ее взгляд, успокоил он.

- И в сильных… - усмехнувшись, шепотом произнесла Мишель в его сторону.

Он посмотрел в ее глаза и улыбнулся, тая от нежности, которая заполняла их обоих все это время.

- Ну, вы где пропали? Нас все заждались уже там! – ворчали одноклассники, ожидавшие их в лодке.

- Это я копуша, простите! – мило улыбнулась она.

- Слушай, а ты правда нас кричала с берега, чтоб мы вернулись? - спросил один из одноклассников.

- Да, но я уже отчаялась. Думала, вы не слышите из-за мотора. Да и далеко вы уже отъехали.

- А мы и не слышали… Это все Матвей… Говорит, что слышал тебя. Мы ему говорим, смотри, она уже ушла с берега, а он нет, поворачивайте назад, она передумала. Короче, заставил нас силой! – смеялись пацаны.

- Скажи правду, он тебя подговорил и убедил ехать уже сейчас? - не верил другой.

- Нет. Я и правда кричала. Думала, голос потеряла. Слышите, осипла даже чуть-чуть! Я очень рада, что вы за мной вернулись. Правда, это мое решение, Матюша только помог быстро собраться.

- Поняли? – довольный собой, кривлялся Матвей. – Надо было с вами поспорить, Фомы вы неверующие, да еще и глухие, – подсмеивался он над пацанами, сидя в ногах у Мишель.

Моторная лодка быстро домчала их маленькую компанию до пункта назначения. За двумя поворотами реки, крутые горы мягко переходили в низины. На одной из них и было принято решение организовать пикник. Расположение этой широкой солнечной поляны, растянувшейся на полкилометра в длину, было идеальным. Тень от горы падала только в утренние часы, а на другом берегу была равнина, где находились покосы местных жителей. За равниной вдалеке поднималась пологая гора, но и она уже не отбрасывала тень, рассеивая ее у подножья в скошенной траве необъятных покосов.

Распрощавшись вчера со школой, сегодня эти слегка оперившиеся птенцы, ожидали встречу нового дня их новой жизни. Той, что за границами родительского контроля и учительских наставлений распахивала перед ними двери. Суета и смех собравшихся одноклассников подтверждали правильность выбора Мишель. Она чувствовала, что буквально вырвала этот шанс на счастье.

Лодка, в которой они плыли, была последней. Все остальные уже были в сборе. Выгрузив все вещи, ребята принялись устанавливать палатки, а девчонки собирать хворост и ветки для костра. Вокруг предполагаемого костра уже были сооружены столы, самодельные скамейки, расставлены складные стулья туристов и приволоченные бревна.

Чуть позже к берегу пристал катер, на котором родители привезли генератор. И умельцы организовали мини сцену. Под небольшим навесом стоял музыкальный центр с огромными динамиками, а рядом лежали несколько гитар и замотанные гирлянды. Подготовка бурного веселья шла полным ходом. Мальчишки с топорами, пилами и молотками сооружали что-то, похожее на ограждение, по которому планировалось растянуть гирлянды. Наконец, все было закончено и, немного перекусив и выпив, все дружной компанией полезли в воду. Визг, смех не умолкал в этой большой дружной семье. Абсолютное доверие раскрепощало самых застенчивых, и здесь уже не было ни чужих, ни лишних. Обиды забывались, и все были равны. Каждый занимал свое драгоценное место в этой огромной семье под названием «Выпускники».

Мишель, как и все девчонки, переоделась в купальник и вылезла из палатки. Оглядываясь, она искала взглядом Матвея, но тут сзади ее обняли за талию совсем чужие руки и закинув на плечо, потащили в реку.

– Арсений, поставь меня сейчас же! - узнав наглеца, била его по спине Мишель.

- Не брыкайся, а то мы свалимся раньше времени! – смеялся Арсений, забрасывая ее в воду.

Тут к ней подплыл Матвей.

- Может, поплаваем на глубине, а то здесь кое-кто воду мутит! – обращаясь к Мишель, злобно смотрел он на Арсения.

- Я только за. Чистую воду я люблю больше!

И они вдвоем уплыли чуть ли ни на самую середину реки. Мишель хорошо держалась на воде. Это была ее стихия.

- Ты можешь долго держаться на воде? - беспокоился Матвей.

- Да, мама говорит у меня где-то есть жабры и рыбий хвост, потому что я люблю уплывать далеко и надолго, - смеялась она, - А ты сможешь здесь долго? - вдруг опомнилась она.

- Да, я тоже из водоплавающих! – смеялся он, подныривая возле нее.

Все уже вышли из воды, а они все плескались вдвоем, то синхронно ныряя и держась при этом за руки, то лежа на спине, распластавшись звездами на глади их родной реки. Они болтали и наслаждались друг другом, понимая, что этот день, вечер и даже ночь, принадлежат им двоим. Они не торопились. Эти двое наслаждались теплом взгляда, что будоражил до самых кончиков пальцев, нечаянными прикосновениями рук, звуком родного голоса и дыхания. Все это волновало и заставляло сердце биться с невероятной силой.

- Матвей, Мишель, плывите сюда, шашлыки уже готовы, - кричали ребята на берегу.

- Ну что ж, поплыли. Я и правда проголодался! – звал ее за собой Матвей, направившись в сторону берега.

- Да, поплыли! Может, наперегонки? – улыбнулась она ехидно.

- Кто проиграет, тот меня поцелует! – рассмеялся он.

- Какой-ты самоуверенный! Только выиграю я, и ты меня донесешь на руках до палатки!

- Забились, – согласился Матвей, - На старт, внимание, марш! - и они, как на настоящих соревнованиях ринулись к победе, рассекая воду.

Матвей был первым и, только достав дно ногами, остановился, пытаясь отдышаться.

- Все, я победил! – запыхавшись и раскрасневшись смеялся он, встречая ее в свои объятья.

Но она вильнула и поплыла дальше к берегу, - крича ему вслед, - Мы спорили «до берега»! – смеялась она уже почти выбежала на берег, когда он настиг ее, взял на руки и побежал вместе с ней назад в воду. Спуск на этом берегу был неравномерный и он неожиданно потерял опору. В этом месте был обрыв, и Матвей вместе с ней погрузился в воду. Под водой она выскользнула из его рук и ему показалось, что она уже вынырнула. Но, когда он оказался над водой, то обнаружил, что ее нигде нет. Матвей вновь занырнул и начал искать ее поблизости, но в мутной воде ничего не было видно, тогда он, набрав побольше воздуха, поднырнул до самого дна и стал ощупывать. Матвей не понимал, сколько прошло времени, раз за разом он все нырял и нырял, безуспешно обследуя дно. А течение уносило ее все дальше. Наконец, отплыв пару метров, он занырнул и наткнулся на Мишель. Быстро схватив, он поднял ее на поверхность. Мишель была без сознания. Матвей вытащил ее на берег и принялся делать искусственное дыхание. Сбежались одноклассники, окружив их. Кто-то, завидев вдали лодку, бегал по берегу и кричал: «На помощь! На помощь, Помогите!», но Матвей ни на кого не обращал внимание. Не останавливаясь, он все пытался запустить ее сердце. Сердце, что пять минут назад билось в унисон с его и дарило ему счастье…

Тут из подъехавшей лодки выбежали двое. Один с силой скинул Матвея, швырнув его за пару метров от нее, и принялся сам делать ей искусственное дыхание. Он, сжав обе руки в кулак, бил в область ее сердца, и ритмично, отсчитывая секунды, сдавливал ее легкие, а затем умело вдыхал в нее жизнь.

- Уйди от нее, не прикасайся к ней! – кричал Матвей, сдерживаемый несколькими друзьями.

- Успокойся, Матвей, Гера, знает, что делает. Он уже с того света вернул одного своего друга, который вот также заигрался. Доверься! - похлопывал его Макс по плечу, видя, что Матвей начинает здраво мыслить, но все же не отходил от него.

И тут грудь Мишель взвилась вверх, и из ее рта вылилась большая часть воды. Она взахлеб начала дышать, выплевывая остатки воды. Наконец, она успокоилась и начала оглядываться. На ней сидел довольный собой Горыныч и, как всегда, ехидно ухмылялся:

- А я всегда знал, что нужен тебе! А ты не верила! – подсмеивался он над ней.

- Ты что творишь! Слезь с меня! – не понимала она, что происходит…

— Это вместо: спасибо, Гера, что спас мне жизнь! Всегда пожалуйста, Мишель! – и он встал с нее и подал ей руку.

Остальные ребята обступили их и стали благодарить Стаса и спрашивать о самочувствии Мишель. Она, наконец, поняла все и протянула ему руку.

- Спасибо, Стас! Не думала, что когда-нибудь скажу тебе подобное, но я теперь перед тобой в долгу.

- Сочтемся! – подмигнул он ей, поднимая ее за руку, но она сорвалась и упала. Ноги, да и вообще все тело ее не слушались, сил подняться не было.

- Где Матвей? – вдруг вскрикнула она, вспоминая, что в воду они погрузились вместе. – Он в воде, он тоже был в воде! - кричала она навзрыд… и вдруг потеряла сознание.

- Он здесь, с ним все в порядке, – послышался голос Макса, но она его уже не слышала.

- Надо ее согреть. В какую палатку ее унести? - паниковал Стас, уже взявший ее на руки.

- Идем, покажу! – и Ксюша повела его в палатку, где были вещи Мишель.

Стас внес ее и аккуратно положил.

- Девчонки, это ее рюкзак?

- Да, но лучше мы ее переоденем. Все, выходи! – выпроводили они Стаса из палатки и принялись переодевать размякшее тело Мишель в сухие теплые вещи, то и дело тряся ее и похлопывая по щекам.

А в это время Матвей опрокидывал, одну за другой, рюмки припасенной на вечер водки. Тут к нему подошел Стас.

- Налей мне тоже, – присел он на бревно рядом с ним.

Матвей молча налил и дал ему рюмку.

- За твою победу! – слегка пьяным голосом произнес Матвей, чокнувшись с его рюмкой.

- Ты дурак? – вдруг рассердился Стас, - Она чуть не умерла, а ты сейчас ее делишь между нами?

- Ты прав, я дурак. Только дурак мог подумать, что она может выбрать меня… у вас же химия… и благодаря этой химии она сделала этот вдох, и теперь она по гроб жизни будет твоя. А я… что я, я ее чуть не убил. Не будь тебя рядом, ее бы сейчас не было… Я приношу ей зло… Я ухожу… Она твоя. Все, я сдался. Я не буду вам мешать. Любите друг друга, ребята, Совет вам да любовь! – и он налил себе еще одну рюмку.

- Да, ты прав. Она чувствует себя теперь обязанной мне. Но я так не хочу! Я хочу, чтобы она по-настоящему меня любила… как тебя, дурака… - и он встал.

- Меня? Она тебе это сказала? – вдруг зацепился Матвей и задержал Стаса.

- Нет, не сказала, но, когда начала вспоминать случившееся, перепугалась за тебя, что ты утонул и упала без сознания…

Матвей стал оглядываться.

- Где она?

- Унес ее в палатку. Девчонки ее сейчас переодевают. Она жутко замерзла. Ладно, мне пора… Видимо, свою миссию я выполнил на сегодня. – грустно произнес Стас.

- Ты уедешь?

- Только не говори, что будешь рад, если я останусь, - ухмыльнулся Гера.

- Я - нет. А вот она, наверное, будет рада… так что решай сам.

- Я подумаю, - усмехнулся Стас и удалился.

Матвей встал и пошел к палатке, где была Мишель. Встретив Ксюшу, он занервничал…

- Ксю… Мишель пришла в себя?

- Нет, я уже не знаю, что с ней делать… я боюсь, Матюш, а если она умрет сейчас здесь?

- Что ты такое говоришь! – оборвал он ее и залез в палатку.

Там рядом с Мишель сидела Лиза и Ульяна. Они били ее по щекам, трясли, но все без толку. Пульс прощупывался, но был очень медленный. Девчонки были перепуганы.

- Пожалуйста, оставьте нас вдвоем! – умоляюще попросил Матвей.

Когда все вылезли, он застегнул палатку и взял ее как ребенка себе на руки. Ее руки были ледяными, он поцеловал лоб, он тоже был холодным, тогда он приподнял свитер и потрогал живот и спину. Живот слегка был теплым, спина и ноги были холодные. Быстро соображая, он расстегнул палатку и побежал к костру, где сидели все, в том числе и Гера с Ником.

- Дайте мне водку! – крикнул он.

- Тебе уже хватит! - сверкнул на него глазами Гера.

- Мишель нужно растереть водкой, она замерзает!

Поймав на лету бутылку, Матвей помчался обратно в палатку. Быстро стянув с Мишель свитер и штаны, он принялся растирать ей спину, плечи, ноги механическими движениями, заставляя ее кровь бежать быстрее. Положив ее на спину, Матвей невольно замер, любуясь на ее прекрасное тело. Не совладав с собой, он наклонился и поцеловал, нежно поглаживая ее волосы. И вдруг Матвей почувствовал живой импульс ее губ, они ответили ему, прильнув и вдруг снова ослабли.

Он внимательно посмотрел на нее. Мишель все также была без сознания. Тогда Матвей принялся вновь втирать в нее этот горячительный напиток. Руки горели от трения, казалось, она тоже стала теплее, но сознание к ней не возвращалось. Мишель была, как размякшая кукла, в его руках. То и дело он звал ее, несильно похлопывая по щекам. Промочив в водке платок, Матвей водил им перед ее носом, но все бесполезно, Мишель не приходила в себя.

«Остался последний вариант» - подумал Матвей и достал спальный мешок. Еле-еле всунув ее в мешок, он следом за ней стал втискиваться в него сам. Но одежда не позволяла влезть в мешок. Тогда он скинул с себя штаны и футболку и в одних трусах снова начал протискиваться в этот узкий мешок, предназначенный для одного. С трудом, но они поместились в нем вместе. Плотность их тел опьяняла, и Матвей сходил сума. Температура его тела скакнула до предела, и этот жар заполнил все их плотное пространство, разливаясь хмельным напитком и открывая самые тайные уголки человеческого сознания. «Она меня убьет, когда очнется!» - пролетало в его голове, - «да ну и пусть…, главное, чтоб очнулась».

- Ну проснись же ты, Мишель! Что мне еще сделать, чтоб ты очнулась, - то трепал он ее за щеки, то прижимал к себе, уливаясь слезами.

- Я никогда не прощу себе этого, я во всем виноват… Безмозглый баран!

И тут Матвей почувствовал, как ее тело начало двигаться, она пыталась высвободиться. Руки Мишель уперлись в его грудь и она открыла глаза.

- Матюш! – улыбнулась она и, наоборот, прильнула к нему, обняв его своими слабыми руками. – Ты живой! Слава богу! Я так перепугалась. Мне снился сон, как будто мы с тобой утонули, но меня спас Гера, а ты остался на дне… Я хотела умереть. Я не хотела жить. Я даже молила Господа забрать меня… Я без тебя не могу! – с наливающимися слезами тихо произнесла она.

- А я без тебя… Я люблю тебя… И не как друг. Ну, то есть и как друг тоже, но еще… - и он смутился.

- Я знаю…

И они долго-долго молча смотрели друг другу в глаза, общаясь уже совсем на другом уровне. Там нет ни слов, ни жестов, там лишь мелодия их душ, парящих высоко над землей. Они не отдавали себе отчета, где они, что с ними, их прильнувшие друг к другу тела в этом плотном мешке дополняли душевное слияние. Он нежно убрал упавшую на ее лицо прядь волос и перевел взгляд на алые губы. Бешенный стук сердец барабанил в висках. Желание, что двигало ими, распирало грудь, и вырывалось горячим потоком воздуха. Трепет прерывистого и тяжелого дыхания сводил с ума. Казалось, еще секунда, и их разорвет изнутри это давление желаний, что пульсировало по всему телу.

И тут послышался приближающийся голос Стаса.

- Слишком долго она без сознания, я увезу ее в больницу, – говорил он кому-то.

- Да, пойдем. Я помогу тебе. – ответил голос Ника.

Как холодной водой их облили в этот момент, и они, отрезвев, поняли, что сейчас их увидят… в таком виде… Впервые за все это время Мишель огляделась и поняла, что лежит вплотную с Матвеем в спальнике на одного. Попытка быстро высвободиться не вышла. Они застряли. Тогда Мишель начала громко смеяться, показывая жестами, чтобы он подыграл ей. Матвей понял ее задумку - дать понять этим непрошенным гостям, что она в сознании, надеясь, что они не полезут в палатку. И Матвей стал громко, рассказывать ей первый пришедший ему в голову анекдот, параллельно с этим изо всех сил выбираясь из этого тугого спального мешка. И тут они увидели тени, что наклонились к входу в палатку. В этот момент Матвей как раз вылез на свободу и в спешке натягивал штаны, все также продолжая громко шутить.

- Я смотрю, все в порядке! - открыв молнию на входе в палатку, пробирался в нее Стас.

- Все хорошо, но будет лучше, если ты вылезешь обратно, - недружественно сказал Матвей.

- Да… Я явно тут третий лишний… А ты ширинку застегни, Казанова, - посмотрел он с презрением на них обоих и вылез назад.

- Ну что? Едем назад или еще остаемся? – спросил у него голос Ника.

- Остаемся! Хочу напиться. Пойдем, друг, оторвемся по полной. Цыпочек тут на всех хватит, - злобно хихикнул Стас.

Мишель, в одном нижнем белье, не шевелясь, сидела на полу палатки, крепко схватившись за спальный мешок. Рядом в одних штанах с расстёгнутой ширинкой сидел Матвей. Она понимала, что им конец. Если Стас поделится увиденной картиной, она пропала. Позор этот не смыть ничем. Мишель посмотрела на Матвея глазами, полными страха и слез. Между ними не произошло ничего, даже поцелуя, но одно лишь слово, и она облита грязью, от которой никуда не скрыться. Весь поселок будет показывать на нее пальцем и считать падшей… Ей хотелось провалиться сквозь землю. Никогда больше не вылазить из этой палатки, чтобы не видеть тех глаз, что будут смеяться и злорадствовать, приплетая все что угодно, раз уж грязь коснулась ее…

— Это конец… - тихо произнесла она.

- Я поговорю с ним, не переживай, я все объясню! – и Матвей быстро надел футболку, застегнул ширинку и вылез из палатки.

Мишель, же решила, что больше не вылезет из нее. Она не в силах была перенести этот позор… Закрыв руками лицо, она рыдала, так и забыв одеться. Наконец, осушив весь свой запас слез, здравый смысл начал просыпаться в ней: «А вдруг еще кто-то войдет, а ты тут в одном нижнем белье!» Она нашла свою одежду и, шустро одевшись, стала быстро соображать, как же выйти из этого ужасного положения. Но ничего не приходило на ум, кроме одного. «Отбрось свой страх и вылезай из своей скорлупы. С гордо поднятой головой неси себя такую, какой ты и являешься, Мишель!» – думала она. – «Пусть они думают, что хотят, но я-то знаю, что чиста, и Матвей знает, а что подумают другие, плевать!» - решила она и вылезла наружу.

Оглядевшись вокруг, она увидела, что к ней бегут две ее одноклассницы… «Ну все, началось», - подумала она, - «Готовься, Мишель!»

- Миша, наконец-то… Мы так переживали. Гера уже хотел тебя в больницу везти. Ну и напугала же ты нас. Молодец Матвей, что растер тебя водкой, помогло! А мы полчаса тебя трясли, никак не могли в чувство привести, – наперебой рассказывали Ксюша с Ульяной.

«Неужели Гера никому не рассказал об увиденном?» - удивленно подумала она.

- А где Гера? – как бы продолжая их разговор, поинтересовалась Мишель.

- Да вон, у костра, пьянствует… Ему можно. Он сегодня герой. Тоже похоже перенервничал. Дерганый стал к концу, рюмку за рюмкой опрокидывает.

Мишель направилась туда. Часть ребят сидели у костра, жарили шашлыки, ели и пили. Среди них был и Гера. Матвея рядом не было. Мишель стала оглядываться, ища его глазами. Тут она встретилась взглядом со Стасом, следившим за ней все это время. Он тут же отвел взгляд и налил себе еще рюмку водки. Мишель, так и не найдя Матвея, решила поискать его на поляне и у берега. Там его тоже не было. Тогда она стала подниматься в гору в сторону леса и увидела чей-то силуэт за деревьями. Немного приподнявшись и вступив в сумрачную полутьму леса, она хотела покричать Матвея, но чьи-то руки закрыли ей рот и притянули к ближайшему дереву. Она не особо сопротивлялась, решив, что это шуточки Матвея. Сама готовая его обнять, она повернулась к своему похитителю с светящейся улыбкой на лице, но, улыбка тут же исчезла, сменившись напряженной гримасой.

- Стас, ты что? Отпусти меня! – почувствовав, как его руки стали бесстыже лапать ее всю, она оттолкнула его от себя.

- Ты пьян! Отстань от меня, или я закричу! – отбивалась она от его наглых рук.

- Ему можно, а мне нет, так что ли? Ты сама мне сегодня сказала, что в долгу передо мной. Так вот, я беру то, что мне принадлежит. Что тебе сейчас бояться, не девочка ведь уже, никто об этом не узнает… Как и то, что я видел. Так что хватит ломаться, – и он с силой прижал ее к стволу дерева, намереваясь раздеть.

- Стас, пожалуйста, прошу тебя… Я знаю, ты не такой… Не делай этого, - умоляла она.

И он вдруг отступил.

- Уходи, – грозно произнес он.

Мишель, вытирая выступившие слезы, стала отходить от него, спускаясь со склона вниз к поляне. Выйдя на свет, она увидела бегущего к ней Матвея. Все это время он искал ее.

- Ты зачем пошла в лес? – озадаченно спросил он.

- Ко мне! – усмехнувшись, сказал спустившийся следом за Мишель Гера.

Матвей тут же подбежал и с размаху врезал шутнику, завалив его и между ними завязалась драка.

- Матвей, не надо, он шутил, оставь его! – и она бросилась разнимать их.

- Что значит шутил? – все еще разъяренно спрашивал он ее, сидя на Стасе и замахнувшись на него кулаком.

- А он у тебя ревнивый! Берегись, Мишель! Хлебнешь еще! – высвободившись, сказал Гера. Потом встал и начал отряхиваться.

Внутри Мишель всю трясло. Мысли волнами наскакивали одна на другую. Ей было и жутко противно от случившегося минуту назад, но, с другой стороны, она понимала, что Гера пьян, и винить, обвинять его сейчас бессмысленно. Все втроем они сегодня пережили массу потрясений. Куча недосказанного за школьные годы, а сейчас и неверно истолкованные события держали их в опасном напряжении, которое и вышло из-под контроля в лесу. Пора положить этому конец, решила Мишель.

- Ребята, нам нужно поговорить… - начала Мишель, разделяя этих двоих.

- Гера, то, что ты видел в палатке, это не то, что ты подумал… Матвей, расскажи ему все, пожалуйста… Я, если честно, думала, что вы уже поговорили, – косо посмотрела на Матвея Мишель.

- Я не нашел его, когда вышел, - оправдывался Матвей перед ней.

- … Помнишь, я прибегал за водкой, - начал Матвей, обращаясь к Стасу. - Я же вам сказал, что буду растирать ее, чтобы согреть и привести в чувства. Так и было, я почти всю водку потратил, растирая ей тело. Но как мне это сделать в одежде? Естественно, я ее раздел до нижнего белья перед этим. Но Мишель так и не пришла в сознание, тогда мне ничего другого в голову не пришло, как залезть вместе с ней в спальный мешок, чтобы она согревалась от моего тела. Незадолго до твоего прихода она очнулась… А потом мы услышали, что вы сюда идете, и еле-еле высвободились из этого мешка. Она только и успела им прикрыться, а я одеть штаны.

- А зачем ты их снимал? – с подозрением спросил Гера - Она понятно, ее натирали, а ты что без штанов полез?

- Я не смог влезть в штанах… Сила трения не давала, надеюсь ты помнишь, что это такое. В школьной программе это проходят! – с ехидством произнес Матвей.

- То есть, между вами ничего не было? – дошло наконец до Стаса.

- Ничего, – ответила Мишель.

Стас виновато посмотрел на Мишель, но не сказал ни слова.

- Спасибо, что никому не рассказал об этой увиденной картине! – с искренней благодарностью произнесла Мишель, обращаясь к Стасу.

- Я же не сплетник! – трезво ответил он, глядя ей прямо в глаза.

- Можно с тобой поговорить, Мишель? – неожиданно сказал Стас.

- А разве вы не наговорились в лесу, - ревностно встрял Матвей.

- Угомони его! – повернулся Гера к ней.

- Матвей, прости, но нам похоже правда нужно поговорить. Не беспокойся, я через пять минут приду, - отправляла она его.

- Вот это поворот! – удивился Матвей и, быстро развернувшись, зашагал к ребятам.

- Прости, я был не прав… Да и вообще, я, даже и не зная, не смог бы тебе причинить вред… Это мимолетный порыв злости, ревности, понимаешь… Я бы не смог, правда… Прости меня, что напугал тебя.

- Забыли, - тихо произнесла она.

- Я до сих пор схожу по тебе с ума, что ты со мной сделала? – усмехнулся он, - Ты ведьма!

- Возможно, если судить по тому, что одни из самых красивых парней поселка за меня дерутся! – усмехнулась она.

- Приятно?

- Очень! – улыбнулась она.

- Я бы хотел быть твоим другом. Всегда завидовал ему. Он рядом с тобой из года в год, и ты полностью ему доверяешь, а мне… никто не верит. Так, девчонки на одну ночь, и все… Ни они мне не нужны, ни я им.

- А ты попробуй быть собой, таким, какой ты сейчас со мной. Уверена, ты встретишь ту, что полюбит тебя… Если честно, в тебя очень легко влюбиться, – засмущавшись, произнесла она последнюю фразу.

- Правда? – посмотрел он ей в глаза.

- Да. Я долго была влюблена…

- Как же я мог упустить это время? – совершенно серьезно произнес он.

- Нет, между нами, Стас, при любом раскладе ничего бы не было… Может и дошло бы до поцелуя, но не более… Я ведь не любила, я влюбилась.

- А разве есть разница? – удивился Стас.

- Огромная… Однажды я прочла очень мудрое высказывание о разнице этих двух чувств. Но только сегодня поняла всю глубину этих мыслей.

- Знаешь, влюбленность, она ведь даже ярче любви в своем начале. Она быстрая, стремительная, сводящая с ума. Любовь же спокойная, временами даже обдуманная. Они обе заставляют сердце биться, но влюбленность не может длиться долго. Ее срок быстротечен, а вот у любви нет ни сроков, ни границ. Ее и увидеть сложнее, но как только ты поймешь, что она в сердце, она уже тебя не покинет.

- Ты его любишь? – спросил он грустно.

- Да, и очень сильно. Но, знаешь, я самой себе еще вчера боялась в этом признаться. Закрывала все чувства в тайник. Боялась, что если он узнает, то перестанет со мной дружить. А, как ты верно заметил, мы много лет дружим, и эта дружба очень много значит для меня. Я готова на все, лишь бы быть с ним рядом всю жизнь, если нужно, как друг, но только бы он не отвернулся, не ушел… - и из ее глаз вытекла слезинка.

- Не плачь, Мишель. Он любит тебя так же, как и ты его, тебе нечего бояться… разве что его неуемной ревности! – рассмеялся он, завидев вдали силуэт Матвея, направляющийся к ним.

- Он все поймет, - глядя на поднимающегося Матвея, улыбнулась Мишель.

- Ладно. Больше я вам мешать не буду. Будь счастлива, Мишель. И да, я очень рад, что мы, наконец, смогли так просто и свободно обо всем поговорить.

- Я тоже! – ответила она.

- Я буду по тебе скучать! – подмигнул он ей, поравнявшись с Матвеем.

- Я, похоже, рано… - обиженно произнес Матвей, встав на полпути и не зная, что делать.

Она встала с бревна, на котором они сидели со Стасом, и, приблизившись к Матвею, протиснула руки по талии, обволакивая его спину, и все ближе и ближе приближаясь к нему всем телом и лицом.

- Я сегодня не чувствую время, оно незримо застыло во мне! – вглядывалась она в его обиженные глаза.

И тут ее подлый живот затянул мелодичное урчание.

- Да ты же голодная! – вдруг вспомнил Матвей, и, схватив ее на руки, бегом побежал с пологого склона на поляну.

- Поставь меня, я не настолько оголодала, чтобы на ногах не стоять! – смеялась она, держась за его шею.

Он послушно поставил ее на ноги и, взявшись за руки, они направились к костру. Солнце закатывалось за далекую гору и ребята сильными рывками быстро запустили генератор. Тут же включился музыкальный центр и загорелись гирлянды. Праздничная атмосфера продолжения выпускного захватила эту шумную молодежь. Танцы, игры, смех не прекращались всю ночь. Мишель и Матвей не отпускали друг друга с этого момента ни на секунду. Гера, который так и не уехал, с доброй завистью посматривал на эту счастливую пару и в душе надеялся встретить в будущем такую же Мишель, с которой было бы также легко и спокойно.

А наша пара не рассталась и потом, вернувшись с этой пьянящей природы. Много откровений было в этот вечер и ночь. Открытые сердца теперь не стеснялись своих чувств и планов. А планов было построено множество. Начиная от совместного поступления в один ВУЗ и брака и заканчивая долголетней счастливой жизнью и смертью с одним вдохом на двоих. И они все выполнили, прожив долгую и счастливую жизнь параллельной реальности в то же самое время, как сама жизнь шла своим чередом в реальности основного, осязаемого и ощущаемого мира.

***

Как только третья параллель была прожита, перед путницей-Тенью в пустоте рухнувшего мира снова раскрылся проход портала, жадно вбирающего в себя время. Раскинув руки, она наполнялась покоем и гармонией, забирая с собой частички своей души, что создали эту

жизнь здесь, в этом мире параллельной реальности. Переливаясь в солнечном свете, они облепили весь силуэт парящей Тени, и путешественница шагнула в пульсирующий сгусток энергии, чтобы снова вернуться на то место, откуда и проросла эта третья ветка ее Древа жизни.

Глава 10. Ускользающее детство

Мишель еще долго смотрела вдаль, пока лодка не скрылась за поворотом. Тень так же, как она, грустно провожала уплывающее счастье. Теперь Тень знала больше, чем ее хозяйка, по щекам которой сейчас лились слезы. Она снова чувствовала то опустошение, что однажды уже было пережито. Но выбор был сделан и реальность осталась здесь.

«Какая же я дура! Нужно было ехать!», - поняла в этот миг Мишель, но было поздно. «Ну и что с тобой бы случилось – да ничего! Чего ты испугалась? Трусиха, жалкая трусиха!» - ругала себя Мишель. Она возненавидела себя за тупость, глупость и непонятный страх. А главное, перед кем? «Ну и прибыл бы разбойник на остров и что? Матвей всегда рядом. С ним хорошо и спокойно. Ничего бы не произошло. Глупая, глупая, глупая», - корила она себя. Ей так хотелось сейчас вернуть эти десять минут, крикнуть им, что она мигом соберется и поедет с ними. Но слишком поздно, ничего уже не вернешь…

Этот разлом судьбы случился с быстрым осознанием ошибки.

Лодка уплыла. Мишель осталась одна, наедине с собой, своими мыслями и переживаниями. Пришло время подумать и проанализировать все случившееся.

Ей впервые захотелось во всем разобраться, и она начала плавно раскладывать свою жизнь по полочкам. Сегодня она совершила огромную ошибку именно потому, что ничего не поняла, не прислушалась к внутреннему голосу. «Больше таких ошибок я не допущу!», - решила она.

«Первое – нужно разобраться с Герой, он очень сильно меня выбивает». И она прямо задала себе вопрос: «Я его люблю?», и поняла, что ответа нет. А нет его потому, что она не знает, что такое любовь.

«Хорошо, а что я чувствую?

Во-первых - Волнение. Сильное волнение, когда вижу его, слышу, да даже когда кто-то говорит о нем.

Во-вторых – Я начинаю судорожно соображать, как будто меня куда-то гонят.

В-третьих – Бросает в пот.

В-четвертых – Безосновательный страх.

Ну и в-пятых - несмотря на все, меня тянет к нему, как магнитом, как бы я не сопротивлялась».

«Судя по всему, да…, я его люблю. Хорошо, тогда представим, что он тоже меня любит и признается в любви. Что же будет?». И в ее голове, как будто в игре, встает непреодолимая преграда. Сознание блокирует дальнейшее развитие. Она насильно представляет момент поцелуя и понимает, что не хочет, и даже, более того, все ее существо сопротивляется такому развитию.

«Так значит, страх возникает не от любви!», - наконец сделала вывод Мишель, - «Страх реальный, я его боюсь и совсем не хочу видеть его своим парнем, человеком, с которым могла бы быть близка. Хорошо, а что значит трепет и волнение? Все началось у нас со взгляда, быть может, именно взгляд меня будоражит… нет, я опять запуталась. Близости не хочу, а смотреть хочу и испытываю при этом магнетизм. Не знаю, как это назвать, но точно не любовь, пусть останется под определением «влюбленность», причем первая!

Хорошо, с Герой, более или менее, разобралась. А почему я в принципе еще до новости о его приезде засомневалась в поездке? С друзьями все шло хорошо, даже слишком хорошо, с Матюшей…», - и тут она поняла… Матвей – это из-за него она не поехала!

«Я боюсь, что он меня переубедит, и я поеду поступать с ним. Я стою на перепутье, между ним и братом. Я должна сделать выбор. Их обоих я очень сильно люблю, даже анализировать не нужно, это настоящая любовь – чистая, святая, братская. И очень сильная. Какая из них сильнее, решить невозможно. Поэтому я и струсила. Но ведь можно было просто попросить

его не поднимать этот вопрос и все. Наслаждаться нашим с ним общением и дружбой. Мне так хорошо с ним, а без него я сейчас стою здесь и грущу. «Без него мне плохо!» … А что если… нет, не может такого быть… Нет, нет, только ни это… Я влюбилась в своего друга? Нет, нет, что за глупость пришла тебе в голову! Да, я хочу быть рядом с ним, мне приятно обнимать, целовать его… говорить, слушать, смотреть, да, все, что с ним связано, мне приятно… ну и что – он же друг!»

«А если бы он тебя поцеловал или признался … и тут она вспомнила все его слова за вчерашний вечер. Там были и «люблю» и «не могу без тебя», а этот его поступок – вынести ее на руках вверх по крутому склону. Она вспомнила каждое прикосновение и каждое его объятье. Ей вдруг стало так тепло от этих воспоминаний, что она даже на время забыла, зачем она все вспоминает и анализирует. Так приятно было воскрешать в памяти эти волшебные моменты. Фантазия не ставила ни блоков, ни запретов, но разум сказал: хватит, очнись – он просто друг. Если бы было что-то большее, он бы сказал, а он ни разу всерьез ничего подобного не говорил. Это одни лишь шутки. И все, хватит этих анализов, и так все ясно. Ты просто трусиха».

«Если и есть у тебя чувства больше, чем дружба, о них нужно забыть – иначе дружбе конец. Я ни за что не откажусь от него. Лучше уж всю жизнь дружить, чем после твоих откровений он уйдет и больше никогда не будет всего того, что сейчас между нами происходит. Нужно уметь наслаждаться малым, Мишель! Ты же понимаешь, что он тебя всерьез никогда не воспринимал и не будет воспринимать».

Однако сон, что снился ей всю эту ночь, опровергал все ее долгие выводы. Наутро она помнила лишь обрывки, но этого хватило, чтобы понять, какой сладкой могла стать для нее эта поездка. Там не было ни страха, ни сожалений о потерянной дружбе. Там было счастье признаний, после которых дружба не исчезла, она, наоборот, расширилась до степени любви. Детали сна улетучились, но ей было достаточно ощущений. И Мишель в это утро еще долго нежилась в них, не желая просыпаться. Хотелось растаять в этом сне, подаренным ей параллельной реальностью, но об этом было ведомо лишь ее Тени…

***

Не одна она в тот день ломала голову. Матвей тоже изрядно помучился, но ему ночи ждать не пришлось. Уезжая тогда на лодке от нее, он повернулся и до конца смотрел на берег, где стояла она. Матвей даже хотел остановиться и повернуть назад, еще раз попытаться ее убедить, но друзья его остановили. Внешне Матвей казался веселым, шутил и смеялся с друзьями, но в глазах стояла тоска. Суета подготовки немного отвлекала его, но окончательно успокоиться помогло другое. Спустя пару часов после их приезда к берегу причалила лодка с Ником и Стасом. «Ух ты. Не думал я, что буду радоваться тому, что тебя, Мишель, сейчас нет рядом. Обломайтесь!» - подумал он с ехидством. Непрошенные гости побыли какое-то время и удалились. По-видимому, не найдя того, чего искали, а точнее, «ту». После этого настроение Матвея значительно повысилось, и он уже не злился на ее упрямство, а просто пустил этот вечер по наклонной. Сколько было выпито и что было сказано, никто наутро не помнил. Одно он знал точно, пока она еще здесь, у него есть шанс ее переубедить. «Пусть это не случилось вчера, значит, случится завтра», - оптимистично думал он.

На следующий день Матвей подбил пацанов пойти искупаться с девчонками. Место было обозначено не случайно. По пути они собрали всю свою компашку, последним по дороге к реке был дом Мишель.

- Мишель, идем купаться! - заголосили они все вместе возле ее дома.

Услышав это, она от неожиданности подпрыгнула и молниеносно подбежала к окну. Перед ее домом стояла вся их компания с Матвеем в центре.

- Бегу, только одену купальник! - радостно крикнула им она и умчалась переодеваться.

Вся взволнованная, но до ужаса счастливая она бежала к ним, а если быть честной, то к нему.

«Он не злится на меня! Как такое может быть?!» - счастливо крутила в голове эти мысли Мишель.

- Привет!

- Привет! – раздались радостные приветствия вокруг.

В воде уже творилось невероятное. Все брызгались, падали в воду, мальчишки подбрасывали девчонок и те с визгом погружались под воду. Вся эта веселая заваруха смешила ее, пока она скидывала с себя халатик. И тут выбегающий из воды Матвей перекинул ее через плечо и тоже скинул в воду. Она оказалась в эпицентре всеобщего веселья. В этой кутерьме было не понятно, что происходит, но смех лился через край. Настолько весело было этим детям, что ни о каких взрослых чувствах тут и речи не шло. Детское дурачество зашкаливало, эмоции били ключом. Никто из этой кампании не чувствовал себя взрослым. А вот взрослые, проходя мимо, невольно смеялись над ними и с завистью вспоминали свое детство.

Эти веселые мероприятия стали повторяться каждый вечер, после выматывающего дня, состоящего из подготовки к вступительным экзаменам и физической работы. А ее было предостаточно в каждой деревенской семье: сенокос, огород, помощь по дому родителям, дрова, вывоз навоза, уход за скотиной - все это входило в распорядок дня практически у каждого. Возможно, поэтому все ребята были атлетически хорошо сложены, а девчонки стройны, без намека на лишний вес.

Накупавшись и навеселившись вдоволь, они, обсыхая, обсуждали новости и свои планы на будущее. Мишель и Матвей всегда сидели рядом и тоже рассказывали обо всем. Тут кто-то затронул тему поступления Мишель - ее намерений ехать в другой город.

- Зачем тебе это надо, смотри как классно нам всем. Давай с нами. Будем там все встречаться. Гулять по городу всей нашей компашкой.

- Где-то я это уже слышала, - усмехнулась она и покосилась на Матвея.

- Я тут ни при чем! Это общее здравое мнение! Сама смотри, не одному мне это в голову приходит. Пора прислушаться к голосу общественности. А может, устроим голосование? – засмеялся он.

- Я даже знаю число голосов «за» и «против», - ответила она, оглядывая окружающих.

- А мне интересно, будет ли голос против? – заинтригованно сказал Матвей.

- Давайте устроим голосование! – серьезно предложил он.

- А почему бы нет, давайте! - засмеялись все.

- Хватит устраивать клоунаду, пора по домам, - засобиралась Мишель.

И все следом за ней стали собираться.

- Не нравится моей Джоанне голос всеобщего разума. Боишься, что “Кошмаринск” однозначно проиграет?! - прошептал он ей на ухо.

- Хорошо, давай. Только голосование анонимное, без меня, и тебя, – поддалась Мишель.

- По рукам, - и он дал ей свою руку. Они пожали руки и объявили о принятом решении.

На следующий день эти двое пришли подготовленные. Раздав каждому по чистому листку и ручке, запустили голосование. Ребята вписали города и заполненные листки собрали. Настал момент подсчета голосов. Голосовавших было шестеро, из них пять голосов оказались за город, объединяющий всех, и один голос против.

- Интрига! - рассмеялся Матвей, - Но в любом случае итог меня устраивает, - заулыбался он, глядя на Мишель.

- Я приму к сведению … в момент принятия окончательного решения, - улыбнулась ему Мишель.

- Идемте купаться! - зазывающе махнул всем первый пловец.

И все побежали в воду. Мишель складывала ручки и листки, чтобы не сдуло. Матвей подошел к ней и тоже стал помогать.

- Посмотри на них. Они дурачатся, как дети! И ты такая же, одна из нас. Так зачем что-то менять? Нам всем хорошо вместе, и ты это знаешь!

- Это сейчас все так, пока мы сидим на шее у родителей, свесив ножки, весёлые и беззаботные. А потом все изменится.

- Так садись на мою шею и свесь ножки! Я готов тебя хоть сколько носить, - и он присел перед ней, - Забирайся!

- А вот возьму и сяду! - приняла вызов Мишель. - Посмотрим, как ты вывезешь эту ношу! Это тебе не четырёхлетний племяш! - засмеялась она.

- Я серьезно! – присел он.

Она с опаской подошла к нему и села ему на шею. Он обхватил ее спущенные ноги, встал и понес ее в воду. Погрузившись под воду, он резко скинул ее и тут же подплыл. Она смеялась, вытирая глаза от воды.

- Повторим? – подхватывая ее за талию и прижимая к себе, смеясь, сказал Матвей.

- Я смотрю, твоя идея пришлась по вкусу нашим! – поворачиваясь в сторону берега, смеялась она.

На берегу уже, один за другим, пацаны садили девчонок на шеи и бегом плюхались с ними в воду. Он тоже, не дожидаясь согласия, схватил ее на руки и вытащил на берег. Поставив как куклу на нос, рядом стоящей лодки, немного присел перед ней и сказал: - Залезай!

Она, без вопросов, вновь села на него, и они помчались в эту безумную кутерьму плещущихся взрослеющих детей.

Так проходили последние дни беззаботного детства. Почему, спросите вы, детства? Да просто только в детстве можно без оглядки отдаваться играм и забавам, ничего не боясь и полностью доверяя. Только в детстве есть это чувство заботливого крыла, под которым так легко и крепко спится. Только в детстве ты полон надежд и веры в счастливое будущее, где все точно сбудется и нет никаких преград.

Именно в этом упоительном состоянии они жили последние считанные дни, не отпуская и держась всеми силами за это чувство ускользающего детства.

Глава 11. Волчок фортуны или насмешка судьбы

Будильник разрывался от звонка, а сознание сопротивлялось просыпаться. Горькое чувство накатывало при каждом его дребезжании. Наконец, сонная рука заглушила источник раздражения, и Мишель начала медленно, протирая глаза, сползать с кровати.

Настал роковой день. С первых его минут она чувствовала усталость. Казалось, даже тень тянет ее назад за ноги, превратившись в пудовые гири. Время, отведенное для отдыха в ночные часы суток, не спасло ее воспалённый мозг. Он уже не мог отключиться… Она сгорела в собственных сомнениях, так и не добравшись до истины. И теперь ее тело тихо тлело в покорном движении вперед по пути родительского выбора. Казалось, она приняла все - и доводы, и планы, но это была лишь видимость, все внутри нее сопротивлялось.

Двигаясь по этому пути, она с рюкзаком своих терзаний следовала вместе с отцом на автобусную остановку. Подъехавший автобус быстро поглотил их и повез по знакомой дороге, в противоположном направлении от ее нарисованной детской мечты. И вот она уже сидит у окна, безучастно наблюдая, как автобус с каждым метром все сильнее вырывает ее корни из родной земли.

Мимо медленно проплывали горы, огибаемые нитью петляющей дороги, такой же разбитой, как и она сама. Автобус выехал из тени горы, и солнечный свет ослепил ее. Щурясь и прикрывая глаза козырьком руки, она снова видит, как перед ней начинает пульсировать воздух, от преломления солнца, образуя радужную оболочку портала, затягивающего ее всю… Голова болит от переизбытка чувств и тяжелой ночи, душа стремится вырваться из оков тела и пуститься в этот манящий сгусток энергии, что жадно хватает пролетающее в него время. Но тут ее зрение фокусируется на другой картине, что издевательски открывается перед ней. Автобус, только выехав на открытое место, останавливается возле небольшой поляны. Пробито колесо. Все выходят. Отец с остальными мужчинами идет на подмогу водителю, и они дружно берутся за работу. Мишель, как и все, ходит вблизи и вглядывается в распластавшуюся перед ней дорогу. Эта серая, бугристая змея ползет вверх, взбираясь изгибами на гору и там, на середине, раздваивается как змеиный язык. Одна часть дороги уходит в ту самую сторону, куда она могла бы сегодня ехать, туда, где живет ее брат… Другая часть дороги поднимается дальше в гору, стремительно удаляясь от детской мечты. Именно по ней после замены колеса, они едут дальше, оставляя выдуманное счастье позади. Мишель оглядывается и видит, как пульсирующий круг времени мягко гаснет, исчезая вместе с пыльной полосой дороги, что скрывается за склонившимися деревьями. Тяжело выдохнув, она понимает - это все… и горькое осознание никчемности накатывает на нее.

Ни разу в жизни она не поступала по-своему, так, как хотела она… Всегда, делая выбор, Мишель руководствовалась разумом, родительским наказом, общественным мнением, своим сформированным «Я», состоящим из скромности и неуверенности. Но сейчас в ней поднимался бунтарь, он впервые боролся с этим самым «Я» послушного ребенка, и чувство внутренней борьбы разгоралось в ней с каждой минутой.

Почему этот бунтарь проснулся именно сейчас? За всю свою жизнь она так и не нашла ответа на этот вопрос. Казалось, кукловод, что вел ее по жизни, указывая путь, вдруг выбросил все свои нити и ушел, оставив ее наедине с самой судьбой, что стояла и, лукаво улыбаясь, предлагала сыграть в случай, одним движением закрутив волчок фортуны.

В момент той игры она не думала ни о Матвее, ни о брате… Она лишь, затаив дыхание, смотрела на этот самый волчок, запущенный судьбой. Останови она тогда эту игру и в последний раз, взвесь все за и против, обдумай, прислушайся не к бунтарю, что скакал чертенком по ее разодранной душе, а к сердцу, которое всегда знает больше, чем разум, все могло бы быть

иначе. Но эту проверку она опустила, сочтя детские желания жить рядом с братом за далекую мечту.

Дикая усталость и резвый бунтарь существовали в ней одновременно. Как выдерживала она в себе все и сразу, известно лишь одному Богу. В дымке сознания она вышла из автобуса, и они вместе с отцом присели на скамейку, что была под козырьком автобусной остановки у переправы.

Крутясь по руслу реки, медленно, редкими рывками, выполнял свой маневр малогабаритный паром. За лопастями двигателя парома высокой бурлящей пеной кипела разрезанная река, оглушая шумом воды и ревом мотора зевак, которые облепили леерное ограждение и с любопытством наблюдали завораживающее бурление воды. Еле-еле выворачивая свой огромный нос, паром медленно подводился к берегу. Как только широкая часть носа, заполненная автомобилями, коснулась песчаной насыпи, швартовый выскочил на берег и с силой натянул канаты причального конца, надев их на специальные тумбы, торчащие на причале. Медленно опустился аппарель, неприятно проскрипев железом. Все это время в ожидании парома Мишель грустно наблюдала его неуклюжие маневры, и вдруг в ее голове порывом озорного ветерка пронеслась авантюрная мысль.

- Пап, а поехали к брату! Еще ведь не поздно все поменять.

- Дочь, ты что? Чтобы туда ехать, нужно было, как минимум, договариваться с машиной, ты же знаешь, наша-то в ремонте, а автобусы в ту сторону не ходят.

- Знаю…, - печально сказала она, осознавая всю глупость просьбы.

И тут вмешалась она – та самая злодейка судьба, что наблюдала за Мишель на протяжении всего этого дня и искала подходящего момента, чтобы сыграть с ней в свою игру под названием – Жизнь.

- А давай так! Сейчас с парома выезжают машины. Если первая остановившаяся машина едет до Обакана и нас берут – будь по-твоему, едем к твоему брату, а если она едет в другую сторону, то мы идем на паром и следуем утвержденному плану. Хорошо?! – с полной уверенностью, что обакановских машин в этой стороне практически не бывает, предложил отец.

- По рукам! - обрадовалась Мишель и пожала папину руку.

В это самое время швартовый в рыжем спасательном жилете, махнув рукой, дал машинам сигнал выезжать. Одна за другой, не спеша, сползали с железного помоста и, шурша шинами по насыпи, выезжали на дорогу автомобили. Отец вытянул руку, пытаясь как можно быстрее закончить эту авантюру и, наконец-то, успокоив дочь, двигаться дальше по выстроенному плану.

Но машины не останавливались и проезжали мимо. Отец хотел было прекратить эту глупую игру и идти на паром, но, замешкавшись, увидел, что с парома уже съезжает последний автомобиль, и решил довести игру до конца. Он вытянул правую руку, а левой уже закидывал рюкзак себе на плечо, всем телом приготавливаясь стартануть на паром, но, к их общему удивлению, автомобиль неожиданно притормозил и подъехал к ним.

- Вы случайно не в сторону Обакана? – спросил он водителя.

Что это? Игра дьявола и ангела? Почему здесь, на автобусной остановке, они решили крутануть волчок судьбы? Неужели ей не хватило смелости сделать свой собственный выбор, тот, что всегда она принимала, исходя из разума, преклонения и уважения перед родителями? Почему именно здесь, на развилке двух дорог, они доверились воле случая, а не голосу разума или сердца? Потусторонний, невидимый и смеющийся призрак судьбы уже раскручивал перед ее глазами портал, запуская течение времени, за границами которого, совсем скоро должна начаться четвертая ветка, но какой она будет, никто не знал. Время замерло в ожидании ответа водителя.

***

В таком же нетерпении стояла перед ними и наша путешественница-Тень. Как же ей хотелось сейчас остановить этот волчок, призвать задуматься эту поникшую девчонку, с красными усталыми глазами. Но нет, она не имеет права менять судьбу, она лишь наблюдатель. И вот настал тот самый момент, когда Мишель закрыла глаза и оперлась на спинку скамейки. Сознание, что на мгновение покинуло ее, отпустило душу, которая уже давно рвалась из этого тела. Стремительным рывком она влетела в круговорот времени, чтобы тот расщепил и унес с собой ее маленькую частичку. Переход закончен, и душа, что осталась в реальности, не спеша вернулась в это усталое тело.

Тень печально посмотрела на поникшее тело и тоже шагнула в портал, в надежде на то, что здесь она сумела все исправить.

Глава 12. Четвертая ветка Древа жизни

12.1. Русская рулетка в руках удачи

Последняя машина медленно съезжала с аппарели парома. Проехав метров пять, она вдруг дернулась и с шумом остановилась. Водитель в спешке вышел и нервно быстрым рывком открыл капот. Клубы дыма взмыли жарким потоком воздуха прямо в его лицо. Пар обжог руки и лицо. Нецензурная брань не менее стремительно, чем клубы пара, вырвалась из водителя навороченным потоком оборотов.

- Ну все, приехали… - глядя на матерящегося мужика, сказал отец, - Что стоишь, бери рюкзак и бегом на паром!

И наши “игроки”, обвешавшись сумками и рюкзаками, помчались к парому мимо раскрасневшегося от досады водителя. Машин на этом берегу совсем не было, и швартовый уже приготовился поднимать аппарель, как вдруг услышал крики бегущих пассажиров.

Запрыгнув в «последний вагон» готового к отплытию парома, Мишель громко рассмеялась. Встряска от пробежки, после глупой авантюры и изматывающих сомнений, выплеснулась бурей положительных эмоций. Да, Мишель отчетливо понимала, что радовалась поражению, но ей в эту минуту почему-то было так хорошо. Долгие месяцы сомнений остались позади, больше нет ни терзаний, ни мук. Выбор сделан! И, как ни странно, он ей нравился.

- Первым делом нужно заехать в районо, забрать направление. Будешь династию сельских учителей продолжать в родном поселке! - гордо произнес отец, тоже выдохнув после этой «русской рулетки».

Такая участь ее мало прельщала, но на этот раз Мишель решила промолчать.

Забрав направление из районо, Мишель с отцом сразу направились на автовокзал. Как и с паромом, они в последнюю минуту запрыгнули в отправляющийся автобус. Пробираясь по узкому проходу между кресел, Мишель всматривалась в билеты в поисках своих мест. Места их оказались, хоть и на одном ряду, но по обе стороны от прохода. Делать нечего, Мишель засунула на верхнюю полку свой рюкзак и села справа от прохода. Соседом был коренастый парнишка в бейсболке, который увлеченно смотрел в окно. Усаживаясь в кресло, Мишель нечаянно задела его локтем и извинилась.

- Да ничего, мне от тебя и побольнее прилетало! – усмехнулся он и, скалясь, повернулся к ней.

- Арсений! – удивилась она, -Ты тоже поступать едешь?

- Нет, - и он снял свою бейсболку оголив бритый череп, - я в армию!

- Не слышала, что ты собирался…

- Так я и не собирался, - все так же усмехался он, - меня «собрали». Я же вас на год старше, так что повестка не заставила себя ждать. Как выпустился из школы, милости просим!

- Нужно было поступать, была бы отсрочка, - сказала Мишель.

- Нет. Я лучше сразу отмотаю, а потом спокойно жить буду. Тем более, совсем не понимаю, куда мне идти учиться, - ответил Арсений.

- Ясно… - завершила их разговор Мишель, и уже почти погрузившись в свои мысли, вдруг встрепенулась в немом удивлении и не смогла скрыть этих эмоций…

- Так значит, вчера у тебя были проводы? - не выдержала она и продолжила диалог.

- Да, – спокойно сказал он, но с ехидством наблюдал за ней.

В ее глазах читался немой вопрос: «… но почему он меня не пригласил? Все последние годы бегал за мной, а уходя в армию, даже не позвал на проводы!»

- Ты бы не пришла! – усмехнулся он.

- Что… Ты о чем? – старалась показать она, что не понимает его.

- Да на твоем лице все написано, - все подтрунивал он, - Я же вижу, что ты гадаешь, почему не позвал.

- Допустим… - решила отступить она из любопытства.

- Ну, первое, я уже сказал, ты бы все равно не пришла. Не особо ты меня баловала своим вниманием последний год. Ну, а второе, я же на два года ухожу. Остаться без лакомства я не мог. Не ты, так другие готовы обласкать и утешить призывника. Так что у меня все хорошо. Получил все, что хотел, без лишних страданий.

- Ну ты и подлец, конечно, Арсений… Обманул девчонку и довольный. А какого сейчас этой бедной девушке, ты не подумал? Эгоист…

- Ну, почему сразу обманул? Может, я после армии вернусь и женюсь на ней. Кто его знает.

— Это мерзко… - отвернулась она от него.

- Ну, не у всех такая нежная и пламенная любовь, как у вас. Кто-то и сорванными плодами наслаждается.

- У кого это у нас? – не поняла она.

- Ой, не прикидывайся… Все всё знают.

- Что знают? – все больше не понимала она.

- О вас с Матвеем, - раздражённо рявкнул он.

- О нас с Матвеем? – удивилась она. - Так-так, ну-ка, рассказывай, что за сплетни ходят?

- Почему сплетни? Ты же не будешь отрицать, что вы пара?

- Буду. То есть мы пара, но дружеская. Мы много лет вместе дружим, и это ни для кого не секрет. Но ты же мне говоришь про другое.

- Ага, и морды бьет он из-за тебя тоже по дружбе! - рассмеялся он, - И на руках носит тоже по дружбе, и каждый день на другой конец поселка купаться бегает тоже по дружбе! Ну, хватит уже, Мишель, из меня дурака делать. Не понимаю…, ну, вместе вы, так и не скрывайте этого. А то детский сад какой-то. Ходят за ручку, но всем вокруг твердят в два голоса: “Нет, что вы. Мы просто друзья”, – хохотал он.

- Да ну тебя! – обиженно надула губки она и снова отвернулась.

- Ладно, не обижайся, - подтолкнул он ее локтем, - я не со зла, просто все и правда выглядит, мягко говоря, не по-дружески. Мир? – и он подставил мизинчик.

Она посмотрела на его руку и неторопливо взялась своим мизинцем за его.

- Мир! – ответила она.

- Расскажи хоть, как вчера погуляли и кто у тебя был? Историю с девушкой можешь опустить.

И Арсений принялся рассказывать все, что вчера у него происходило. Эмоционально, в шутливой форме он передавал атмосферу веселья, которое творилось сначала у него дома, а к ночи перекочевало на берег реки. Они оживленно болтали всю дорогу. А прибыв на вокзал, обнялись и расстались добрыми друзьями, пожелав друг другу удачи.

Заселившись у родственников и немного передохнув, Мишель с отцом направились в Пединститут подавать документы. Закончив все бюрократические тонкости и узнав даты и места сдачи экзаменов, отец на вечернем автобусе уехал назад, оставив дочь в кругу семьи ее родного дядюшки.

Дядя Вова был братом ее мамы и жил в центре города, в просторной четырехкомнатной квартире вместе с женой и тремя дочками. Старшая, Мирослава, была ровесницей Мишель и, наверное, поэтому самой близкой и понятной для нее. Средняя, Инга, была младше их на три года, а маленькая, Аня, была совсем еще малюткой, ей было всего четыре года. Мишель любила проводить с ними время, ведь она росла в одиночестве, в тоске по брату. А здесь ее

ждали аж три сестры. Шумные, веселые, они всегда были рады приезду Мишель. Часто по вечерам они уводили ее с собой на прогулки, вводя в свои огромные компании. Радушие и гостеприимство этой большой семьи удивляло. Казалось, их и без того много, но они всегда с распростертыми объятьями принимали всех родственников, посещающих столицу региона. Так и сейчас Мишель не чувствовала себя лишней, наоборот, тепло и энергия заряжали ее в этом доме.

День за днем, оторванными листами календаря отщелкивались экзамен за экзаменом, чередуясь с днями подготовки и зубрежки. Перед последним экзаменом по устному английскому языку Мишель выбралась в ближайший парк. Там, расстелив плед на полянке, она сосредоточено заучивала тексты по темам, что должны были быть на экзамене.

- May I sit with you? – произнес проходящий мимо нее высокий худощавый парень.

Мишель растерянно посмотрела на него и невольно ответила на английском, - Yes.

- You are English? – подсаживаясь к ней на плед, спросил незнакомец.

- Oh, no, I am Russian, – засмеялась она.

- Классное у тебя произношение. Я был в Англии. Тебя бы там приняли за свою. Очень похожий акцент. – улыбнулся он.

- Меня Олег зовут, а тебя? – протянул он ей руку.

- Я – Мишель, – и она пожала его руку.

- Очень рад знакомству, - мило улыбнулся худощавый парнишка, - Ты к английскому готовишься? - разглядывал он ее разложенные по пледу листы с текстами.

- Да, завтра экзамен. Очень боюсь завалить. Тексты-то я выучу, а вот если полетят дополнительные вопросы, боюсь опозориться и не понять или ответить невпопад, - призналась Мишель.

- А хочешь, я тебя поднатаскаю. Я уже на третьем курсе инфака, знаю, что любят спрашивать преподы.

- Ой, это было бы здорово! – чуть не хлопая от восторга в ладоши, подскочила воодушевленная Мишель.

И они принялись оттачивать вопросы по каждой из ее тем. Время пролетело незаметно. В парке начали загораться фонари, и наша парочка начала собираться.

- Может, еще посидим в кафе, ты, наверное, голодная? – предложил Олег.

- Нет, спасибо. Боюсь, меня дядя уже потерял. Я не планировала допоздна здесь сидеть. Спасибо тебе большое, что позанимался со мной. Было приятно познакомиться! – протянула она ему руку на прощание.

- Да не за что. Обращайся. Буду рад помочь. Подожди минутку… - и он, вытащив из сумочки блокнот, вырвал там листок и что-то записав, протянул его ей.

Мишель взяла и молча прочла адрес и телефон.

- Если вдруг захочешь еще позаниматься, звони, приходи! – улыбнулся Олег.

- Спасибо, - ответила Мишель и положила листок в свою сумку.

- Удачи тебе! Буду завтра держать за тебя кулачки! Пока! – улыбнулся он ей на прощание и помахал, уходя в даль.

- Пока! – ответила она немного смущенно и пошла в свою сторону.

Эту ночь Мишель отвратительно спала. Казалось, голова распухла от напряжения. Мысли кружили без конца. Страх и волнение не стихали. Последний экзамен. Самый важный. От его результата будет зависеть ее судьба. Да, на случай полного провала есть так называемый «парашют» в виде направления из районо, но этот парашют может ее и потопить. Если она к нему прибегнет, то будет обречена целых пять лет работать в поселке. А этого ей уж очень не хотелось. Ведь ее мечты и цели далеки от работы в деревенской школе учителем… Выпив чашку крепкого кофе, она вышла к своей судьбе навстречу, проговаривая по дороге все заученные темы.

И вот подошла ее очередь заходить в аудиторию. Ноги еле шли, руки обливались потом, голос дрожал. И тут где-то сзади она услышала знакомый голос ее нового приятеля:

- You will do it fine, Michelle! – крикнул Олег, воодушевляя ее и придавая сил.

Мишель вошла в аудиторию. Выдохнув и переведя дыхание, она спокойно, не забывая о правильном произношении каждого английского слова и звука, представилась. Продолжая английскую речь, председатель комиссии попросил ее выбрать билет. Мишель легкой рукой вытянула свою любимую тему - рассказ о Лос-Анджелесе. Город, который она обожала по многим причинам, но главной, конечно же, было то, что там проживал ее кумир – Бари Рекстон. Мишель отчеканила весь рассказ и, закончив, замерла в ожидании вопросов. Члены комиссии переглянулись и неожиданно для нее стали задавать вопросы на совсем отвлеченные темы. Мишель просили рассказать о семье, о месте, откуда она родом, о причине поступления именно к ним. Мишель понимала вопросы, но с трудом могла понять их причину. “Что они этим хотят выяснить?” - недоумевала она. Ответы в большинстве своем дались ей легко. Мишель отвечала правдиво, но вот дойдя до последнего вопроса, о причине поступления, она на мгновение замолкла. Мишель судорожно соображала. “Что же мне сказать? Правду о своей мечте жить в Лос-Анжелесе и легко общаться с Бари или закостенелую фразу о любви к английскому языку?” - размышляла Мишель. В итоге ее выбор пал на второй вариант.

- Excellent! – произнесли преподаватели и отпустили Мишель.

Она вышла с двояким, пограничным чувством радости. Еще не понимая, сдала она или нет, Мишель испытывала растерянность вперемешку с чувством победы. Единственное, в чем она была уверена, это то, что она сегодня сделала все, на что была способна. Это был ее максимум, ее потолок. И теперь только людям, сидящим за этой дверью, решать, достаточен ли потолок ее знаний для звания студента или нет.

Тут к ней подошел тот самый Олег, что стал ее помощником в этой борьбе за право быть частью студенческого братства.

- Ну как, рассказывай? Ты их «порвала»? – улыбнулся он, пытаясь привести ее в чувства.

- Я не знаю, - ответила она, пожимая плечами.

- Что они сказали? Они задавали те вопросы, которые мы вчера отрабатывали?

- Ни одного, - грустно произнесла она…

- Как ни одного? – удивился он. – А какая тема тебе попалась?

- Лос-Анджелес…

- Странно, и что они ничего не спросили про этот город?

- Нет, - тихо произнесла она.

- А что-то вообще спрашивали после рассказа?

- Да. Они просили рассказать о себе, о семье и о месте откуда я родом. И о причине поступления.

- Ну? А ты?

- Я рассказала, но вот на последний вопрос, мне пришлось соврать… мне кажется они догадались.

- О чем ты? Не понимаю…

- Я поступаю, чтобы выучить язык…, чтобы свободно разговаривать с …

- С кем? – ждал продолжения Олег.

- Не важно… Я им просто ответила, что мне нравится английский и все.

- Ты молодец! Для них этого достаточно, поверь. И для меня тоже… Но, если захочешь как-нибудь поговорить по душам, я не против, - подмигнул он ей и потянул в сторону выхода.

- Олег, мне нужно домой. Я обещала сразу после экзамена позвонить родителям. Они беспокоятся.

- Хорошо, я провожу тебя до дяди. Если ты, конечно, не против?

- Не против, - улыбнулась она. Они вышли из института и направились к ближайшей автобусной остановке.

- Завтра должны вывесить списки поступивших, – начала она, усевшись в автобус.

- И как планируешь отмечать поступление? – интересовался он.

- Билетом на автобус домой! – усмехнулась она.

- Оригинально! – улыбнулся Олег.

- А если я приглашу тебя перед этим в кафе, согласишься со мной посидеть?

- Прости, но боюсь я не успею на автобус.

- И что ты так просто уедешь завтра? – недоумевал Олег.

- Да. Но в конце августа приеду. Должны общагу дать. Если я, конечно, вообще поступила.

- Ты же говорила, у тебя есть «парашют».

- Да, но и есть право воспользоваться им или нет.

- Ты что, хочешь забрать направление, если сама не пройдешь? – удивился он.

- Я еще не решила… не хочу пока об этом думать. Вот увижу списки и буду принимать решение, а пока надо выдохнуть. Я сильно перенервничала. Я бы не против сегодня вечером погулять, насладиться еще городом перед отъездом. Составишь мне компанию? – предложила она, уверенная в том, что он согласится.

- Вечером у меня дела. Я освобожусь часов в девять и заеду за тобой.

- Нет, это слишком поздно, - отказалась она.

— Это детское время, Мишель. Погуляем, заглянем на какую-нибудь дискотеку, потусим, соглашайся!

- Нет, Олег. Прости, я не могу.

- Жаль… - ответил Олег.

- Моя остановка, я побежала, - готовая сбежать сию секунду, направилась к выходу Мишель.

- Я с тобой, провожу тебя до дома… можно?

- Можно, - улыбнулась она.

И они дошли до ее подъезда.

- Позвони, как вернешься в августе, если завтра не увидимся.

- Хорошо, Олег. Спасибо тебе большое! Пока!

- Пока! – помахал он в след убегающей Мишель.

Дверь подъезда за ней захлопнулась, оглушив и развеяв его мысли о продолжении их прогулки, с плавным перетеканием в утро завтрашнего дня. «Какая стремительная! Совсем не понимает намеков и ухаживаний. Похоже, не целованная провинциалка попалась!» - усмехнулся он и зашагал назад к остановке.

12.2. Счастливые ритмы сердца

Разувшись на крыльце и пройдя всю веранду на цыпочках, Мишель, крадучись, вошла в дом и заглянула на кухню. Там, возле плиты, крутилась мама, готовя суп.

- Поступила!!!! – закричала она во все горло оглушая и пугая мать.

- Господи! Ты что так пугаешь, чуть сердце не выпрыгнуло! - держась за грудь, пыталась отдышаться от испуга Татьяна Ивановна.

- Мама, я поступила! – нараспев радостно тянула Мишель, обнимая маму.

- Доченька моя! Молодец. Направление пригодилось?

- Нет, я сама поступила, представляешь, сама!!! Я прошла!!! – ликовала она.

- Ой, как хорошо, а то я боялась, что тебе тут места не будет… Наши-то англичане далеко не пенсионеры и уезжать не планируют.

- Все в порядке. Я потом смогу работать, где захочу! – радовалась она.

- Мама, я такая голодная, супчик скоро будет готов? – принюхивалась она, заглядывая в кастрюлю.

- Скоро, скоро. Иди пока отца обрадуй. Он в огороде. И приходите потом, руки мойте.

Усевшись за стол, она долго и страстно все рассказывала. И про сами экзамены, и про нового приятеля, что помог ей, как минимум, морально с последним экзаменом, и про дядю Вову и его семью. Рот Мишель не закрывался, эмоции лились через край.

- Расскажи-ка нам поподробнее про этого мальчика? – заинтересовался отец.

- Зовут Олег. Учится он тоже в пединституте, на третьем курсе. Рассказывал, что на втором по обмену ездил в Англию. Он местный. Мне показался очень умным, добрым и спокойным мальчиком. Воспитанный и деликатный, – вспоминала она все, что успела узнать и заметить.

- Хороший вроде парнишка, – оценивающе произнес отец.

- Доверяй да проверяй! Городские они ушлые. Смотри в оба, дочь, - не доверяла мама.

- Мне что, с ним детей крестить? – смеялась Мишель, - Мы просто общаемся, и все.

- Ну, это сначала одни разговоры, а потом в подоле девки приносят, то одна, то другая… И без мужика воспитывают. Не знают, как прокормить дитё. Будь поумнее! – напутствовала мать.

- Какие подолы, ты о чем, мам? Мне учиться нужно, а не романы крутить! – здраво подходила Мишель к своему будущему.

— Вот это правильно! Надеюсь, до конца института ты это будешь помнить! – рассмеялась мама.

- Я твоих видела. Ксюша с Лизой поступили. Вчера тебя кричали купаться. Я выглянула в окно, сказала, что сегодня приезжаешь.

- А Матвей не приходил?

- Нет, его не было. Артем с Максом с ними были. Парни тоже поступили, правда, Артем не в институт, в училище документы подал.

- Молодцы! Созвонюсь с девчонками, может, вечером на дискотеке соберемся, – пылала счастьем Мишель.

Приведя себя в порядок, накрасившись и облив себя духами, Мишель вышла на улицу. Фонари горели через один, освещая темные улочки ее родного поселка непропорционально. За перекрестком ее ждали Ксюша с Лизой. Вся счастливая, она вошла в темный участок улицы, где между фонарями метра три была кромешная тьма. И только переступив границу этого темного тоннеля, в котором глаза со света, в первые секунды абсолютно ничего не видели, она попала в чьи-то сильные объятья. Поцелуй теплых губ подкосил ее ноги, забрав все силы для сопротивления. Приятные, нежные, они так ласково целовали ее, унося в безумный мир наслаждения, как вдруг она услышала голос ждавших ее подруг.

- Миш, ты идешь? – кричала Ксюша из-за поворота.

Человек, только что обнимавший и целовавший ее, исчез, как призрак, растворившись в темноте. Она с минуту стояла молча, не понимая, что сейчас произошло. Кто это был, и почему он ушел? И был ли он вообще или ей это все причудилось? Она не торопилась выходить из темноты, пытаясь привыкнуть к ней и разглядеть призрачного незнакомца, притаившегося где-то рядом. Она понимала, что если это не призрак, то он должен быть где-то здесь и она его увидит. Девчонки нетерпеливо продолжали кричать ее.

- Да, я здесь, уже бегу! – крикнула она им, идя на хитрость. Она была уверена, что он вскоре проявит себя, но ни единого звука не послышалось. Мишель еще раз оглянулась по сторонам. Рядом никого не было. «Обследовать бы обочины и за деревьями», - подумала она, но нервные крики подруг остановили ее. Еще раз напоследок она напрягла зрение и обвела все

взглядом. «Странно. Никого нет. Неужели я схожу с ума. Переутомление творит невероятное» - решила она и зашагала в сторону голосов.

«Конечно, это моя выдумка», - продолжала она размышлять по дороге на дискотеку, - «Разве поцелуи могут быть такими? Это же было как какое-то волшебство, совершенно неземное чувство. Первый мой нечаянный поцелуй был совсем другим. Да, я чувствовала губы и трепет, но это было не особо приятно, ново, да, но не сладко, как сейчас. Поэтому такое могло произойти только в моей голове, а не на самом деле» - мысленно заключила Мишель.

Дискотека была в самом разгаре, когда они втроем шагнули на танцпол. Мишель уже переключилась на музыку и с радостью наслаждалась этим вечером. Все ее одноклассники выглядели счастливыми, да и как по-другому - они тоже поступили.

Духота вывела всю их компанию на улицу при первом же медленном танце. Собравшись, как обычно, за клубом, парни достали бутылочку горячительного, а девчонки закуску. Это были и яблоки, и конфеты с печеньками и что-то еще. Поздравляя друг друга, они шумели и передавали по кругу крышечку от бутылки, заменявшую рюмку. Мишель, морщась, выпила свою «рюмку» и, размахивая руками от жгущей горло водки, просила закусить. В этот момент, не заметив подходившего сзади Матвея, она с размаха зарядила ему рукой по носу.

— Вот так, подходи к ней…, она сразу драться! – рассмеялся он, чмокнув повернувшуюся подругу. Мишель, сделав это как всегда машинально, вдруг отпрянула от него, пристально вглядываясь в него.

- Ты что, Мишель, призрака увидела? - начали смеяться над ней одноклассники, заметив ее странную реакцию.

- Почти… – тихо произнесла она, продолжая вглядываться в его глаза. Он же быстро отвел их и прошел в круг, чтобы поприветствовать остальных.

- Матюш, ты откуда такой? – рассмеялась Лиза.

- Какой? – удивился он.

- Надухаренный, причем явно чувствуются женские нотки, - подмигнув подругам смеялась Лиза.

- Ты что придумываешь! - вдруг начал оправдываться Матвей, - Я своим одеколоном пользуюсь.

Подошедшая к нему Ульяна, тоже чмокнув, принюхалась: - Да, женскими духами пахнет, знакомый какой-то запах! - начала рассуждать она.

- Да ну вас. Идемте лучше танцевать. Пойдем, Мишель, первыми, а они пусть тут все вынюхивают, - рассмеялся он. И взяв Мишель за руку, уволок в клуб.

По дороге она чувствовала, как его рука сжимает ее, поглаживая и внося трепет в ее душу. Она невольно приближалась к нему и тоже стала принюхиваться, пытаясь услышать женские духи, но кроме своих, другого женского аромата она не чувствовала. «Слабые «нюхачи», наверняка, приняли его запах за женский, а это просто более мягкий мужской аромат» - решила она и успокоилась.

- Ты вся сияешь! Поступила? – кричал он ей сквозь музыку.

- Да! – улыбалась она ему, - А ты?

- И я поступил! Поздравляю, моя Джоанна! – и он обнял ее, выражая свою радость.

И вновь она почувствовала, как непонятное волнение заставляет ее сердце биться с дикой силой. Его объятья показались ей такими знакомыми, как будто это уже было с ней. «Дежавю» - подумала она, невольно вглядываясь в его глаза.

- С тобой все нормально? – заметив ее подозрительный взгляд, произнес он.

- Да, просто показалось… - ответила она, прогоняя мысли, что засели в ее голове.

- И что же показалось, моей Джоанне? – продолжал кричать он, перекрикивая музыку.

- Да так, ерунда, не бери в голову, - отмахнулась она от его вопроса.

И тут поставили медляк. Он протянул к ней руки, она приблизилась. Только почувствовав его тело, она вдруг резко развернулась и выбежала на улицу.

Он перепугался и бросился за ней.

- Мишель, Мишель, стой! Что с тобой? – кричал он испуганно.

Она же, выбежав из клуба, присела на последние ступеньки широкой лестницы. Сердце билось настолько сильно, что она как рыба стала хватать воздух, но воздуха не хватало. Перебои в сердечном ритме не давали ей возможности нормально дышать, и она закашливалась… От нехватки кислорода тело ее стало непослушным, и она завалилась на вовремя подбежавшего Матвея. В последнюю секунду он подхватил ее и, усевшись рядом, дал ей опору.

- Мишель, что с тобой?

- Не знаю… Подобное бывало, но не так сильно. Обычно я не падаю… - она пыталась выровнять дыхание, чувствуя, что сердце временами бьется рывками. Она дышала медленно и, наконец, дыхание пришло в норму, как и сердечный ритм.

- Я перенервничала. Нельзя мне столько чувств сразу, – рассмеялась она, все так же облокотившись об него.

- Вот сейчас прохожие, глядя на нас, продолжат раскручивать ходящие о нас сплетни… - смеялась она.

- Какие сплетни?

- Мне Арсений рассказал, что все вокруг считают нас с тобой парой. Не дружеской, а настоящей, представляешь, - улыбнулась она, поворачивая к нему голову.

- Ну и пусть считают, я не против, а ты?

- И я. Пусть думают, что хотят, - снова улыбнулась она, но сердце было не согласно и выдало ей новый бешенный ритм, отчего она отпрянула от него, схватившись обеими руками за грудь, и замерла.

- Тебе надо домой, лечь. На сегодня танцев хватит, – и он быстро поднял ее на руки и понес в сторону дома, только не ее, а своего.

- Ты куда меня несешь? - удивилась она.

- Я же сказал, домой, – спокойно ответил он.

- Матвей, поставь меня, это не смешно, – надулась она.

- Моя мама врач. Она сейчас померит давление, послушает тебя, даст таблеточку, и все будет хорошо. Останешься сегодня у меня. Родителей твоих я предупрежу.

- Матвей прекрати, отпусти меня, – и она начала высвобождаться из его сильных рук.

Он поставил ее на землю и взял за руку.

- Доверься мне, все будет хорошо. Тебе нужна помощь. Мой дом ближе твоего, да и мама врач. Представь, что ты идешь на прием к врачу.

- Ага, ночью с парнем, уносящим ее на руках в его же дом. Ночью!!! Ты хоть понимаешь, что со мной будет наутро? Лучше уж умереть, чем пережить этот позор, – серьезно посмотрела она ему в глаза.

- Прости, Мишель, я идиот… Но, когда с тобой что-то происходит, я забываю обо всем. Я боюсь тебя потерять, и мне плевать на то, что скажут. Тем более, для всех мы и так пара, так давай и будем вести себя, как пара.

- Не все так просто с девичьей честью… Потерять ее легко, а восстановить уже невозможно. То, что нас вместе видят на людях, держащимися за руки, это одно, а то, что ты предлагаешь, это совершенно другое. Ты ведь сам понимаешь, какой это будет позор. Я ни за что не пойду к тебе и точка.

- Ладно, твоя взяла. Идти можешь?

- Могу. Сердце успокоилось.

- Ну, слава Богу! Я провожу тебя до твоего дома. Это хоть можно сделать? – усмехнулся он.

- Это можно! – взяв его под руку, прижалась к нему она.

По дороге они рассказывали каждый про свое поступление. Матвей, безумно радостный от того, что они все-таки будут учиться в одном городе, постоянно дурачился и смешил ее. В конце пути она напрочь забыла про свое недомогание и безудержно смеялась над его шутками. И тут они подошли к месту, где по дороге на дискотеку с ней случилось это призрачное наваждение. Они оба замедлили шаг, как будто боясь, что, ступив в эту тьму, они уже не выберутся из нее прежними… она изменит их…

- Ты хочешь попрощаться здесь? – спросил он, перед входом в эту темноту, несильно сжав ее руку, с каким-то трепетом в голосе и учащенным дыханием.

- Нет… - еле слышно ответила она и сделала шаг вперед.

Еще один шаг, и темнота поглотила их. Они одновременно остановились, и повернулись друг другу, взявшись за руки…

— Это был ты. Я знаю! - снова учащалось биение ее сердца, и она положила свои ладони на его грудь, а он обхватил ее тонкую талию и молча приблизил к себе, заключив ее тело в свои сильные объятия. Мягкие губы нежно, как касание ветра, прикоснулись к ее губам. Чувство безумного счастья затуманило ее голову. И она растворялась в этом сладостном долгожданном поцелуе, что отрывал их души от земли, унося далеко-далеко в космос парить среди падающих звезд. Их ненасытная жажда не отпускала друг друга. Они готовы были прожить свою жизнь здесь и сейчас, лишь бы не кончался, не останавливался этот волшебный сладостный миг их признания.

Но от времени не убежать, и его течение волнами событий захлестывает, а порой и переворачивает лодку человеческих судеб. Так и их поцелуй был высвечен фарами наглых мотоциклистов, что рассекали по улицам поселка после бурного и пьяного веселья. Матвей только и успел оттолкнуть Мишель с дороги, взяв на себя удар, а сам попал под колеса одного из этих безбашенных гонщиков. Визг колес и скрежет металла об асфальт, и вновь темнота.

- Матвей! – бросилась она в сторону, где он лежал, ощупывая в темноте мокрый асфальт.

- Я здесь, Мишель.

И она, двигаясь на его голос, нащупала его лежащим неподвижно на асфальте.

- Ты как? – напряженно ощупывала она его ноги и руки.

- Что-то с ногой… очень больно в лодыжке.

На свету мотоциклист тоже стонал, но Мишель с ненавистью посмотрела в его сторону и поднялась.

- Матвей, я сейчас. Не шевелись.

Она подошла к мотоциклу и подняла его, развернув так, чтобы свет фар падал на место, где лежал Матвей. Мотоциклист в это время стянул с себя шлем. Им оказался Гера.

- Ты?! Ненавижу… как же я тебя ненавижу, - пнула пьяное размякшее тело взбешенная Мишель.

Стас был очень пьян, он еле-еле приподнялся и сел, вглядываясь в ее лицо.

- Мишель. Я не хотел…, правда! - извинялся он, опустив глаза.

- Что ты за человек! – презрительно посмотрела она на Стаса. – Побудь с ним, пригляди, пока я хожу за помощью. И не вздумай сбежать! - направляла она его внимание на Матвея.

- Он пьян, Мишель, оставь его, – сопротивлялся Матвей такому помощнику.

- Я должна быть уверена, что ты не один, пока я бегаю за отцом, – обратилась она к Матвею.

Быстро добежав до дома, она разбудила отца, на ходу объясняя, что случилось. Вместе выбежав на улицу, они разделились. Отец открывал гараж и выгонял машину, а Мишель, взяв дома чистые простыни и короткие доски, побежала к Матвею. Быстро подогнав машину, отец вместе с Мишель наложил шину, зафиксировав место возможного перелома. Затем они уже

втроем, приняв помощь немного протрезвевшего Стаса, аккуратно уложили Матвея на расправленное переднее сиденье, соединенное в изголовье с задним.

- Ты едешь сейчас к родителям Матвея и рассказываешь о случившемся, а мы прямиком в райцентр, в больницу, - приказным тоном обратилась Мишель к Стасу.

- Не надо им рассказывать, что это был ты. А лучше вообще не упоминай мотоциклы, скажи, что я упал с дерева, - уточнил Матвей.

- Ты хочешь оставить все это безнаказанным? – удивилась Мишель, со злобой глядя на Стаса.

— Это наше личное дело, мы сами разберемся. Вы же никому не расскажите, Леонид Викторович? - обратился он к отцу Мишель.

— Это твое решение, Матвей, как скажешь, так и будет.

- Спасибо, Леонид Викторович.

- А я бы так не оставила, - злобствовала Мишель, - он чуть не убил тебя, он должен понести наказание.

- Он уже наказан, Мишель, - и Матвей ласково посмотрел ей в глаза, взяв ее за руку.

- Так ты выполнишь мою просьбу? - обратился он к Стасу.

- Выполню, - злобно произнес он, перехватывая их взгляд.

И они разъехались. В больнице Матвея сразу принял дежурный врач, а через десять минут уже направил в отделение хирургии. Вскоре подъехали родители Матвея. Им, как близким родственникам разрешили его увидеть, и они тут же побежали к сыну. Мишель же не пускали. Она не находила себе места, кружа в пустом коридоре приемной. И тут в дверях показался Гера.

- Ты-то что тут делаешь? – удивилась Мишель.

- Ты меня совсем за подонка бесчувственного держишь? – серьезно посмотрел он на нее.

- А разве это не так? – не унималась Мишель, обозлившаяся на него, - будь моя воля, я бы своими руками тебя придушила за это. А он еще тебя выгородил… Уйди с моих глаз!

- А ты злая!

- Да, я злая. Очень злая. Я сейчас, сущий дьявол, готовый убить. Прямо как ты несколько часов назад, когда сбил его, – напомнила она ему ту картину.

- Да, ты права, я разозлился, когда увидел вас вместе, но я не хотел этого, клянусь. Я хотел припугнуть и вывернуть в сторону, и только я собрался выворачивать руль, как он в эту сторону вытолкнул тебя на обочину. И, чтобы не переехать тебя, я повернул в другую строну, но не успел, он все равно попал под колеса. Так и было, клянусь, Мишель. Я не хотел этого… Я лишь хотел посмеяться…

- Весело тебе сейчас… клоун… - с ненавистью смотрела она в его глаза.

- Он прав, я уже наказан… Но дай мне убедиться, что с ним все в порядке, и я уеду. Вы больше обо мне не услышите.

- Боишься, что он передумает и тебя ждет настоящее наказание? – усмехнулась она, не веря в его искренность.

- Какая же ты упертая. Ты совсем не умеешь доверять людям…

- Людям могу, а тебе нет! – колко ответила она.

- Прощай, Мишель… Не думал, что ты настолько жестокая – настоящая «Железная Леди». А я все голову ломал, с чего тебя так прозвали.

- Ты хотел идти, так иди… - отвернулась она, боясь показать ему начинающийся перехват дыхания с жутким сердцебиением. Она присела и схватилась за грудь, прерывисто дыша в захлеб.

- Не плачь, пожалуйста, - остановился Стас, решив, что ее всхлипы это плач.

Она молчала, но как-то странно обвисла на спинке, придерживаясь одной рукой.

- С тобой все в порядке? – заподозрил неладное Стас.

Он подошел поближе и увидел, что она временами задыхается.

- Тебе не хватает воздуха? – догадался он. - Тебя вывести на воздух?

Она кивала, не в силах ответить и боясь привлечь внимание отца. Стас подошел и помог ей подняться, подставив руку, чтобы она схватилась. Она поднялась и с усилиями вышла на улицу, показывая ему на скамейку.

- Тебе тоже нужен врач… Посиди здесь, я позову, – усадив ее на ближайшую скамейку, он хотел вернуться в больницу.

- Нет, пожалуйста… - через силу, изнеможденно сказала она, - посиди здесь.

- Хорошо, - и Стас уселся рядом, не отводя от нее глаз.

- Сейчас пройдет… это ерунда, всего на всего пролапс митрального клапана. Такое не часто бывает, да и обычно не так сильно, как в этот вечер. Это все из-за эмоциональных перегрузок.

- Но ты же задыхалась… вся побледнела…

- Да, просто сердце в холостую стучит, кровь из-за пролапса, недостаточно проходит. Большая часть назад стекает, соответственно, в голове кислородное голодание и бледность. А мозг, видимо, через легкие хочет кислородом запитаться, вот я, как рыба, и глотаю воздух взахлеб в этот момент. Как только ритм сердца восстанавливается, все встает на свои места, остается только небольшая слабость.

- И давно это у тебя?

- Всю жизнь. Это врожденная аномалия. Пока нет сильных перегрузок, ничего подобного не происходит. Это безобидная штука, с этим живут многие. Я тоже обычно это переношу спокойно, никто и не замечает, что со мной что-то не так. А в этом году оно стало меня выдавать. Сегодня прямо «полный аншлаг», второй раз за ночь такое. Сначала Матвея напугала, теперь тебя, - грустно произнесла она.

- Прости меня пожалуйста! Я и перед тобой виноват. – попытался объясниться Стас.

- Мне сложно простить…

- Понимаю. Я идиот, эгоист, ты не представляешь, как я себя за это ненавижу. Мне самому себя не простить, а я еще от тебя это прошу.

- Гер, ты умеешь молиться? – вдруг спросила она.

- Умею.

- Помолись за него!

Он молча посмотрел на нее и подумал: «Как же в ней может сочетаться страсть и чистота, в одном хрупком теле…».

И тут к ним вышел отец Мишель с родителями Матвея. Мишель с усилием приподнялась и направилась к ним навстречу. Стас шел сзади, пытаясь подстраховать ее на случай, если ей снова станет плохо.

- Как он? – с нетерпением спрашивала она, обращаясь к родителям Матвея.

- Его увезли на операцию – перелом лодыжки. Как он так умудрился с дерева свалиться, и зачем вообще полез, не понимаю. Мишель, ты хоть расскажи, что там произошло?

- Я не видела, простите, – не зная, что им рассказал Матвей, пыталась выкрутиться она.

- Да?! А я поняла, со слов Матвея, вы вместе были.

- Нет, ему, наверное, показалось, меня там не было в этот момент, – тихо говорила она из-за отсутствия сил.

- Ты что-то бледная… перенервничала? Поезжайте домой. А мы тут останемся.

- Да, доченька, поехали, надо сил набраться, поспать. А утром приедем, навестим.

- Нет, я не поеду. Вы со Стасом езжайте, я остаюсь.

- Мишель, не глупи, тебе нужно отдохнуть, - вступился Гера.

Она сверкнула на него глазами, но наткнулась на отпор. Он явно был настроен решительно. Их немой разговор понимали лишь они:

«- Если не поедешь, я всем расскажу, что с тобой только что было!

– Ты не посмеешь! - пыталась настоять она.

- Еще как посмею. Не сядешь в машину - отправишься в палату! – говорил он своим выразительным взглядом».

- Ладно, вы правы, мне и правда нужно поспать, – сдалась она и, попрощавшись со всеми, направилась к машине.

Гера тоже завёл свой мотоцикл и стартанул вперед. Когда они вернулись домой, уже светало. Но Мишель вырубилась еще в дороге. Слабость свалила ее.

- Дочь, приехали! – тормошил ее отец, - вылезай!

Мишель с усилием выползла из машины. Запинаясь и придерживаясь за стены, она добрела до своей кровати и упала на нее, в чем была. Проснулась она только в полдень. Подскочив, Мишель посмотрела на часы и ужаснулась.

- Мама, где папа?

- На покос уехал, за реку.

- Как на покос?

- Завтра и мы с тобой поедем, видишь, как жарит. Трава подсохнет, будем стог метать.

- Мам, мне нужно в райцентр…

- Ты к Матвею спешишь?

- Да, его ночью прооперировали. Я утром должна была приехать, а проспала… как я так могла, - корила она себя за сон.

- Утром Стас приезжал, сказал, что он у него был. Матвей просил тебе передать, что с ним все в порядке. Его продержат в больнице не больше пары дней, а потом дома на костылях скакать будет. Стас подтвердил, что он бодрый и выглядит хорошо. Родители после утреннего посещения домой уехали. Вечером снова поедут. Он под присмотром, можешь успокоиться.

- Нет, мам, ты не понимаешь, я должна его увидеть, - умоляюще смотрела Мишель на мать.

- Ладно, езжай, – сдалась мама.

Перекусив на ходу, Мишель быстро собралась и уехала в больницу.

Тук-тук-тук. Мишель постучала в косяк открытой двери палаты, где лежал Матвей. Проходя внутрь, она увидела три кровати с грузами. В двух из них лежали обмотанные-перемотанные мужчины. Третья кровать пустовала. Разглядев больных, она поняла, что среди них Матвея нет. И она подошла к третей - пустой кровати. Положив фрукты на тумбочку, Мишель обратилась к пациентам палаты.

- А где ваш сосед? – удивилась она.

- На дискотеку пошел, - пошутил один из них.

- Сходил уже вчера! - продолжила шутку Мишель, усмехнувшись.

- А я и сегодня могу! - стуча костылями и прыгая на одной ноге, входил в распахнутую дверь Матвей.

- Матюш! – подскочила она к нему. – Разве тебе уже можно вставать? – беспокоилась она, оглядывая его ногу.

- Мне все можно! – довольно шутил он. – Идем, прогуляемся, что тут в палате сидеть, - подмигнул он ей и кивнул в сторону холла.

Она последовала за ним. Встав у окна в тихом уголке площадки лифта, он нежно смотрел и подсмеивался, разглядывая ее лицо.

- Что ты смеешься? – тоже улыбнулась ему в ответ Мишель, поглаживая его плечи.

- Ты очень смешная…

- Смешная!? – не понимала она.

- У тебя один глаз накрашен, а второй нет, - продолжал смеяться он.

- Боже мой, я так спешила, что даже в зеркало не посмотрела! - запереживала она.

- Я слышал про то, что девушки после свадьбы перестают краситься, но, чтобы после первого поцелуя – такого не слышал! – продолжал хохотать он.

- Да ну тебя! - шутя стукнула она его в грудь. - Я ни о чем не думала, кроме тебя, бежала сломя голову.

- Да, шучу, я шучу. Я тебя и с одним накрашенным глазом буду любить! – улыбнулся он и погладил ее по лицу, приставив один костыль к стене.

- И я тебя люблю, - нежно смотрела она на него. И в них нарастало неудержимое желание вновь почувствовать этот вкус нежных губ.

Но тут их заметил врач, проходивший мимо по коридору.

- Вот где наш неуловимый больной, а я его бегаю, везде ищу! - остановился в проходе доктор, - А ну, марш в палату собирать вещи!

- Вещи? – удивилась Мишель.

- Да, я его выписываю. Нечего просто так палаты занимать, весь день скачет как здоровый, - улыбнулся он, глядя на Мишель, - Выписку через пол часа принесу, подпишешь и можешь ехать, - продолжил врач.

- Но вы его только ночью прооперировали, - возмущалась Мишель.

- Мы не прибегали к оперативному вмешательству. Рентген показал незначительное смещение при переломе. Под местным наркозом мы выровнили кость и наложили гипс. Сейчас главное, чтобы кость правильно срослась. Самое важное сейчас — это минимум нагрузок, побольше лежать. Проследите за ним, девушка, а то он у вас уж слишком активный.

- Спасибо, доктор! Это самое лучшее назначение врача, что я когда-либо слышал! – смеялся довольный Матвей, - Слышишь, что доктор говорит? Ты должна меня уложить и не давать даже подняться. Рай, а не лечение! – никак не мог удержаться от шуток Матвей, глядя на Мишель.

- Доктор, а можно нам прямо сейчас отдельную палату, и я обещаю из нее не выходить!

- Прекрати, - подталкивала его локтем Мишель, тоже улыбаясь, глядя на его горящие веселые глаза.

- Ну, молодёжь! Ох уж ваши шуточки! - пригрозил им пальцем доктор и продолжил свой обход.

- Ладно, пойдем. Нужно родителей предупредить, чтобы выезжали за нами.

- За нами? – удивилась она.

- Ну да… Ты что, на попутках решила назад возвращаться, когда за мной скоро приедут? Дождемся родителей и поедем вместе.

- Хорошо. Но мне неловко будет перед ними… Кстати, что за историю ты с деревом придумал? Они меня спрашивали, а я и не знала, что сказать.

- Сказал, что за яблоками полез в соседский огород и свалился, а ты мимо проходила и на помощь позвала.

- А я сказала, что меня рядом не было в этот момент.

- Ну и отлично, ты же позже подошла, все срастется, как и моя кость в скором будущем. Жаль, мне теперь купаться и на дискотеки с вами нельзя. Но зато кое-кто доктору обещал следить за мной и моим лежачим режимом! – усмехнулся он, подмигивая ей.

- Днем! – уточнила она, - Я буду навещать больного только днем!

- Как скажешь, моя родная! – и он притянул ее к себе, страстно поцеловав.

Забрав выписку и прождав еще час, они сели в машину и помчались домой. По дороге Матвей еще раз пересказал придуманную им историю, и родители, наконец, поверили. Мишель молча ехала на заднем сиденье вместе с Матвеем, держась с ним за руку. Тут Матвей взял ее правую руку и посмотрел в ее глаза. Он опустил взгляд на ее руку и показал движением своей руки, как он одевает на ее безымянный палец невидимое кольцо. Она залилась краской и вопросительно посмотрела на него.

- Ты согласна? – спросил он вслух.

- Согласна, – тихо ответила она, чувствуя, как ее сердце снова начинает свой разгон.

В этот момент отец Матвея Игорь Валентинович, обратился к Мишель.

- Мишель, тебя завести домой?

- Нет, спасибо, я добегу, - кротко ответила она, переводя дыхание.

И тут вдруг Матвей громко произнес.

- Мам, пап, мы с Мишель решили пожениться.

Отец, от неожиданности надавил на тормоз, и они все повалились вперед.

- Что? – повернулась к ним мама.

Мишель от неожиданности потеряла дар речи и не знала, что сказать, глядя испуганными глазами то на родителей, то на Матвея. Она была похожа на загнанного зверька, на которого сейчас обрушится стая волков и разорвет ее в клочья.

- Да, мы хотим пожениться. Мы любим друг друга, – уверенно сказал он, двумя руками обхватив ее правую руку.

- Ты что, беременна? – обратилась Галина Петровна к Мишель, с явно недружественными нотками в голосе.

- Мама, не дави на Мишель! И прекратите так смотреть. Пока Мишель не беременна, но когда-нибудь мы вас обязательно обрадуем.

- Мишель, что ты молчишь? С тобой все в порядке? – обратилась Галина Петровна к ней, с тревогой в голосе, видя, как она побледнела и тяжело дышит.

- Отец, быстрее вези к нам… Мам, ей и вчера было плохо, посмотри ее, пожалуйста! – увидев, что Мишель стала падать всем телом на него, запаниковал Матвей.

Доехав до дома, отец Матвея взял на руки потерявшую к тому времени сознание Мишель, а мать помогала Матвею выбраться из машины и встать на костыли.

Уложив на диван обмякшую Мишель, Игорь Валентинович вышел на улицу.

- Ну, а ты что смотришь? Выйди, мне нужно ее осмотреть! – прикрикнула мама на сына.

Выпроводив всех, Галина Петровна принялась приводить Мишель в сознание нашатырным спиртом. Как только Мишель очнулась, Галина Петровна измерила давление, пульс и стала прослушивать сердце. Расспросив о симптомах, что происходили с ней последнее время, она заключила:

- Тебе нужно срочно лечь на обследование в кардиологию, это серьезно! – обеспокоенно начала Галина Петровна.

- Не нужно, это все перегрузки. Сначала экзамены в школе, эта гонка за медалью и провал. Потом экзамены в ВУЗ, а вчера еще и это все… Просто переволновалась. Я с детства знаю о своих проблемах с сердцем. Поверьте, это не страшно, меня уже где только не обследовали, ничего серьезного не выявляют, простой пролапс, – улыбнулась она.

- Может быть, ты и права, но в любом случае тебе нужно при себе иметь какое-нибудь успокоительные, хотя бы пустырник… Возьми за правило, держать его всегда в сумочке. Не допускай, чтобы сердцебиение учащалось, как сейчас. А на будущее все-таки запишись к кардиологу, хуже не будет. Ну, а теперь рассказывай, что за идею выдал мой сын. Я вижу, он и тебя шокировал этим.

- Галина Петровна, мы с вашим сыном всю свою сознательную жизнь дружили, вы сами прекрасно знаете… А вчера … в общем, мы поняли, что это уже не просто дружба. И прямо сейчас в машине, он сделал мне предложение… Я согласилась… Понимаю, это звучит абсурдно, но, наверное, все так быстро развивается, потому что мы очень долго ждали. Долго скрывали от самих себя свои чувства, а сейчас они выливаются через край, и мы уже не в силах что-то скрывать… Вы меня осуждаете?

- Нет, конечно же, нет. Ты мне очень нравишься, и я одобряю выбор сына… Наверное, подсознательно я была готова к этому. Я ведь видела, как он к тебе относится. Материнское

сердце не обманешь. Но если честно, не ожидала, что так быстро это случится. Вы же еще дети, вам вот только семнадцать исполнилось… Какой брак? Я не просто так про беременность спросила, вас ведь только в этом случае могут расписать до совершеннолетия.

- Я понимаю ваше возмущение, но мы не торопимся. Дождемся совершеннолетия… Уверяю вас, я не беременна. Между нами и, правда, ничего не было.

- Зная вас обоих, верю, – улыбнулась она, - Ладно, одевайся. Позову этих двоих. Чувствую, они весь порог уже оббили.

12.3. Умение прощать

Гипс с ноги Матвея сняли только перед самым возвращением в город. Оставшийся этим летом без купания и дискотек, он ни капельки не жалел об этом. Мишель была рядом, а это не просто заменяло все наслаждения, это было воплощением мечты. Она шутила, смеялась, заботилась и любила его, а он ее, все больше и больше растворяясь в ней. Однажды, когда он лежал на диване, она подсела к нему и взяла за руку.

- А ведь я чуть не упустила это все… Представляешь, я ведь поставила наше счастье на кон судьбы. Разве я имела права так рисковать… Мне сейчас страшно представить, что бы было, если тогда тот последний водитель не заглох и вдруг сказал бы мне: «Да, как раз туда – в Обакан едем, - подбросить?»

- Не понимаю, о чем ты, что за кон судьбы, что за водитель? – удивился он.

- Я тебе не рассказывала, но я ведь не передумала тогда поступать в придуманный вами “Кошмаринск”… В тот роковой день, я доверилась воле случая. Подтолкнула отца на глупость. Доехав до переправы у райцентра, я выдала отцу: «Пап, а поехали к брату?». Что тогда на меня нашло, не знаю. Я металась. С родителями-то мы решили, что едем в область, а в душе меня как будто кто-то подталкивал на сопротивление, подшептывая на ухо: “… ну, рискни, хоть раз в жизни, не струсь, сделай по-своему”. Папа, конечно, сопротивлялся, крутил у виска, но потом сдался и предложил: «А давай так! Сейчас с парома выезжают машины. Если первая остановившаяся машина едет до Обакана и нас берет – будь, по-твоему, едем к твоему брату, а если она едет в другую сторону, то мы идем на паром и следуем утвержденному плану. Хорошо?!». Скорее всего, он на это решился, будучи уверен, что обакановских машин практически нет на этой стороне. И тогда мы стали тормозить выезжающие с парома машины, но они не останавливались и проезжали мимо. И вот остался последний автомобиль. Он съехал с парома и, немного проехав, заглох, представляешь… Мы, естественно, с отцом побежали на паром, на наше с тобой счастье.

— Значит, я обязан всем этому водителю. Дай Бог ему здоровья! – серьезно произнес Матвей, - Если бы не его заглохшая машина, я бы пропал в этом городе без тебя… - грустно сказал он, и у него защемило сердце.

- Не говори такое, у меня сердце кровью обливается… - прижалась она к нему с такой же болью, что пронзала и его.

Им обоим стало страшно в этот момент осознания, что все, что у них сейчас есть, могло просто не произойти, исчезнуть и не существовать на самом деле… Жуткая мысль пронеслась одной стрелой, что пронзила оба сердца: «А вдруг этого и правда нет, и мы нереальные, мы - это наша мечта!», и они еще сильнее прижались друг другу, чтобы осязать, чувствовать кожей своего родного человека, ради которого хотелось жить.

— Это действительно, страшно. Давай больше никогда не будем вспоминать этот случай, – предложил Матвей.

- Согласна. Мне тоже очень жутко при этом!

«Чем-то холодным и могильным веет от этой мысли» - подумала она.

И они больше ни разу не подняли этой темы, боясь ее, как огня.

Оставались последние выходные перед снятием гипса и отъездом в город.

- Давай, напоследок сходим на дискотеку! - предложил Матвей.

- На костылях? Зачем? Тебе же гипс уже в следующую среду снимут.

- Да, но в четверг мы уезжаем и потом неизвестно, когда приедем. Сегодня последняя дискотека перед отъездом. Все наши там будут.

- Не знаю…

- Соглашайся, соглашайся! – подбивал ее Матвей.

- Хорошо, но недолго. Я с папой поговорю, он нас отвезет.

И вот, как только Мишель собралась, отец отвез их обоих в клуб. Несмотря на костыли, они шли вдвоем очень уверенно, как настоящая звездная пара на вручении Оскара, светясь и притягивая к себе, как магнитом, взоры окружающих. Звуки любимой музыки вновь возвращали их в привычную атмосферу молодежного веселья.

- Вот так сюрприз, а мы уже не надеялись этим летом тебя, Матвей, увидеть. Мишель, а ты, по-видимому, надзорный орган на сегодня! - подходили к ним знакомые, смеясь и похлопывая Матвея по плечу.

— Не вижу наших, – озиралась по сторонам Мишель.

- Ты хочешь потанцевать? – спросил Матвей.

- Мне как-то неловко… наших никого нет, ты танцевать не можешь… – смущённо оглядывала танцпол Мишель.

- Ну и отлично, - вдруг выдал Матвей.

- Отлично? – удивилась она.

- Да. Пошли назад, - предложил Матвей.

- Странный ты какой-то. Ну да, ладно, пойдем назад. - разочаровано произнесла она. – Доведу тебя до дома, сегодня я провожатый.

Как только они вышли за ворота клуба, Матвей остановился в ожидании.

- Мы кого-то ждем? – удивилась она.

- Да, наберись терпения. И тут она услышала звуки приближающихся мотоциклов. Она машинально начала уводить его от дороги.

- Не бойся, сегодня они не пили, - улыбнулся он.

- Откуда ты знаешь? – удивилась она.

- Секрет. Но скоро узнаешь.

Два мотоциклиста остановились рядом с ними и сняли шлемы. Это был Гера и Ник.

- Привет, ребята, - поприветствовал их Гера.

- Привет, - недоверчиво посмотрела на них Мишель.

- Ну что, готовы? – спросил Ник, - Погнали?

- Куда? – удивилась Мишель, и покосилась на Матвея.

- Доверься мне. Садись к Гере, я поеду с Ником. - и, отдав Стасу костыли, он сел к Никите. Мишель последовала его примеру и села к Стасу.

Рассекая воздух и темноту светом фар, они мчались по поселку в сторону реки. Остановившись, Мишель увидела костер у самого берега. Вокруг него собрались все ее одноклассники. От соседнего дома тянулся удлинитель, в который были включены магнитофон и гирлянды, растянутые за спинами этой веселой компании.

- Сюрприз! – кричали все, увидев приближающую четверку.

- Матвей, это ты организовал?

- Ну да… Я помню, как ты сожалела, что тогда после выпускного не поехала с нами на природу. Ну, раз Магомед не идет к горе, гора пришла к Магомеду! - рассмеялся он.

- Я тебя обожаю! - набросилась она на него, чуть не лишив его равновесия.

- Тиши, тише, Мишель, я не так уверенно стою, хоть и опор у меня больше, чем у вас, - усмехнулся он.

- Сложно было всех собрать? - расспрашивала она, пока они шли к костру.

- Нет, я только предложил, все разом откликнулись. Всем понравилось. Никто не отказался повторить то веселье, что ты пропустила. Идея зашла “на ура”!

- Ты - просто волшебник, ты знал?! – с горящими глазами восклицала она.

- Ты Геру с Ником поблагодари, без них я бы не доковылял.

И тут она вдруг поняла, что все это время рядом с ними шли еще и они. Она оглянулась и сразу встретилась взглядом со Стасом.

- Да не за что, Мишель, - усмехнулся он, не дождавшись от нее благодарности.

Она, немного растерянная, все же выдавила из себя: «Спасибо!», но так и не понимала, зачем именно их он попросил подвезти, ведь мотоциклы были и у других ребят.

Усевшись на бревна, возле костра, Мишель прижалась к Матвею, наслаждаясь его теплом. Он тут же приобнял свою Мишель, тоже жадно впитывая каждой клеточкой ее близость. Напротив, рядом с другими ребятами уселись и Стас с Ником. Встретившись взглядом со Стасом, она тут же шепнула на ухо Матвею:

- Зачем они здесь? Что ты задумал?

- Не волнуйся… Я знаю, что делаю.

Мишель, всегда безгранично доверявшая Матвею, отпустила ситуацию и наслаждалась упущенным весельем в кругу одноклассников. Часть ребят жарили шашлыки. Девчонки танцевали. А остальные, сидя у костра, шутили и смеялись, рассказывая массу смешных историй. Матвей отошел от нее и на костылях поковылял к берегу, куда к этому времени перебрался Гера. Он сидел на перевернутой лодке и бросал камни в воду. Мишель наблюдала, как они о чем-то беседовали. На их лицах не было ни злости, ни ненависти. Казалось, на лодке сидят два приятеля и дружно увлеченно о чем-то рассуждают. Любопытство взяло верх, и Мишель направилась к ним.

- Мальчики, о чем беседуем? - подошла она к ним “лисичкой”, присаживаясь к Матвею.

- Хорошо, что ты пришла… - начал подниматься Матвей, выставляя костыли.

Мишель тоже встала, чтобы поддержать его и уйти вместе с ним.

- Нет, оставайся. Вам с Герой нужно поговорить. Не буду вам мешать, - похлопал по плечу сидящего Стаса Матвей.

- Не о чем нам разговаривать, - немного грубо ответила Мишель, намеренная уйти.

- Я же тебе говорил! – сказал Гера Матвею.

- Мишель, пожалуйста, останься. Я серьезно, - попросил Матвей.

- Матвей, но я не хочу, - сопротивлялась она.

- Послушай меня. Гера уезжает и, возможно, надолго. Дай ему шанс уехать без груза на душе, – настаивал Матвей.

- Хорошо, если ты этого хочешь, - покорилась она Матвею и села рядом со Стасом.

Матвей медленно поковылял к друзьям, переглянувшись со Стасом на прощание.

- Я слушаю, - все также недружественно говорила Мишель.

- Никак не можешь простить? – спросил Стас, глядя на нее.

- Не могу… Я не понимаю, как он тебя простил. Ты его покалечил, лишил нормального лета. Это Матвей на людях весь такой, беззаботный, типа забил на это. А на самом деле, знаешь, как он страдает. Нет, не из-за физической боли, а, потому что полноценно помочь родителям не может. Он не привык, чтоб о нем заботились. Матвей такой человек, который сам хочет обо всех заботиться… а сейчас он выбит из нормальной жизни. Я понимаю, что Матвей еще легко отделался, могло быть и хуже. А могло и вовсе не быть, если бы кто-то тогда не решил «припугнуть»! – покосилась она на Стаса.

- Ты права, я виноват… и своей вины не отрицаю. Я не прошу отпускать мне грехи, я лишь хочу объясниться перед отъездом.

- Объясниться? – удивилась Мишель.

- Да. Мы лишь тогда в больнице смогли поговорить, как нормальные люди. И я понял, мне нужно большее. Мне не хватило этого времени, сказать все…

Мишель изучающе посмотрела на него, и в ней начало нарастать напряжение.

- А не лучше ли нам не ворошить прошлое? – поняла она его намерение.

- Ты меня совсем не знаешь, как человека. Лишь обрывки слухов, взглядов, шуток… А кто я, что я, знают немногие. Думаю, ты удивишься, если я скажу, что Матвей - один из тех немногих, кто узнал меня и кому я доверяю. Между нами много всего было. И он, как никто другой, знает, как я тебя любил. Но сейчас я принял поражение и готов отступить, но не уйти.

- Я, правда, рад за тебя, что ты с ним. Он самый достойный из всех, кого я знаю. Да, не скрою, на его месте хотел бы быть я, но это уже в прошлом. Ты сделала свой выбор, и я его уважаю. Но и потерять тебя насовсем боюсь. Не знаю, откуда эти чувства, но я знаю, что мы с тобой никогда не расстанемся. Нет, я не имею в виду какие-то близкие любовные отношения. Ты просто родной и очень понятный мне человечек. Хотя бы иногда, но я должен знать, что смогу увидеть, услышать тебя. Я хочу быть твоим другом, другом Матвея. Возможно, в будущем, когда и я обзаведусь семьей, мы сможем дружить семьями, что ты на это скажешь?

- Звучит, как фантастика, но поживем - увидим. Если он готов впустить тебя в ряды наших друзей, я перечить не буду. Я доверяю ему и его чутью.

— Значит, и мне доверяешь сейчас?

- Не так быстро, - осекла она его, - Доверие еще надо заслужить. Пока я лишь не против того, чтобы ты был в нашем окружении.

Она не заметила, как он за ее спиной махнул Матвею и вскоре тот подошел к ним и уселся рядом со своей невестой.

- Ну как, поговорили? – спросил Матвей, глядя то на одного, то на другого.

- Да, - ответил Гера, улыбаясь, - у тебя хоть и недоверчивая, но мудрая невеста.

- Я в курсе, - улыбнулся Матвей.

- Тебе-то это откуда знать? Тебе я всегда доверяла на все сто! – покосилась она на Матвея.

- Так я про мудрость! – рассмеялся он, реабилитируясь.

- Ну что, Мишель. Значит ты согласна, что Гера будет нашим свидетелем на свадьбе?

- Что?! – вскрикнула она, привстав… - Мы же Макса решили взять, - смотрела в упор она на Матвея.

- Гера на скамье запасных будет! – рассмеялся он.

- Ну и шуточки у тебя, Матвей! – подтолкнул его Гера.

- За такие шутки и в глаз можно… Все, ты прощен, Гера! Матвей ногой рассчитался, а если вздумает еще раз так пошутить, я ему вторую, пожалуй, сломаю! – пригрозила кулаком Мишель.

- Вы классные, ребята, я за вас очень рад, - с улыбкой наблюдал за ними Стас.

- А куда ты решил уехать? – спросила Мишель Стаса.

- В Moscow city. Там есть родня, могут приютить первое время, а потом, как попрет. Я же такой человек, мне нужно все и сразу. А в деревне этого не добьешься. Так что еду покорять Москву. – улыбнулся Стас.

- То есть, у тебя даже плана никакого нет? Просто так берешь и едешь, а там как покатит?

- Ну да, а почему нет? Здесь меня ничто не держит. В армию я сходил. В институт не поступил. Я абсолютно свободный. Как хочу, так и распоряжаюсь своей жизнью.

- Странно это, но понять можно, - заключила она.

- А что здесь странного? – удивился Стас.

- Я всегда считала, что если хочешь чего-то добиться, то обязательно должен быть какой-то план. А так, с бухты барахты, вряд ли что-то получится.

- Ну вот, приеду через год к вам на свадьбу и посмотрим, кто был прав. Ты со своей рациональностью или мои бухты барахты! – смеялся Стас.

- Договорились. Я даже знаю, какой хочу от тебя подарок на нашу свадьбу! - уже с легкостью шутила Мишель, сама не замечая того, как быстро происходило перерождение их отношений.

- Какой же? – удивился Стас.

- Да, мне тоже интересно, - подхватил Матвей.

- Я никому из вас не говорила. Но я обожаю, как поет Гера, - немного смущенно призналась Мишель, - Хочу, чтобы он спел на нашей свадьбе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.